
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Ozerov, V. A

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Пятое изданіе, дополненное и сверенное по рукописямъ автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА И ЕГО ИЖДИВЕНІЕМЪ.

1828.

L. K.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. 5 генваря 1827 года.

Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ П. Гаевскій.

ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 23 ноября, 1804 года.

ГАВРІИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ.

Посвящая вамъ сію трагедію, я приношу мой даръ не тѣмъ достоинствамъ, кои возвели васъ на высокія степени въ государствѣ. Пусть безпристрастное потомство судитъ ваши подвиги на службѣ отечества: авторъ *Эдипа* желалъ только принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ *Ломоносова* и съ выспреннимъ паренiемъ *Пиндара* умѣлъ соединить философію *Горація* и прелестную игривость *Анакреона;* который своимъ перомъ, смѣлымъ и животворнымъ, представлялъ природу въ красотахъ ея и ужасѣ, и царицу *Киргизъ-Кайсацкой орды* изобразилъ кистію *Рафаэля.* Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы, величественнымъ, какъ стройное теченіе вселенной, плѣнительнымъ, какъ свѣтлый *ключъ Гребеневскій,* быстрымъ, блистательнымъ, какъ *водопадъ Суны,* поучительнымъ, какъ смерть, современница міровъ, и безсмертнымъ, какъ герои, предметы хвалы вашей, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни: и, можетъ быть, сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда моего отъ мрака забвенія. *Для* меня и то уже послужитъ достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ, что авторъ *Эдипа* умѣлъ почитать геній *Державина.*

Владиславъ Озеровъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ТЕЗЕЙ, царь Аѳинскій.

ЭДИПЪ, бывшій царь Ѳивскій.

АНТИГОНА, дочь его.

ПОЛИНИКЪ, сынъ его.

КРЕОНЪ, посланникъ Этеокла, царя Ѳивскаго.

НАРЦЕСЪ, наперсникъ Креоновъ.

Первосвященникъ храма Эвменидъ.

Вѣстникъ.

Жрецы.

Народъ Аѳинскій.

Стража Тезеева.

Воины Креоновы.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Аѳинской.

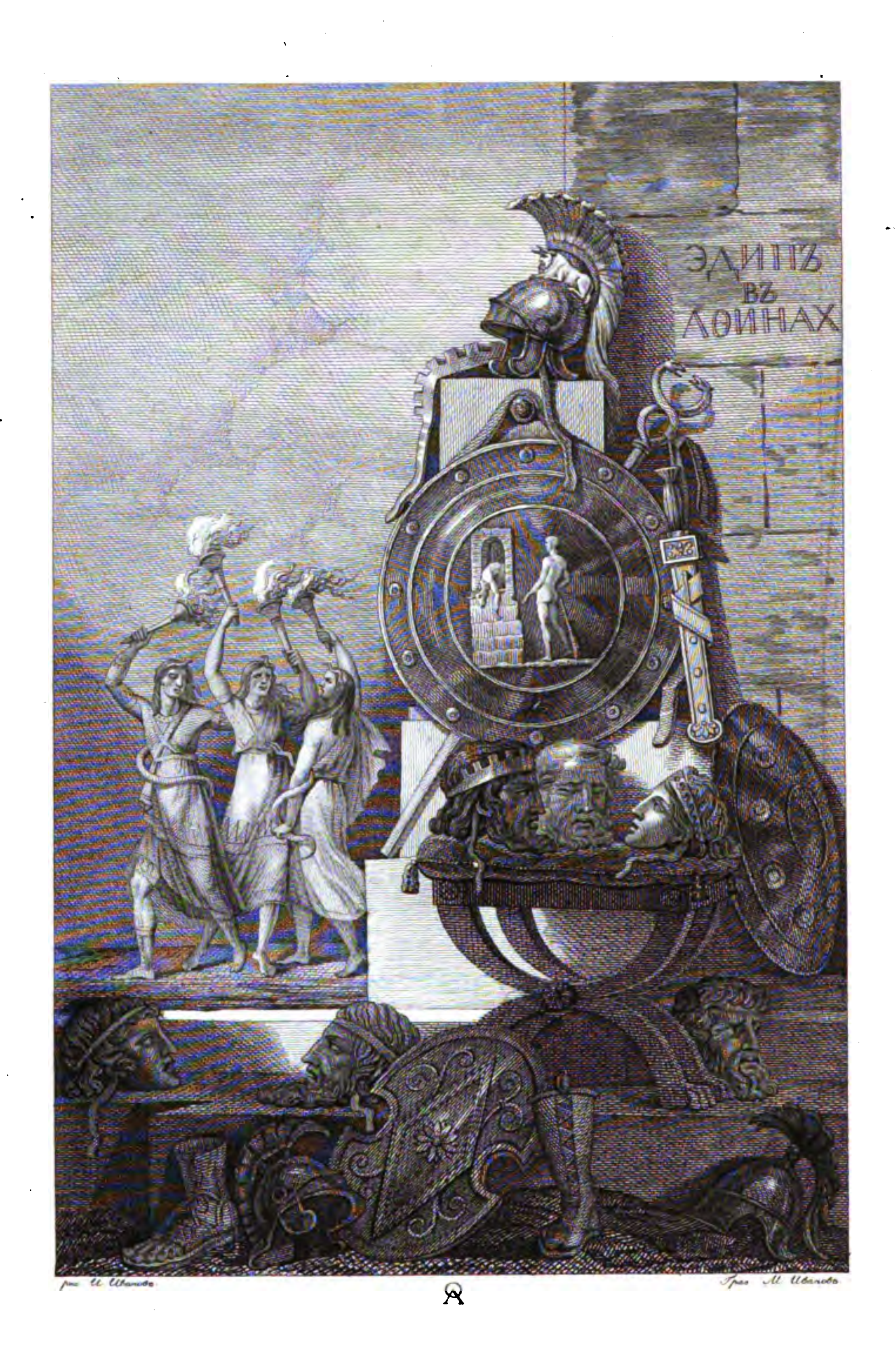

рис. И. Иванов. Грав. М. Иванов

ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ поле; впереди разбитъ царскій шатеръ; вдали съ одной стороны видънъ городъ Аѳины, съ другой храмъ Эвменидъ, окруженный кипарисами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТЕЗЕЙ *выходитъ изъ шатра; народъ Аѳинскій спускается съ горы; стража царская при шатрѣ.*

Хоръ народа.

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живитъ,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселитъ.

Тезей, Аѳинянъ избавитель,
Надменность Критскую попралъ;
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ.

Храните, боги, дни Тезея!
Продлите дни счастливы намъ!
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благости подобенъ вамъ.

ТЕЗЕЙ.

О славный мой народъ, сыны мои любезны!
Когда для васъ могли мои бышь дни полезны,
Я счасшливъ: и сей гласъ опть искреннихъ сердецъ
Лесшнѣе для меня, чѣмъ скипетръ и вѣнецъ.
Но благодарсшвенны вы гласы прекрашите;
Сей день на таинсшва велики посвятите!
Въ просшранномъ полѣ семъ, подъ градскою стѣной,
При всходѣ солнечномъ вы созванные мной,
Чшобъ шесшвовашь во храмъ, гдѣ скорбь людей гонимыхъ
Воздвигла жершвенникъ богинь неумолимыхъ.
Уже въ минувшу ночь подземный громъ гремѣлъ,
Мой царскій шрясся домъ, во храмѣ огнь шускнѣлъ;
Какъ будшо Фуріи, къ Аѳинянамъ суровы,
Желали, чшобы мы несли имъ жершвы новы;
Безвѣсшнымъ мщеніемъ ихъ черна грудь кипишъ.
Опсюда храма́ ихъ являешся намъ видъ;
Пойдемъ, мои сыны: пусшь, жершвоприношенья
Пріявъ, смягчашся къ намъ сіи богини мщенья!

(Тезей хочетъ итти.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Желаетъ предъ шебя введеннымъ бышь Креонъ;
Опъ Ѳивскаго царя посломъ явился онъ.
Чшо повелишь?

ТЕЗЕЙ.

Креонъ, кѣмъ нынѣ горды Ѳивы
Приближились къ концу и стали несчастливы?
Сей Этеокловъ другъ, сей родственникъ царей,
Которыхъ ввергъ въ бѣды онъ хитростью своей,
Что хочетъ отъ Аѳинъ, что хочетъ отъ Тезея?
Посольство тщетное, коль зрю въ послѣ злодѣя.

(Къ народу.)

Къ свершенію мольбы, народъ, иди во храмъ!

(Вѣстнику.)

Посланникъ Ѳивскій пусть сюда предстанетъ къ намъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТЕЗЕЙ и стража.

ТЕЗЕЙ.

О боги, сколько вы во ярости ужасны!
Царей ли гоните: и царствія несчастны.
Эдипъ, ты гнѣвъ несешь: и весь твой страждетъ родъ,
Колеблемъ Кадмовъ градъ, въ немъ стонетъ твой народъ,
И Этеоклъ, твой сынъ, на зыбкомъ сидя тронѣ,
Злой лестью уловленъ, мнитъ друга зрѣть въ Креонѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЕЗЕЙ, КРЕОНЪ, НАРЦЕСЪ, стража тезея и воины креона.

КРЕОНЪ.

Аѳинянъ счастливыхъ о храбрый царь Тезей!
Благополучнѣйшимъ день въ жизни чту моей,

Въ который зрѣть возмогъ толь славнаго героя,
Въ законахъ кроткаго, великаго средь боя,
Чьей громкой славою уже давно полна
Премудрой Греціи обширная страна,
И чьи дѣянія позднѣйшіе потомки...

ТЕЗЕЙ.

Оставимъ лесть, Креонъ, слова оставимъ громки!
Въ устахъ вельможи лесть есть скрытная вражда;
Отрава здѣсь ея должна быть намъ чужда.
Возсядь и важную повѣдай мнѣ причину
Посланья твоего!

КРЕОНЪ.

Несчастливу судьбину
Потомства Кадмова ты знаешь, государь!
Эдипъ, Лаіевъ сынъ, послѣдній Ѳивскій царь,
Рожденъ на бѣдствіе боговъ опредѣленьемъ,
Вселенну ужаснулъ невольнымъ преступленьемъ:
Родителей не знавъ, онъ яростной рукой
Во грудь отца вонзилъ мечь беззаконный свой,
И, обагренъ еще сей драгоцѣнной кровью,
Онъ, съ матерью своей спрягаяся любовью,
Союзъ свой совершилъ у брачныхъ алтарей.

ТЕЗЕЙ.

Кто добродѣтели не измѣнялъ своей
Среди случайности невольна преступленья,
Тотъ большаго отъ насъ достоинъ сожалѣнья.
Безъ ропота къ богамъ, Эдипъ, ихъ чтя законъ,
Лишилъ себя очей, оставилъ Ѳивскій тронъ

И предалъ дни свои стенанью и печали.
Но кто бы мыслить могъ, чтобъ ближніе смущали
И то уныніе несчастнаго слѣпца,
Чтобы престола блескъ, прельщеніе вѣнца,
Могли въ душахъ пресѣчь родство и сострананье,
И наконецъ Эдипъ чтобы познамъ изгнанье?

КРЕОНЪ.

Злосердый Полиникъ родителя изгналъ.

ТЕЗЕЙ.

Коварный сей совѣтъ ему другъ ложный далъ.

КРЕОНЪ.

Совѣтамъ внемлетъ ли духъ пылкій на престолѣ?
Онъ мыслитъ дни вести страстей своихъ по волѣ,
Всѣхъ выше смертныхъ ставъ, мнитъ равенъ быть богамъ.
Эдипъ, оставя скиптръ, вручилъ его сынамъ
И, въ Ѳивахъ испросивъ согласіе народно,
Велѣлъ надъ той страной имъ царствовать погодно.
Но вскорѣ Полиникъ, по жребію пріявъ
Годичну первый власть, явилъ развратный нравъ;
Вкусивъ величія смертельныя отравы,
Онъ добродѣтели пути оставилъ правы
И, своенравіе вмѣня себѣ въ законъ,
Страстямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни препонъ.
Какіе дни, увы, какіе дни плачевны
На Кадмовъ древній градъ послали боги гнѣвны!
Народъ въ домахъ стеналъ, во храмахъ слезы лилъ,
Роптала на торжищахъ и предъ дворцемъ вопилъ.
Но царь, ожесточась и презря гласъ природы,
Изгналъ изъ Ѳивъ отца, чтобъ бурны непогоды

И солнца лѣтній зной могли бы наконецъ
Къ землѣ склонить главу, носившую вѣнецъ.
Эдипъ, изъ странъ въ страну гонимъ своей судьбиной,
Имѣетъ нѣжну дочь опорою единой.

ТЕЗЕЙ.

Но Полиниковъ братъ, но Этеоклъ, Креонъ,
Какъ могъ природы зрѣть нарушеннымъ законъ?

КРЕОНЪ.

Преемникъ бывъ царя, въ своей высокой долѣ,
Онъ долженъ былъ страдать и рабствовать всѣхъ болѣ;
И Полиникъ, своей въ немъ власти зря предѣлъ,
Пути ему закрыть къ престолу восхотѣлъ.
Онъ брату своему готовилъ заточенье,
Но тѣмъ народное свершилъ ожесточенье.
Лишь только царствія несчастный минулъ годъ,
То Этеокла весь царемъ призналъ народъ,
Вѣнчалъ короною и, власть вручивъ державну,
Тѣмъ Полиникову власть кончилъ своенравну.
Опять спокойные намъ возсіяли дни.
Но, чтобы не могли нарушиться они,
Народъ, любя царя, опредѣлилъ закономъ,
Чтобъ Этеоклъ по смерть владѣлъ единый трономъ.
Вотще препятствовалъ его кичливый братъ:
Законъ пріяли всѣ, и онъ оставилъ градъ
Во гнѣвѣ, въ ярости, клянясь отмстить обиду.

ТЕЗЕЙ.

Во изысканіе я истины не вниду,
Креонъ, и кто изъ нихъ виновенъ, или правъ:
Быть можетъ, Этеоклъ, иль Полиниковъ нравъ

Причиной Ѳивскихъ бѣдъ и сей несчастной ссоры,
Иль кто иный межъ нихъ тѣ разсѣвалъ раздоры.
Увѣнчаннымъ главамъ межъ смертныхъ нѣтъ судей:
Богамъ оставлено судить, карать царей.
Ты Полиника здѣсь, Креонъ, виной считаешь,
Гонителемъ отца, тираномъ называешь;
Онъ брату своему тѣ имена даетъ,
Союзникамъ, друзьямъ, всей Греціи речетъ:
»Когда, изгнавъ отца, явилъ я лютость свѣту,
»Послѣдовалъ тогда я братнему совѣту,
»Совѣту всѣхъ вельможъ, Креона самаго.
»Теперь весь градъ клянетъ годъ царства моего.
»Но Этеоклъ въ вѣнцѣ, а я въ несчастной долѣ:
»Пусть онъ оставитъ тронъ, пусть сяду на престолѣ;
»Тираномъ будетъ онъ, я подданнымъ отецъ.
»Злосчастью клеветникъ, а власти спутникъ льстецъ.«
Въ Аргосѣ рѣчь сію я слышалъ Полиника.

КРЕОНЪ.

Какъ скорбна часть его, такъ злость его велика.
Аргосъ и Грецію наполнилъ онъ клеветъ,
Противъ отечества весь мнитъ возставить свѣтъ
И хитрости своей плоды уже сбираетъ:
Различныя страны на насъ вооружаетъ.
Въ Аргосѣ въ бракъ вступивъ со дщерію царя,
Къ осадѣ Ѳивъ спѣшитъ отъ брачна алтаря;
Съ нимъ войска и вожди Аргоса и Микены;
Съ нимъ весь Пелопонисъ идетъ на наши стѣны;
Несутъ намъ пламенникъ, несутъ убійства мечь,
Чтобъ истребить гражданъ и домы ихъ пожечь.

Но мы не рождены спокойно несть оковы,
И прежде умереть граждане всѣ готовы,
Иль лучше погребстись подъ нашею стѣной,
Чѣмъ Полиника зрѣть владыкой надъ собой.
Въ сихъ бѣдствахъ Этеоклъ къ Аѳинамъ прибѣгаетъ,
Союзы древніе Тезею вспоминаетъ.
Изъ края общаго пріяли мы царей:
Цекропсъ и Кадмъ *), преплывъ пространну хлябь морей,
Отъ Финикійскихъ странъ намъ принесли законы,
И Ѳивы отъ тебя своей ждутъ обороны:
Будь ихъ защитникомъ, спасителемъ царя!

ТЕЗЕЙ.

За предложеніе Ѳивянъ благодаря,
Всю цѣну чувствую мнѣ почести толикой;
Но я не для того поставленъ здѣсь владыкой,
Чтобъ жизнью жертвовать мнѣ подданныхъ своихъ,
Чтобъ кровь ихъ проливать къ защитѣ царствъ чужихъ.
Для славы суетной, мечтательной и лживой
Не обнажу меча къ войнѣ несправедливой.
Во браняхъ мой народъ томился много лѣтъ;
О подвигахъ его еще вѣщаетъ свѣтъ;

*) Что Кадмъ родомъ изъ Финикіи, въ томъ всѣ историки согласны; но нѣкоторые писатели выводятъ Цекропса изъ Египта, другіе же утверждаютъ, что и онъ выѣхалъ изъ Финикіи. Сіе мнѣніе вѣроятнѣе; ибо Финикіяне были первые мореходцы, и первые, въ отдаленныхъ отъ своего отечества краяхъ, заводили селенія и города. Ученый господинъ Повъ въ извѣстномъ сочиненіи: Recherches philosophiques sur les Egyptiens es les Chinois, доказываетъ неоспоримо, что Египтяне, по недостатку въ лѣсѣ, не могли быть мореходцами и посылать въ отдаленные края своихъ поселенцевъ.

Сраженный Минотавръ живъ въ памяти у Грековъ.
Едва Аѳиняне свободны отъ упрековъ
За дань, возимую во Критскую страну,
И новую, Креонъ, я предприму войну?
Нѣтъ, нѣтъ, надѣяться того не должны Ѳивы:
Лавръ трону есть краса, но мирныя оливы
Сѣнь благотворная для общества всего.

КРЕОНЪ.

Чту истину, Тезей, отвѣта твоего.
Но Греція тебя включила въ сонмъ героевъ,
И мыслить можетъ свѣтъ, что ты желаешь боевъ,
Что лавровъ ищешь ты, скучаешь тишиной
И славу побѣждать чтишь славою одной:
Такъ чувствовать бы могъ герой обыкновенной.
Но Ѳивы о тебѣ не мыслятъ со вселенной;
Твой превосходитъ духъ героевъ таковыхъ.
Въ наставшихъ случаяхъ, для насъ толико злыхъ,
Не пользу собственну царь Ѳивскій уважаетъ,
Когда въ союзъ вступить Аѳинамъ предлагаетъ,
Нѣтъ, пользы общія насъ съединить должны.
Не Полиникъ, повѣрь, есть цѣлію войны:
Что нужды въ томъ царямъ, противу насъ возставшимъ,
Его ли братъ, иль онъ, владыкой будетъ нашимъ?
Соединенію предлогомъ Полиникъ,
Чтобъ замыслъ гордый ихъ никто здѣсь не проникъ.
Но замыслъ скрытый сей, коварный, хитрый, смѣлой,
Свершась, для Греціи опасенъ будетъ цѣлой.
Противъ союзниковъ различныя страны,
Въ неосторожности пребывъ раздѣлены,

Удобно ихъ рукой бышь могушъ побѣждены;
Сегодня Ѳивъ падушъ разрушенныя сшѣны,
Но завшра часши сей должны Аѳины ждашь:
Благоразумнѣе сей замыслъ упреждашь.

ТЕЗЕЙ.

Нѣшъ, сшрахъ швой за меня, Креонъ, есшь сшрахъ напрасный!
Намъ замыслы царей союзныхъ не опасны;
Насъ побѣдишь имъ мысль мечшашься не могла.

КРЕОНЪ.

Но чшо удержишъ ихъ, Тезей?

ТЕЗЕЙ.

Мои дѣла.

КРЕОНЪ.

Весь свѣшъ дивишся имъ, они конечно славны:
Они же возродяшъ и замыслы шщеславны,
Чшобъ безъ союзниковъ...

ТЕЗЕЙ.

Мой мечь союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ ошеческой сшранѣ.
Гдѣ на законахъ власшь царей усшановленна,
Сразишь шо общесшво не можешъ и вселенна.

(Встаетъ.)

Во храмѣ Эвменидъ собрался мой народъ:
Иди со мной шуда, чшобъ видѣшь мой оплошъ!
Услышишь гласъ его, узришь любовь къ Тезею,
И въ Ѳивахъ возвѣсшишь, чшо усшояшь я смѣю
Прошиву силъ земли средь сонма чадъ моихъ.

КРЕОНЪ.

Безмолвенъ, государь, прошивъ рѣчей швоихъ,

Иду участвовать въ твоей высокой чести

(Въ сторону.)

И, можетъ быть, найду удобный случай къ мести.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ кипарисную рощу; въ сторонѣ храмъ Эвменидъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЭДИПЪ и АНТИГОНА.

ЭДИПЪ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

АНТИГОНА.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

ЭДИПЪ, *спѣши на камень.*

Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

АНТИГОНА.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

ЭДИПЪ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!

АНТИГОНА.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!

ЭДИПЪ.

Ахъ, я Эдипъ!

АНТИГОНА.

Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

ЭДИПЪ.

Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ.

АНТИГОНА.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

ЭДИПЪ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

АНТИГОНА.

Почто возобновлять прошедшія печали?

ЭДИПЪ.

Я ихъ любилъ...

АНТИГОНА.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!

ЭДИПЪ.

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ

Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ.

АНТИГОНА.

Уже ли предъ тобой и я виновна?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

АНТИГОНА.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той!
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей: вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!

Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

ЭДИПЪ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
Объ имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя прейдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль... приближился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!

АНТИГОНА.

Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько тоцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другій, прошедъ побольѣ,
Въ гробу покоится сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

АНТИГОНА.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эвмениды.

ЭДИПЪ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ,
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геэнны.

АНТИГОНА.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

ЭДИПЪ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель,
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ!

АНТИГОНА, *упадая на колѣна.*

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

ЭДИПЪ.

О сколько, Фуріи, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечь,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали:
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о Фуріи, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите!

(Упадаетъ на камень.)

АНТИГОНА.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

ЭДИПЪ, *не вставая и отталкивая ее.*

Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты:
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

АНТИГОНА.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

ЭДИПЪ, *пришедъ въ себя.*

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ;
Пойдемъ *(встаетъ)*, поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари прибѣжище несчастнымъ.

(Съ приближеніемъ Эдипа ко храму, двери онаго растворяются, и народъ стремительно изъ храма выходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА, народъ Аѳинскій.

Хоръ народа.

О страхъ! Поколебался храмъ;
Богини мести раздраженны:
Предъ ними, въ алтарѣ возженный,
Престалъ куриться ѳиміамъ.

ЭДИПЪ, *остановясь.*

Храмъ содрогается отъ моего прихода...

АНТИГОНА.

Скрой имя ты свое, родитель, отъ народа!

I АѲИНЯНИНЪ.

Я вижу странниковъ: одинъ согбенъ отъ лѣтъ,
Другая младости являетъ взору цвѣтъ;
Иль ихъ пришествіе богинь здѣсь раздражаетъ?

АНТИГОНА.

Какая пагуба намъ нова угрожаетъ!

2 АѲИНЯНИНЪ.

Разспросимъ ихъ! Вѣщай, убогій человѣкъ,
Откуда родомъ ты и кто она?

ЭДИПЪ.

Я Грекъ;
Она... она мнѣ дочь.

I АѲИНЯНИНЪ.

Изъ Греческихъ странъ многихъ
Твоя отчизна гдѣ?

ЭДИПЪ.

Отечество убогихъ
Страна, гдѣ найдутся чувствительны сердца.

2 АѲИНЯНИНЪ.

А имя?

ЭДИПЪ.

Ахъ, почто вамъ имя знать слѣпца?
Изъ памяти моей его желалъ бы стерти.

I АѲИНЯНИНЪ.

Но, странникъ, въ сихъ мѣстахъ чего ты ищешь?

ЭДИПЪ.

Смерти...

3 АѲИНЯНИНЪ.

Кто былъ родитель твой?

ЭДИПЪ.

Родитель мой... погибъ

2 АѲИНЯНИНЪ.

О таинственный мужъ, кто ты, вѣщай!

ЭДИПЪ.

Эдипъ.

ХОРЪ НАРОДА.

Эдипъ?.. Увы, какой бѣдою
Грозятъ небеса на здѣшнюю страну!
Сей беззаконникъ за собою
Влачитъ иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

2 АѲИНЯНИНЪ.

Богинь сея страны не раздражайте болѣ:
Бѣгите вы отселъ!

ЭДИПЪ.

Въ моей плачевной долѣ
Куда я уклонюсь?

АНТИГОНА.

Внемли, народъ, внемли
Его стенанію!

1 АѲИНЯНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, изъ сей земли
Изыдите скорѣй!

АНТИГОНА.

Чѣмъ винны мы предъ вами?

I АѲИНЯНИНЪ.

Онъ воздухъ заразитъ здѣсь можетъ между нами:
Отцеубійца онъ.

2 АѲИНЯНИНЪ.

Онъ матери супругъ.

I АѲИНЯНИНЪ.

Своимъ онъ дѣтямъ братъ.

3 АѲИНЯНИНЪ.

Надъ сей главою вдругъ
Соединились всѣ злодѣйствія ужасны.
Мы не хотимъ его несчастьямъ быть причастны:
Онъ изгнанъ отъ людей, онъ проклятъ отъ боговъ.

ЭДИПЪ *къ Антигонѣ.*

Пойдемъ! Смущаюся отъ ихъ правдивыхъ словъ.
Пойдемъ, доколь итти моей достанетъ силы!
Уже ли не найду нигдѣ себѣ могилы?

3 АѲИНЯНИНЪ.

Ты ожидай ея отъ хищности звѣрей!

I АѲИНЯНИНЪ.

Граждане, вотъ и самъ идетъ сюда Тезей!

АНТИГОНА.

О щедры небеса! Ты ободрись, родитель!
Тезей герой, и намъ онъ будетъ покровитель.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕЖНІЕ, ТЕЗЕЙ, КРЕОНЪ, НАРЦЕСЪ И СТРАЖА ТЕЗЕЯ.

АНТИГОНА.

Яви, о государь, скорбящему покровъ!
Родитель мой, къ кому былъ рокъ всегда суровъ,
Котораго вездѣ людская гонитъ злоба,
Пришелъ сюда просить убѣжища и гроба;
Страдальца привела въ Аѳины я съ собой:
Но въ гнѣвѣ твой народъ, соединясь съ судьбой,
Оставить намъ велитъ владѣнія Тезея.
Онъ слѣпъ, а я слаба; защиты не имѣя,
Куда преклонимся? Насъ гонитъ цѣлый свѣтъ.

ТЕЗЕЙ.

О дѣва юная, среди цвѣтущихъ лѣтъ,
Ужель ты можешь быть преслѣдована рокомъ?
Но гдѣ родитель твой?

АНТИГОНА.

Въ отчаяньи жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

I АѲИНЯНИНЪ *къ Тезею, который подходитъ къ Эдипу.*

Не преклоняй, о царь, къ нимъ слуха своего:
Сей странникъ есть Эдипъ!

КРЕОНЪ.

Эдипъ?

ТЕЗЕЙ.

Что слышу, боги!
Ему конечно къ намъ отверзли вы дороги,

Чтобы по бѣдствіяхъ Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарованъ былъ покой,
Чтобъ призрѣлъ жертву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
Приди, почтенный мужъ, приди, младая дѣва!
О славная чета, придите въ мой чертогъ
Вкушать спокойствіе отъ многихъ толь тревогъ!
Какъ храмъ священнѣйшій тотъ царскій домъ прославленъ,
Который страждущимъ къ убѣжищу поставленъ.

ЭДИПЪ.

Такъ для преступнаго и скорбнаго слѣпца
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца?
Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье,
Уже ли наконецъ нашелъ я сосграданье?
Но, ахъ, Тезей, всегда злосчастіемъ ведомъ,
Себѣ убѣжищемъ твой не приму я домъ!
Вездѣ сопутствуютъ мнѣ мстительные боги:
Введу ли всѣ бѣды съ собой въ твои чертоги?
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей странѣ,
Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
Но тщетно; отъ всѣхъ странъ возставшіе народы,
Звѣрей и хищныхъ птицъ не трогая покой,
Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой.
Близъ града твоего дозволь въ уединеньи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленьи
До дня, когда земля, намъ щедрая всѣмъ мать,
Благоволитъ меня въ истлѣніе принять!

ТЕЗЕЙ.

За преступленіе ужасно, но невольно,

Мученія, Эдипъ, ты претерпѣлъ довольно;
Ты добродѣтели несчастный намъ примѣръ.
Не сокрывай ея во мрачности пещеръ,
Укрась ты ею градъ, укрась мои чертоги!
Повѣрь, безсмертные ко мнѣ не будутъ строги
За то пристанище, которое Тезей
Доставитъ нищетѣ и дряхлости твоей!

ЭДИПЪ.

Иль, государь, тобой забвенны стали Ѳивы?

ТЕЗЕЙ.

Иль боги могутъ быть когда несправедливы?
Нѣтъ, нѣтъ, умалиться ихъ правда не могла:
Взираютъ съ благостью на добрыя дѣла.

ЭДИПЪ.

Ахъ, вспомни, что Эдипъ безсмертными оставленъ!

ТЕЗЕЙ.

Я знаю, что Эдипъ страдальчествомъ прославленъ,
Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
И что принять его велитъ мнѣ долгъ владыкъ.
Склонися, древній мужъ, къ Тезееву прошенью,
Остатокъ дней своихъ предай успокоенью,
Хотя изъ жалости ко дочери твоей!
Въ пещерѣ ль воздыхать съ тобою должно ей?
Или ты можешь быть толико къ ней суровымъ,
Чтобы опасностямъ ее подвергнуть новымъ?

АНТИГОНА.

Я не страшусь терпѣть презрѣнну нищету:
Съ отцемъ пещеры мракъ чертогу предпочту;
Всѣмъ бѣдствамъ за него охотно подвергаюсь.

ЭДИПЪ.

О нѣжна дочь, твоей любовью убѣждаюсь!
Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ мой и позоръ
Увянуть въ младости, въ пустынѣ среди горъ:
Чтобъ свѣту быть красой, ты послана на землю.

(Къ Тезею.)

Великодушный царь, я твой покровъ пріемлю,
Убѣжищемъ для насъ пріемлю твой дворецъ.
Пусть тамъ, когда придетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ къ вѣчности отверзты будутъ двери,
Зрѣть пристань буду я спокойную для дщери;
Моя же пристань гробъ: тамъ волею небесъ
Назначено престать моимъ потокамъ слезъ.

ТЕЗЕЙ.

Смягчитъ небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.

(Къ Креону.)

А ты, сей встрѣчи здѣсь нечаянный свидѣтель,
Какъ возвратишься ты въ отечество твое,
Скажи, чѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое!
Изгнаніемъ царей несчастны стали Ѳивы;
Но царства тверды тѣ, которы справедливы.
Вотъ мой отвѣтъ, Креонъ!

ЭДИПЪ.

Креонъ въ твоей странѣ?
Онъ здѣсь? Увы, скажи, вѣщай о дѣтяхъ мнѣ:
Въ отечествѣ ль они, на царскомъ ли престолѣ?
Ахъ, нѣтъ, не говори, не дѣти сутъ мнѣ болѣ,
Не дѣти, изверги, и яростью боговъ
Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ!

О боги сильные, властители природы,
Которыми падутъ и возстаютъ народы!
Предъ вами вѣки мигъ, вселенная черта,
И смертный на землѣ, какъ слабая мечта.
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру!
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ придетъ меня съ лица земнаго стерть,
Не дайте сыновьямъ мою увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
Чтобъ въ Ѳивахъ, извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали, гдѣ сыскать
То мѣсто на землѣ, гдѣ буду я лежать.
Благоволите ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте!

(Громъ подземный раздается.)

НАРОДЪ.

О страхъ!

ЭДИПЪ.

Отвѣтствуйте!

(Громъ сильнѣе ударяетъ.)

1 АѲИНЯНИНЪ.

Внемля
Его воззванію, колеблется земля.

2 АѲИНЯНИНЪ.

Перуны раздались и молнія блеснула.
Иль рѣчь его къ богамъ природу ужаснула?
Жрецъ храма Эвменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

О государь, народъ, спремишеся во храмъ!
Богини мести, въ немъ присупспвуя суровы,
Намъ прорицапь судьбы въ сей спрашный часъ гоповы.

ТЕЗЕЙ.

Пойдемъ и принесемъ имъ жерпвы и мольбы,
Да премѣняпъ онѣ Эдиповы судьбы!

ЭДИПЪ.

Нѣпъ, шеспвовапь пуда пебѣ во слѣдъ не смѣю:
Гласъ долженъ Эвменидъ ужасенъ быпь злодѣю;
И въ храмѣ раздражапь не буду я собой.

ТЕЗЕЙ

Иди же въ мой шаперъ и памъ вкуси покой!

(Воину.)

Эдипа проводи!

(Эдипъ и Антигона слѣдуютъ за воиномъ; Тезей съ народомъ идетъ во храмъ.)

КРЕОНЪ *Нарцесу.*

Мспипь гордому Тезею
Удобный случай я, Нарцесъ, пеперь имѣю.
Пойду, пойду во храмъ оракулу внимапь;
Ты воиновъ моихъ спѣши къ шапру собрапь!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ поле; съ одной стороны роща, съ другой видимъ шатеръ Тезеевъ; въ отдаленности городъ Аѳины.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КРЕОНЪ и НАРЦЕСЪ.

КРЕОНЪ.

Тѣмъ временемъ, какъ царь въ смущеніи жестокомъ
Багритъ алтарь богинь кровавымъ козлищъ токомъ,
Когда его рукой курится ѳиміамъ,
Мой замыслъ совершить, Нарцесъ, надлежитъ намъ.
Уже ли собраны тобой мои Ѳивяне?

НАРЦЕСЪ.

Во слѣдъ тебѣ, Креонъ, пришедшіе граждане,
Въ сей рощѣ скрытые, твоихъ велѣній ждутъ;
Скажи, ихъ храбрости какой предложишь трудъ?

КРЕОНЪ.

Эдипа возвратить въ отеческія стѣны.

НАРЦЕСЪ.

Какія, государь, я зрю въ тебѣ премѣны!
Не ты ли былъ виной изгнанію его?

КРЕОНЪ.

Я самъ: онъ изгнанъ сталъ съ совѣта моего.

НАРЦЕСЪ.

Почтожъ теперь его желаешь возвращенья?

КРЕОНЪ.

Чтобы усугубить Эдиповы мученья,
Тезею гордому достойно отомстить
И къ трону Ѳивскому мнѣ новый шагъ ступить.
Познай, Нарцесъ, познай, что дщери Ахерона,
Разверзши твердь земли до царствія Плутона,
Эдипу прорицать предстали передъ насъ!
Съ явленьемъ ихъ во храмъ, возженный огнь погасъ,
Средь дня настала ночь, разнесся запахъ сѣрный
И оживилися богинь кумиры черны;
На нихъ власы изъ змѣй возстали и взвились,
Изъ факелъ ихъ огни къ намъ искрами лились,
Свѣтъ пламенниковъ тотъ боролся съ мракомъ ночи,
Потомъ богинямъ въ слѣдъ узрѣли наши очи
Ихъ адскихъ спутниковъ: и страхъ, и месть, и смерть,
Грозящую на насъ свою косу простерть.
При зрѣлищѣ такомъ народъ весь ужаснулся,
Смутился царь, я самъ невольно содрогнулся,
Я самъ, привыкшій зрѣть смерть алчную въ бояхъ
И ни во что вмѣнять къ богамъ напрасный страхъ.
Среди смятенія, какъ изъ трубы стогласной,
Внезапно въ капищѣ раздался звукъ ужасной;
Подобенъ бывъ громамъ, онъ храма сводъ потрясъ.
О градъ, вострепещи (вѣщалъ къ народу гласъ)!
Судьбы разгнѣваны, и кровь въ сей день прольется,
Доколь достойная намъ жертва принесется;
Отъ крови царскія та жертва быть должна:
Тогда по бѣдствіяхъ наступитъ тишина,
Тогда Эдипа рокъ преслѣдовать престанетъ,

И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ станетъ
Для той страны, гдѣ жизнь скончаетъ сей слѣпецъ:
За добродѣтели спокойна смерть вѣнецъ.
По страшныхъ сихъ словахъ умолкли Эвмениды,
Сомкнулась ада дверь, исчезли грозны виды,
Какъ тщетныя мечты по безпокойномъ снѣ.
Духъ твердости опять вселился въ сердцѣ мнѣ,
Духъ мщенія мой нравъ воспламенилъ суровый,
Къ погибели враговъ имѣя случай новый.

НАРЦЕСЪ.

Но если гнѣвъ богинь велитъ, о государь,
Здѣсь кровью царскою ихъ обагрить алтарь,
Коль жертвы требуютъ онѣ порфирородной,
Предай ты Кадмовъ родъ всей ярости народной!
Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
Сразитъ у алтаря и дочерь и отца:
Во храмѣ мертвъ падетъ Эдипъ съ своей опорой.

КРЕОНЪ.

Кто? Я? Чтобы врага я предалъ смерти скорой?
Чтобы у алтаря жреца священный мечь
Страданія его могъ съ жизнію пресѣчь?
Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесъ, не такъ привыкъ я ненавидѣть!
Мученья долгія врага желаю видѣть,
Печаль его моихъ весельемъ чтить очесъ,
Упиться токами его горчайшихъ слезъ,
Дѣтей его сгубя, его свести ко гробу
И смертью медленной мою насытить злобу.
Моей вражды къ нему ты знаешь о винѣ:
Я долженъ былъ владѣть въ отеческой странѣ

Вѣнцемъ, о коемъ брань его ведутъ днесь чада;
По смерти Лаія я долженъ былъ отъ града
Быть избранъ на престолъ и Ѳивскій скиптръ принять;
Пришелъ Эдипъ, чтобъ скиптръ изъ рукъ моихъ отнять
И беззаконный родъ взвести на тронъ съ собою;
И я, вѣнца лишенъ враждебною судьбою,
Къ Эдипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
Подъ лестью пагубной ее сокрыть умѣлъ.
Къ страстямъ дѣтей его совѣтъ мой примѣнивши,
Тщеславье всплameня, природу усыпивши,
Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.
Мой замыслъ усмотрѣть не могъ ихъ юный взоръ,
И я возстановилъ среди сердецъ разврата
Сыновъ противъ отца и брата противъ брата:
Счастливѣйшій успѣхъ вѣнчалъ мои труды.
Теперь настали дни собрать коварствъ плоды.
Эдипа возвратя въ отеческія стѣны,
Разсѣю хитростью между гражданъ измѣны;
Въ царѣ всѣ будутъ зрѣть гонителя отца,
Во мнѣ защитника несчастнаго слѣпца,
Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силой,
Чтобъ въ Ѳивахъ утвердить Эдиповой могилой
Побѣду навсегда по словесамъ боговъ.
Оракулъ случай дастъ губить моихъ враговъ.
Пусть въ храмѣ жертвою падетъ здѣсь Антигона;
Ея пусть братія, желая Ѳивска трона,
Другъ друга погубятъ кровавою войной
И мертвые падутъ подъ нашею стѣной.
Извѣстенъ мнѣ ихъ нравъ: для нихъ то будетъ мало,

Чтобъ войско кровь свою предъ ними проливало;
Потщатся средь боевъ другъ друга находить,
Сразиться яростно, другъ въ друга мечь вонзить
И кровью братнею пасть вмѣстѣ обагренны.
Взаимна злоба ихъ, какъ ненависть геэнны,
Равняться можетъ лишь со злобою моей.
Печалью радуюсь Эдиповыхъ я дней.
Да видитъ онъ дѣтей несчастно истребленье!
Ихъ беззаконное оплакивалъ рожденье,
Пускай оплачетъ онъ безвременну ихъ смерть,
И не было бъ руки тѣ слезы отерешь!
Я буду всякій день внимать его стенанья,
Вздыханія ловить и исчислять рыданья,
И съ восхищеніемъ морщины тѣ считать,
Что на чело ему грусть будетъ налагать.
Но вотъ Эдипъ: иди ко скрытому отряду,
И будь готовъ, Нарцесъ, оставить ту засаду,
И къ намъ сюда вступить на мой призывный гласъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА и КРЕОНЪ.

ЭДИПЪ.

Уже, о дочь моя, тотъ наступаетъ часъ,
Въ который кончится народное моленье.
Да укротится имъ богинь ожесточенье,
И наградятъ онѣ Аѳины тишиной
За предложенный здѣсь мнѣ страннику покой!
Ахъ, поспѣшимъ итти во срѣтенье Тезея!

КРЕОНЪ.

Объ участи твоей я въ сердцѣ сожалѣя,
О старецъ горестный, предсталъ...

ЭДИПЪ.

О дочь моя,
Не гласъ Креона ли теперь здѣсь слышу я?

АНТИГОНА.

Такъ, онъ, родитель мой! Зря часть твою плачевну,
Конечно изъявить пришелъ онъ грусть душевну.
Ахъ, съ равнодушіемъ какой возможетъ глазъ,
Насъ въ Ѳивахъ видѣвшій, теперь взирать на насъ!

ЭДИПЪ.

О юность, ты никакъ лукавства не причастна!
Тамъ состраданье зришь, гдѣ опытность несчастна
Пронырство признаетъ въ сердечной глубинѣ.

(Къ Креону.)

О хитрый гражданинъ, почто предсталъ ко мнѣ?
Слухъ недовѣрчивый чѣмъ ты склонить мечтаешь?
Или за новость мнѣ здѣсь обьявить ты чаешь
Грозящу Ѳивамъ брань, раздоръ моихъ сыновъ?
То знаю безъ тебя, и жребій ихъ таковъ,
Какова я имъ ждалъ: ахъ, отъ меня рожденны,
На преступленіе они опредѣленны!
Иль по слѣдамъ моимъ твой царь тебя прислалъ,
Чтобъ на челѣ моемъ ты грусть мою читалъ,
Чтобъ видѣлъ нищету, въ которой я скитаюсь
И какъ народами я всѣми отвергаюсь?
Иль, лучше, ты скажи, что волею своей
Пришелъ увѣриться о горести моей.

Но не увидишь слезъ и не услышишь стона;
Нѣтъ, ими веселить не буду я Креона:
Спокоенъ духомъ я, хотя гонимъ людьми;
А ты средь почестей терзаешься страстьми.
Иди отсель, иди, о человѣкъ коварный,
Невѣрный родственникъ и другъ неблагодарный!
Ты сколько въ хитростяхъ искуствомъ ни великъ,
Давно уже, давно Эдипъ тебя проникъ.

КРЕОНЪ.

Гонимый рокомъ злымъ, скрывая въ сердцѣ раны,
Эдипъ привыкъ во всемъ усматривать обманы
И ложно толковать дѣянія людей.
Къ обману прибѣгать почто душѣ моей?
Почто съ тобою мнѣ употреблять коварство?
Предъ сильнымъ слабому посредствуетъ лукавство.
Ты изгнанъ, въ бѣдности: я въ славѣ, другъ царю,
И, въ рѣчь съ тобой вступивъ, я нищаго дарю.

ЭДИПЪ.

Хотя я въ нищетѣ, но не сравнюсь съ Креономъ:
Я былъ царемъ, а ты лишь ползаешь предъ трономъ.

КРЕОНЪ.

Высокомѣріе зрю прежнее въ тебѣ;
Ты чувствъ не примѣнилъ еще къ своей судьбѣ?

ЭДИПЪ.

То свойство низкихъ душъ, тебѣ, Креонъ, подобныхъ,
Чтобы по случаямъ мѣняться въ чувствахъ сродныхъ.
Но я, бывъ отъ царя на свѣтъ произведенъ,
Злосчастьемъ къ подлости не буду пріученъ;
Всѣ чувства прежнія средь бѣдствій сохраняю;

Презрѣнья моего къ тебѣ не премѣняю.

КРЕОНЪ.

Не оскорбитъ меня твоя надменна рѣчь;
Напротивъ, я хочу бѣды твои пресѣчь,
Дни горестны во дни перемѣнить счастливы
И предложить тебѣ, чтобъ возвратился въ Ѳивы.

ЭДИПЪ.

Какій еще, Креонъ, скрываешь новый ковъ?
Чьимъ именемъ зовешь?

КРЕОНЪ.

Отечества, боговъ.

ЭДИПЪ.

Обыкновенна рѣчь обманщиковъ искусныхъ,
Священнѣйшій предлогъ всѣхъ замысловъ ихъ гнусныхъ.
Ни вѣры, ни боговъ на сердцѣ не храня,
Ты ль рѣчью таковой мнишь обольстить меня?

КРЕОНЪ.

Когда бъ не вѣрилъ я, что существуютъ боги,
Тобой бы ихъ позналъ; позналъ, колико строги
Кровосмѣсителей, отцеубійцъ карать.

ЭДИПЪ.

Несчастный, можешь ли мнѣ нынѣ упрекать
Съ такой жестокостью злодѣйствіе невольно?
Братъ матери моей, сего уже довольно,
Чтобъ о судьбѣ моей всегда тебѣ молчать;
Но ты, какъ Фурія, предсталъ мой духъ смущать.

КРЕОНЪ.

Предсталъ передъ тебя по волѣ я безсмертныхъ,
Къ злодѣйствіямъ твоимъ толико милосердныхъ,

Что обѣщаются побѣдой на войнахъ
Той Греческой странѣ, гдѣ твой пребудетъ прахъ.
Не долго можешь весть такую жизнь унылу;
И такъ въ отечествѣ назначь свою могилу!

ЭДИПЪ.

Страна, изъ коей я позорно изгнанъ сталъ,
Гдѣ съ трона высоты въ жизнь странниковъ упалъ,
Гдѣ другъ царевъ Креонъ, гдѣ сынъ мой на престолѣ,
Уже отечествомъ не можетъ быть мнѣ болѣ.
Тамъ все, увы, тамъ все терзать мой будетъ духъ!
Хоть не увидитъ взоръ, но мой услышитъ слухъ
Раздоры бѣдственны, въ которы вергли Ѳивы
Сыны тщеславные, вельможи горделивы.
На то ли возвращусь, чтобъ вопль услышать женъ,
Какъ дерзкій Полиникъ предстанетъ противъ стѣнъ
И приведетъ съ собой Пелопонезски силы
Срывать домы отцевъ и превращать въ могилы?
Иль возвращусь на то, чтобъ слышать звукъ мечей,
Которы сыновья въ свирѣпости своей
Другъ въ друга устремятъ на жизнь единокровну?
Чтобъ въ томъ, или въ другомъ, мнѣ знать потерю ровну?
Чтобы судьба меня враждебна привела
Руками осязать ихъ мертвыя тѣла,
Оплакивать ихъ жизнь, во цвѣтѣ пресѣченну,
И клятву чтобъ сложить, надъ ними изрѣченну?
Ахъ, нѣтъ, на ихъ главахъ пребудетъ пусть она!
Нѣтъ, чужда мнѣ теперь вся Ѳивская страна.
Коль справедлива вѣсть, тобою принесенна,
Что ярость днесь боговъ къ Эдипу укрощенна,

И что даютъ они въ благихъ своихъ судьбахъ
Побѣду той странѣ, гдѣ мой пребудетъ прахъ,
То прахомъ симъ дарю Аѳины и Тезея.
Другаго дара я на свѣтѣ не имѣя,
Чѣмъ наградить могу великодушье ихъ,
Призрѣвшее конецъ дней горестныхъ моихъ?
Мой прахъ и дочь мою имъ поручая нынѣ,
Даю имъ все, что въ злой осталось мнѣ судьбинѣ.

КРЕОНЪ.

Аѳинянъ подари ты дочерью своей;
Уже въ отечество пути закрыты ей:
Когда она съ тобой избрала удаленье,
Тогда закономъ ей пресѣкли возвращенье.
Твой гробъ, залогъ побѣдъ, твой прахъ намъ нуженъ днесь:
За мною слѣдуй ты, ее оставя здѣсь.

ЭДИПЪ.

О верхъ прискорбія, несчастье безпримѣрно!
Теперь я чувствую, униженъ какъ безмѣрно.
Съ терпѣньемъ долженъ былъ словамъ твоимъ внимать,
Безсиленъ будучи за дерзость наказать.
Не удивляюся я вашему закону,
Которымъ вы отъ Ѳивъ отвергли Антигону:
Несправедливъ, жестокъ, безчеловѣченъ онъ,
И града вашего достоинъ сей законъ,
Чтобъ за священный долгъ, за долгъ, сверше̂нный ею,
Опредѣлить ей казнь, приличную злодѣю.
Но ты, Креонъ, но ты, жестокій человѣкъ,
Мнѣ предложеніе какое ты изрѣкъ?
Чтобы разстался днесь я съ дочерью моею,

Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на землѣ владѣю,
Съ моей опорою, съ отрадой мнѣ одной,
Противъ отчаянья оставленной судьбой?
Тѣснѣе связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья:
Я узломъ съединенъ ея благотворенья.
Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
Сестра, и другъ, и все, что мило для сердецъ,
И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
Неблагодарный градъ, сыны жестокосерды
Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Ѳивъ.
Я ею лишь дышу, я ею только живъ.
И ты разстаться съ ней мнѣ, варваръ, предлагаешь?
Терзать меня, увы, какъ ты искусно знаешь!
Нѣтъ, лучше бы, злодѣй, извлекши острый мечь,
Не дрогнувъ, жизнь мою стремился ты пресѣчь,
Чѣмъ смѣть мнѣ предлагать толь горестну разлуку.
Приди, о дочь моя, приди, подай мнѣ руку,
Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой!
Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
Нѣтъ, смертію одной мы будемъ разлученны.

КРЕОНЪ.

Когда прошенія тобою всѣ презрѣнны,
И слѣдовать за мной не убѣжду тебя,
Къ насильству, Эдипъ, прибѣгнуть долженъ я:
Вступите, воины!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕЖНІЕ, НАРЦЕСЪ И ВОИНЫ КРЕОНА.

АНТИГОНА.

О горесть, о измѣны!
Ѳивянами мы здѣсь отвсюду окруженны.

КРЕОНЪ *воинамъ.*

Эдипа въ городъ нашъ спѣшите возвратить!

ЭДИПЪ *воинамъ.*

Кто руку на меня посмѣетъ наложить?
Кто дерзостенъ и наглъ изъ васъ толико будетъ
И бывшаго царя въ моемъ лицѣ забудетъ?

КРЕОНЪ *остановившимся воинамъ.*

Вы повинуйтеся не мнѣ, самимъ богамъ!

(Нарцесъ съ нѣкоторыми воинами устремляется на Эдипа и разлучаетъ его съ Антигоною.)

АНТИГОНА.

Креонъ, жестокій, ахъ, паду къ твоимъ ногамъ!
Не разлучай ты насъ! Будь, будь великодушенъ
И состраданію единожды послушенъ!
Узри у ногъ сестру и дочь твоихъ царей!
Слезами ты смягчись и горестью моей!

ЭДИПЪ.

Не унижайся, дочь, не будь сраженна рокомъ!
Невинности ль клонить колѣна предъ порокомъ?
Лишаяся тебя, я съ жизнью разстаюсь,
Но предъ злодѣями главою не склонюсь.
Намъ твердымъ должно быть, имъ чувствовать боязни:
Злодѣевъ торжество предшественникъ ихъ казни.

(Къ Креону.)

Есть громы въ небесахъ, есть боги, о Креонъ,
И притѣсненнаго до нихъ восходитъ стонъ!

КРЕОНЪ.

Мы, исполняя долгъ къ отечеству священной,
Не мести ждемъ боговъ, но похвалы вселенной.

(Креонъ уходитъ, за нимъ воины ведутъ Эдипа.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АНТИГОНА и два воина, *коимъ Креонъ подалъ знакъ, чтобъ они удержали Антигону.*

АНТИГОНА.

Постойте, варвары, пронзите грудь мою:
Любовь къ отечеству довольствуйте свою!
Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ;
Не внемлютъ, и мой вопль теряется въ пустынѣ.
Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина;
Есть боги... и земля злодѣямъ предана,
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!
Увы, что я, гдѣ я! Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена роднёй,
Извержена изъ Ѳивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой
Жизнь горестну вести и умирать мнѣ должно.
Съ родителемъ моимъ сносить бы все возможно.
Жестокій гнѣвъ боговъ, гоненіе людей
Лишь твердость новую несли душѣ моей:
Несчастье было мнѣ наставникомъ въ терпѣньи.
Но безъ родителя, въ моемъ теперь мученьи,

Лишенная надеждъ... мой духъ во мнѣ унылъ,
Ударъ жестокій сей моихъ превыше силъ,
И всѣми чувствами отчаянье владѣя...

(Увидя Тезея.)

Иль небо шлетъ ко мнѣ для помощи Тезея?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТЕЗЕЙ, АНТИГОНА, народъ аѳинскій, воины тезея.

АНТИГОНА.

Великодушный царь, на помощь мнѣ спѣши!
Ахъ, возврати покой и жизнь моей души!
Отрядомъ Ѳивскихъ войскъ, насиліемъ Креона,
Родителя, увы, лишенна Антигона!
Ссылаясь на боговъ и на небесный гласъ,
Въ отечество свое влекутъ его въ сей часъ.
Къ твоимъ ногамъ, Тезей, я въ грусти припадаю,
Я мщенія прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть рѣши, коль мнѣ откажешься помочь!

ТЕЗЕЙ.

Возстань, о нѣжная, несчастливая дочь!
Душевно я дѣлю твои печали новы.
Я мнилъ, что боги къ вамъ престали быть суровы;
Спѣшилъ отъ алтаря увѣдомить чтобъ васъ,
Какъ щедро наградить ихъ обѣщаетъ гласъ
Народъ, къ спокойствію который васъ пріемлетъ:
Награду ли сію Креонъ отъ насъ отъемлетъ?
Безъ наказанія уже ли мыслилъ онъ
Нарушить нагло здѣсь священнѣйшій законъ

Народныхъ общихъ правъ, гостепріимства, чести?
Аѳиняне, я васъ, васъ призываю къ мести!
Постыдно будетъ вамъ, позорно будетъ мнѣ,
Терпѣть насиліе въ отеческой странѣ.
За похитителемъ немедля устремимся
И наглость наказать Креонову потщимся!
О Антигона, вѣрь, что за тебя отмщу;
Любви твоей отца конечно возвращу.
Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои чертоги
И ожидай конца, какой даруютъ боги!
Старѣйшины, ей путь въ домъ покажите мой!
А вы, о воины, послѣдуйте за мной!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ чертоги Аѳинскаго царя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АНТИГОНА *одна.*

Сраженная тоской, съ родителемъ въ разлукѣ...
Какъ медленно часы къ моей проходятъ мукѣ!
День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ,
И умирающій несчастный человѣкъ
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ утомленный.
Подобно смерти ждетъ мой нынѣ духъ смущенный.
Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ;
Здѣсь жертвы требуетъ гласъ страшныхъ Эвменидъ,
И, къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
Онѣ велятъ пролить не козлищъ кровны токи
(Такая жертва имъ обычная мала),
Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила.
Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
И надъ главой моей смерть страшная зіяетъ.
О нѣжный мой отецъ, единый ты предметъ,
О коемъ плачу я, сей оставляя свѣтъ!
Какъ возвратитъ тебя Тезей великодушный,
Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный.
Скорбь новая твой духъ, какъ туча, омрачитъ,
И горести твоей никто не облегчитъ.

Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
Печаль твою дѣлить не возмогу я болѣ.
Уже твой стонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ;
Нестертая слеза на землю упадетъ.
Ужасна ты, о смерть, коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь въ насъ!
Я слышу страшный шумъ: насталъ мой лютый часъ,
Увы!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АНТИГОНА, ПОЛИНИКЪ, нѣкоторые изъ старѣйшинъ аѳинскихъ.

ПОЛИНИКЪ.

Ахъ, гдѣ она? Вы къ ней меня ведите!

АНТИГОНА.

Не дайте мнѣ страдать: скорѣй судьбу рѣшите!

ПОЛИНИКЪ.

Ее ль зрю въ рубищѣ? О жалостнѣйшій видъ!

АНТИГОНА.

Безъ жалости во храмъ влеките Эвменидъ!

ПОЛИНИКЪ.

Или во мнѣ уже премѣна толь велика,
Что ты не узнаешь и гласа Полиника?

АНТИГОНА, *бросаясь въ объятія Полиника.*

Мой братъ!

ПОЛИНИКЪ.

Сестра! Се ты ль въ объятіяхъ моихъ?

Увы, твой злобный братъ причиной бѣдъ твоихъ!
И ты, какъ изверга, меня не убѣгаешь?
Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

АНТИГОНА.

Ахъ, ты, подобно мнѣ, въ несчастье нынѣ впалъ:
Я забываю все.

ПОЛИНИКЪ.

Такъ, такъ, и братъ твой сталъ
Изгнанникомъ изъ Ѳивъ, но не тебѣ подобно:
Съ твоею ли душей сравнится сердце злобно?
Могу ль судьбу свою, какъ ты, спокойно несть?
Твое изганіе твоя есть слава, честь,
Утѣха сладостна и радости сердечны;
Но я, жестокій братъ и сынъ безчеловѣчный,
Изганіе терплю, какъ казнь достойну мнѣ.
Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ,
Ночь сладкое несетъ тебѣ успокоенье,
Твой осѣняетъ сонъ отца благословенье,
И безтревожны въ ночь невинныя сердца;
Но я, отягощенъ проклятіемъ отца,
Терзаюсь въ день страстьми, и злобой, и отмщеньемъ,
Тоской раскаянья, и совѣсти мученьемъ,
А въ ночь, въ ночь темную, когда окрестъ меня
Земля покоится, молчаніе храня,
Съ звѣрями хищными и съ птицами ночными
Одинъ бесѣдую стенаньями моими.
Мечты отъ глазъ моихъ не убѣгаютъ прочь.
Ахъ, для злодѣевъ какъ страшна, ужасна ночь!
Конечно я на зло назначенъ отъ рожденья:

Кляня злодѣйствіе, стремлюсь на преступленья.
Съ губительнымъ мечемъ и съ пламенемъ въ рукахъ,
Иду въ отечество, несу пожаръ и страхъ,
Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
Чтобъ Ѳивскому царю изъ стѣнъ сложить могилу.

АНТИГОНА.

Какую, Полиникъ, жестоку слышу рѣчь!
И на кого, увы, ты обнажаешь мечь?
На брата?

ПОЛИНИКЪ.

На врага, на хищника короны,
И чести и родства презрѣвшаго законы,
И на виновника моихъ несносныхъ бѣдъ.
Иль Этеоклъ, иль я, оставить долженъ свѣтъ:
На солнце общее нельзя взирать намъ болѣ.
Кто съ трона предковъ палъ и мнѣ подобенъ въ долѣ,
Тому осталася одна надѐжда: месть,
И долгъ одинъ, чтобы иль гробъ, иль тронъ обрѣсть.
Не осуждай меня: вини мои ты чувства,
Которыхъ умѣрять не знаю я искусства,
Вини сей огнь, въ моей пылающій крови!
Чрезмѣренъ я во всемъ: и въ злобѣ, и въ любви,
Въ самомъ раскаяньи, которымъ, въ слѣдъ за вами,
Я приведенъ къ отцу. Ахъ, предъ его ногами
Упавъ, хочу я ихъ слезами оросить
И преступленію прощенье испросить!
Соедини свой гласъ съ моими ты мольбами
И примири меня съ Эдипомъ и съ богами!

АНТИГОНА.

Увы, родитель нашъ Креономъ похищенъ!

ПОЛИНИКЪ.

Тезеевой рукой тебѣ онъ возвращенъ.
Креонъ, вдали узрѣвъ Аѳинскаго героя
Въ погонѣ за собой и устрашася боя,
Отъ казни чтобъ своей поспѣшнѣе уйти,
Эдипа долженъ былъ оставить на пути.
Отецъ сюда ведомъ отрядомъ войскъ Тезея;
Но царь съ другими самъ преслѣдуетъ злодѣя.

АНТИГОНА.

О вѣсть отрадная! Еще единый разъ
Увижу я отца, его услышу гласъ;
Еще предъ тѣмъ, мою какъ кончу я судьбину,
Я отереть могу его слезу едину.
Ахъ, вмѣстѣ поспѣшимъ въ объятія его!

ПОЛИНИКЪ.

Постой, сестра, постой! Для брата твоего
Объятія отца закрылися конечно,
И, можетъ быть, увы, закрыты будутъ вѣчно!
Я бъ долженъ отъ себя всѣ отвратить сердца.
Какъ возмогу взирать на бѣднаго отца,
Когда всякъ страждущій, убогій и несчастный
Напоминаетъ мнѣ, что извергъ я ужасный,
Что на землѣ уже прощенія мнѣ нѣтъ,
Что мною навсегда гнушаться долженъ свѣтъ,
И что извѣстенъ я единымъ преступленьемъ!
Ахъ, сжалься надъ моимъ несноснѣйшимъ мученьемъ!
Будь мнѣ заступницей и грусть моей души

Родителю представь и живо опиши,
Чтобы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладиться,
Чтобъ на челѣ его я милость могъ узрѣть,
Или бъ у ногъ своихъ онъ далъ мнѣ умереть!
Но шумъ... отецъ идетъ... о зрѣлище плачевно!
Иду, бѣгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЭДИПЪ, АНТИГОНА и часть воиновъ тезея.

АНТИГОНА, *бросаясь въ объятія къ Эдипу.*

Родитель, зрю тебя... благословенный часъ!

ЭДИПЪ.

О утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая, опять я соединенъ съ тобою!
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ:
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнетъ наконецъ веселъемъ оживленно.
О боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Чтобы мы радости живѣе ощущали,
И чтобы, грустію томимый, человѣкъ
Въ одинъ веселья часъ забылъ страданій вѣкъ.

АНТИГОНА.

О добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты: въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ
Чрезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.
Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока:
Она мучительна, терзательна, жестока.
Предъ тѣмъ, какъ ты меня въ обьятія пріялъ,
Несчастный юноша въ глазахъ моихъ стеналъ.

ЭДИПЪ.

Несчастный, говоришь. Кто онъ? Ахъ, всѣ несчастны
Моимъ воздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны!
Страдающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, уже ли безъ отца?
Уже ль не носитъ онъ названія супруга?
Уже ли въ мірѣ семъ себѣ не знаетъ друга,
Ни брата, ни сестры и, словомъ, никого,
Кто бъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?
Пускай приходитъ онъ: однимъ благополучнымъ
Видъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ;
Но я съ несчастными охотно слезы лью.
Пусть онъ придетъ печаль повѣритъ мнѣ свою!

(Антигона подаетъ знакъ Полинику, который вошедъ останавливается.)

АНТИГОНА.

Не смѣетъ онъ притти: ужасно преступленье...

ЭДИПЪ.

Не смѣетъ? Ты молчишь... Какое подозрѣнье
Вселяешь въ сердце мнѣ? Ты духъ смущаешь мой.

Не смѣешь? Кто же онъ? Не братъ ли злобный твой?
Не онъ ли грусть влачитъ себѣ въ достойной долѣ?
Пускай грустить: къ нему не сострадаю болѣ;
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И ПОЛИНИКЪ.

ПОЛИНИКЪ.

И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья!
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья!
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ!
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть,
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ уже ль не укротитъ?
Уже ли въ ярости всегда пребудешъ твердымъ?
Родитель будешь ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ!

(Бросается къ ногамъ Эдипа.)

Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!

Онѣ опять чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

АНТИГОНА, *упадая къ ногамъ Эдипа.*

Родитель мой, и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

ЭДИПЪ, *подымая Антигону.*

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила.

(Къ Полинику.)

Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

ПОЛИНИКЪ.

Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ.

Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесь страждуще, растерзанно оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучь божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моей
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись итти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы воружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:

Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь,
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, инаго мы не будемъ чтать закона,
Какъ волю лишь твою, и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.

ЭДИПЪ.

Какой несчастный царь тебя прiялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцемъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшiй союзъ ты изпровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславiе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностiю трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дать Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.

ПОЛИНИКЪ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ Ѳивскій пріобрѣсть.

ЭДИПЪ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные, что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ остънови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись изъявленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ, усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у Ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ Ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный

То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И, домы подданныхъ твоихъ стерегущихъ, псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь семья и утѣшенье.

(За театромъ слышенъ шумъ толпы народной.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ СТАРѢЙШИНЪ АѲИНСКИХЪ.

АѲИНЯНИНЪ.

Несчастливый Эдипъ, ты духомъ укрѣпись:
Ударъ суровѣйшій сносить въ сей часъ рѣшись!
Народъ, день цѣлый ждавъ Тезея возвращенья,
Возсталъ противъ тебя, наполненъ градъ смущенья:
Тебя чтутъ бѣдъ виной, твой проклинаютъ родъ,
И дочери твоей весь требуетъ народъ.

(Шумъ за театромъ становится сильнѣе.)

Ты слышишь ли сей шумъ? Окружены чертоги;
Весь городъ вопіетъ: »разгнѣванны сутъ боги;
»Чтобъ умолить ихъ гнѣвъ и отвратить напасть,
»Эдипа дочь должна во храмѣ жертвой пасть.«

ЭДИПЪ.

Имѣете ль, судьбы, еще какія кары?
Вы истощили всѣ враждебные удары,

Собравъ ихъ надъ моей печальною главой.
Дочь милая, могу ль разстаться я съ тобой?
Останусь убогъ, совсѣмъ осиротѣю...
Ты плачешь?... Я и слезъ ужъ болѣ не имѣю.

АНТИГОНА.

Увы, я слезы лью не о моей судьбѣ:
Я смерти не страшусь... и плачу о тебѣ!

(Народъ врывается въ двери.)

ПОЛИНИКЪ *бросается къ народу.*

Не совершится, нѣтъ, сей замыслъ ихъ ужасный,
Доколѣ я дышу...

ЭДИПЪ, *останавливая его.*

Что можешь ты, несчастный?
Порывы поздные усердія умѣрь:
Безвременна твоя защита намъ теперь.

(Къ народу.)

Аѳиняне, во храмъ меня ведите съ нею!
На Эвменидъ еще надѣяться я смѣю.
Не дочь мою одну, двѣ жертвы приметъ жрецъ
И совершитъ моимъ страданіямъ конецъ.

(Эдипа и Антигону уводятъ.)

ПОЛИНИКЪ.

О ярость, о позоръ!... А вы, о боги чудны,
Когда не щетны вы, когда вы правосудны,
Спасите отъ меча невинныя главы!
Преступникъ я одинъ: меня разите вы!
Подземный огнь и громъ небесъ соедините
И нечестиваго изъ міра истребите!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ внутренность храма Эвменидъ, который раздѣленъ на двѣ части. Въ отдаленной видѣнъ жертвенникъ и три статуи, изображающія богинь сего храма: въ ихъ рукахъ возженные факелы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ *въ отдаленной части храма при жертвенникѣ* И ЖРЕЦЫ.

Хоръ Жрецовъ.

Богини, адомъ порожденны
Народамъ въ страхъ, злодѣямъ въ казнь!
Что возбуждаетъ непріязнь?
Почто вы нынѣ раздраженны
Предстали, грозныя, предъ насъ?

*

Къ рабамъ, къ царямъ равно вы строги;
Какъ смерть, вашъ общій всѣмъ уставъ.
И смертный, злобный и лукавъ,
Ни въ хижину, ниже въ чертоги
Не скроется отъ вашихъ глазъ.

*

Вотще злодѣйства сокровенны:
Вы зрите сердца глубину.
За скрытую, тайную вину
Изъ мрачной пропасти геэнны
Къ злодѣю вашъ взываетъ гласъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Прервите пѣніе, священные жрецы!
Изготовляйте вы повязки и вѣнцы,
И ризы чермныя и прочи украшенья,
Приличныя для насъ въ день жертвоприношенья!
Невидимой рукой ведется жертва къ намъ.

(Жрецы уходятъ.)

Но кто сей юноша, вступающій во храмъ?
Въ чертахъ отчаянье и въ поступи смущенье...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ и ПОЛИНИКЪ.

ПОЛИНИКЪ.

Служитель алтарей, скончай мое мученье!
Здѣсь жертвы требуетъ богинь суровыхъ гласъ:
Имъ въ жертву предстою; рази, не убоясь!
Сей смертію смиришь народную строптивость
И совершить не дашь богамъ несправедливость.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Кто ты, о юноша, чтобъ о богахъ судить?
Иль не страшишься ты ихъ ярость возбудить?
Сей храмъ сооруженъ ихъ мщенію и гнѣву.

ПОЛИНИКЪ.

Хотя бъ разверзнуться велѣли адску зѣву,
Чтобъ поглотить меня, я въ день несчастный сей
Не устрашусь: весь адъ ношу въ душѣ моей.
Зрѣть грозныхъ Эвменидъ мои привыкли очи;
Въ бесѣдѣ страшной ихъ провелъ я многи ночи;

Отринутъ отъ боговъ, отверженъ естествомъ...
Мнѣ Фуріи однѣ остались божествомъ.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Тебя ужасное терзаетъ преступленье.

ПОЛИНИКЪ.

Вся жизнь ужасная и самое рожденье.
Слухъ о судьбѣ моей во всѣ страны достигъ:
Я тотъ Эдиповъ сынъ, тотъ злобный Полиникъ,
Врагъ подданныхъ своихъ, отечества губитель,
Виновникъ бѣдъ сестры, кѣмъ изгнанъ былъ родитель,
Кѣмъ угрожаемъ братъ, и тотъ я наконецъ,
Надъ чьей главой изрѣкъ проклятіе отецъ.
Когда злодѣйска кровь для Эвменидъ пристойна,
Вотъ грудь моя, рази: я жертва ихъ достойна.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

О часть прискорбная, о злополучный царь!
Вотще въ смущеніи предсталъ передъ алтарь
И смерти требуешь, тобою толь желанной:
Я не приму главы, прóклятію преданной.
Твоихъ страданій, слезъ я не могу пресѣчь
И кровію твоей не оскверню мой мечь:
Тельцы, упитанны для принесенья въ жертвы,
Очищены предъ нѣмъ, какъ упадаютъ мертвы.

ПОЛИНИКЪ.

Иль не довольно я еще злодѣемъ былъ?
И смерти я себѣ еще ль не заслужилъ?
Она не есть ли верхъ небесной непріязни?

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Нѣтъ, боги не всегда даютъ намъ смерть для казни.

Она лишь для того караніе небесъ,
Въ комъ нѣтъ раскаянья, свѣтъ совѣсти исчезъ,
Предъ кѣмъ о промыслѣ безмолвствуетъ вселенна,
И власть кому боговъ открыть должна геэнна.
Но смерть есть сущій даръ для страждущихъ сердецъ,
По трудныхъ странствіяхъ отраднѣйшій конецъ,
И вѣчность имъ, какъ дубъ осанистый, вѣтвистой,
Стоящій на пути и древностью сѣнистой
Сулящій путнику прохладу и покой.
Но часъ еще, мой сынъ, не наступаетъ твой;
И клятвою отца, какъ узломъ неразрывнымъ,
Привязанъ ты къ землѣ, къ страданьямъ безпрерывнымъ,
Доколь исполнится тебѣ суждена часть,
Которой премѣнить боговъ не можетъ власть.

ПОЛИНИКЪ.

Коль смерти отъ небесъ я тщетно ожидаю,
Отчаянье, тебя на помощь призываю!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕЖНІЕ, ЭДИПЪ, АНТИГОНА, ЖРЕЦЫ И НАРОДЪ АѲИНСКІЙ.

АѲИНЯНИНЪ.

Первосвященный жрецъ! Встревоженный народъ,
Считая бѣдъ виной Эдипа къ намъ приходъ,
Чтобы спасти царя, чтобы спасти Аѳины,
Чтобъ умолить богинь и гнѣвныя судьбины
И удовольствовать ихъ воспаленну месть,
Эдипа дочь привелъ на жертву имъ принесть.
Пусть гнѣвъ погаснетъ ихъ въ ея потокахъ крови:

Да возвратятъ предметъ народныя любови,
И возвратится къ намъ съ Тезеемъ тишина!

АНТИГОНА.

Граждане, вами бывъ на смерть осуждена,
Какъ ни ужасна смерть, какъ участь ни сурова,
Безъ ропота и слезъ принять ее готова.
Мнѣ жизнь казалась тѣмъ отрадна и мила,
Что утѣшеньемъ быть родителю могла,
Что онъ на грудь мою слагалъ свои печали.
Сію пронзая грудь, вы право днесь мнѣ дали
Аѳинамъ поручить отца несчастны дни.
Залогомъ вѣрнымъ пусть пребудутъ вамъ они
Союза страшнаго, союза смерти лютой,
Который съ вами я сей совершу минутой.
Такъ, жители Аѳинъ, я заклинаю васъ
Предъ жертвенникомъ симъ, въ торжественный сей часъ,
Передъ лицемъ богинь, теперь во храмѣ сущихъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ боговъ, меня у гроба ждущихъ,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, гнетомую тоской!
Тогда лишь смерть моя вамъ можетъ быть полезна:
Не то, для васъ она навѣки будетъ слезна;
Мой прахъ вамъ будетъ въ казнь, и гробъ мой будетъ вамъ
Жилище Эвменидъ, другой ихъ мести храмъ.
Ничѣмъ тогда судьбы, ничѣмъ не умолятся,
И кровью сей главы чадъ вашихъ отягчатся.

(Къ Эдипу.)

Въ послѣдній разъ, отецъ, благослови ты дочь!
Да будетъ въ вѣчности пріятная мнѣ ночь,

И сонъ глубокій мой пребудетъ ненарушенъ!

ЭДИПЪ, *обнимая Антигону, къ народу.*

Народъ, который былъ всегда великодушенъ!
Ты добродѣтелей въ ней совершенство зришь,
И сердце ли сіе ты смертью поразишь?
Уже ль межъ вами нѣтъ отцевъ чадолюбивыхъ,
Сердецъ чувствительныхъ и смертныхъ справедливыхъ,
Чтобъ видѣть, чувствовать и убѣжденнымъ быть,
Что, кровь невинную рѣшившися пролить,
Вы оскорбляете сей храмъ, боговъ, природу
И призываете безсмертныхъ казнь народу?
Коль съ гробомъ вамъ моимъ побѣда суждена,
Коль кровію спастись должна сія страна;
Пролейте кровь мою: ужъ я давно какъ мертвый,
И Фуріи меня блюли себѣ для жертвы.

АНТИГОНА.

Ахъ, дай мнѣ смертію твой искупить покой!

ЭДИПЪ.

Невинна кровь тому не можетъ быть цѣной.

АНТИГОНА.

Когда невинна я, то жертвой быть достойна.

ЭДИПЪ.

Насильственная смерть злодѣямъ лишь пристойна:
Она прилична мнѣ, и къ оной осужденъ
Я былъ еще предъ тѣмъ, какъ бѣдственно рожденъ.
Такъ, боги, щедро ливъ несчастья и печали
На жизнь Эдипову, вы жертву украшали,
Вы руку на меня назначили простерть.
Первосвященный жрецъ, веди меня на смерть!

Но дай, позволь почтить послѣднимъ цѣлованьемъ
Тотъ мечь, которымъ я разстануся съ страданьемъ!

(Первосвященникъ, принявъ мечь, который одинъ изъ жрецовъ держалъ на блюдѣ, хочетъ вручить оный Эдипу, но Полиникъ вырываетъ изъ рукъ его.)

ПОЛИНИКЪ.

Подай сей мечь, подай: онъ мнѣ принадлежитъ!

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Какой, о Полиникъ, злой замыслъ въ сердцѣ скрытъ?

ЭДИПЪ.

О Полиникъ, ты здѣсь? Пришелъ ли ты ругаться
Моею смертію и ею наслаждаться?
Или уже ничто, ни часъ плачевный сей,
Ни вѣры торжество, ни святость алтарей,
Не сильны удержать твой ярый духъ и злобу?

ПОЛИНИКЪ.

Твой сынъ пришелъ сюда искать путей ко гробу.
Тобой отверженный и проклятый тобой,
Гнушаюсь жизнью я, гнушаюсь я собой.
Коль смерти не даютъ разгнѣванные боги,
То пусть ко смерти мнѣ откроетъ мечь дороги.

ЭДИПЪ.

Самоубійствомъ ли ты осквернишь сей храмъ?

ПОЛИНИКЪ.

Въ отчаяньи оно едино средство намъ.

ЭДИПЪ.

Какимъ неистовствомъ твой нынѣ духъ встревоженъ!

ПОЛИНИКЪ.

Безчеловѣченъ былъ, пусть буду и безбоженъ!

Такъ, здѣсь, у ногъ твоихъ я совершу ударъ
И, кровь проливъ, тебѣ я возвращу твой даръ.
Жестокостью своей знавъ сына умерщвленнымъ,
Ступай потомъ къ богамъ путемъ окровавленнымъ!

(Упадаетъ къ ногамъ Эдипа.)

ЭДИПЪ.

Иль всѣ возможныя я бѣдства соберу?
Возстань, несчастнѣйшій!

ПОЛИНИКЪ.

Не встану, но умру.

ЭДИПЪ.

Ахъ, если бы тебя раскаянье терзало!

ПОЛИНИКЪ.

Чѣмъ сердце бы инымъ жестоко толь страдало?
Раскаянье въ душѣ... ахъ, что я говорю?
Оно въ крови моей, снѣдаемъ имъ, горю!
И Фурій мстительныхъ терзающія руки,
Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки,
Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ.

АНТИГОНА.

Родитель, вспомни ты, что Полиникъ мнѣ братъ!
Внимай, какъ въ истинномъ раскаяньи стенаетъ!

ЭДИПЪ.

Возстань, несчастный сынъ: отецъ тебя прощаетъ. *)
Приди въ объятія, и, примирясь со мной,
Ты примириться тщись съ богами и съ собой!
О боги, коихъ я, во гнѣвѣ огорченный,

*) При сихъ словахъ Полиникъ роняетъ мечь и бросается въ объятія отца; одинъ изъ жрецовъ поднимаетъ сей мечь.

Къ отмщенью призывалъ, на сына раздраженный!
Раскаянье теперь когда въ немъ зрите вы,
Проклятіе мое сложите съ сей главы!
Вамъ добродѣтельный не столько мужъ пріятенъ,
Какъ тотъ, кто кается, бывъ злобенъ и развратенъ.

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Но боги ждутъ меня; насталъ уже мой часъ.
Гдѣ ты, о дочь, приди и дай еще мнѣ разъ
Прижать къ груди моей твою главу любезну!
Съ тобой въ терпѣніи чрезъ жизнь прошелъ я слезну
И, предназначенный свершая нынѣ путь,
Благодарю тебя: благословенна будь!
О Полиникъ, тебѣ сестру я здѣсь ввѣряю:
Сокровища мои всѣ съ нею поручаю.
Дни драгоцѣнные, покой ея храня,
Ты помни, какъ она покоила меня!
Гдѣ мечь? Подай!

(Принявъ мечь отъ первосвященника и поцѣловавъ оный.)

Жрецы, орудіе примите!
Въ послѣдній разъ отца, о дѣти, обоймите!

ПОЛИНИКЪ.

Жестокій часъ!

АНТИГОНА.

Тебя ль я буду лишена!

ЭДИПЪ.

Ты вспомни, что намъ жизнь другая суждена.

(Къ жрецамъ.)

Ведите вы меня на жертвоприношенье!

(Тезей стремительно входитъ и останавливаетъ Эдипа, который, опираясь на Антигону и Полиника, шелъ ко внутренней части храма.)

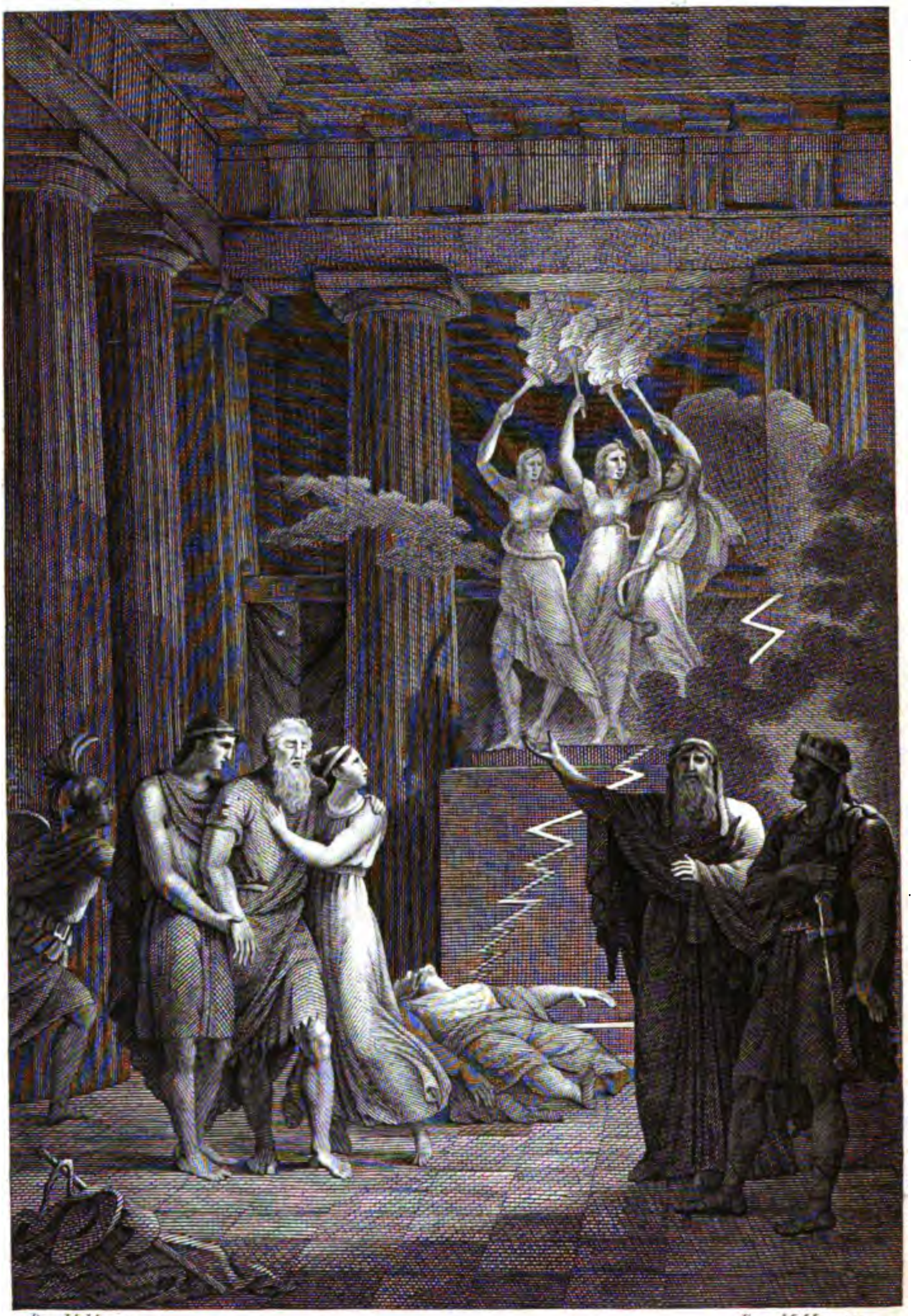

Рис. И. Иванов — Грав. М. Иванов.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРЕЖНІЕ, ТЕЗЕЙ, КРЕОНЪ *обезоруженный* И ВОИНЫ АѲИНСКІЕ.

ТЕЗЕЙ.

Остановись народъ! Какое преступленье
Ты хочешь совершить предъ правдою боговъ?

АНТИГОНА.

Конечно намъ она даруетъ твой покровъ!

ПОЛИНИКЪ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

ЭДИПЪ.

Ахъ, дай мнѣ смерть принять: будь мужъ, богамъ послушный!
Кровь царскую пролить здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ:
Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.
Такъ, смертію моей жизнь дщери сохраняю
И тишину тебѣ и граду возвращаю.

АНТИГОНА.

Я радостно умру къ спасенію отца.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай меня разитъ священный мечь жреца!

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, не умрете вы: ни ты, о мужъ почтенный,
Ни нѣжна дочь твоя, ни сынъ, тобой прощенный!
Не съ тѣмъ судьбы, не съ тѣмъ васъ привели сюды,
Чтобы надъ вами днесь усугубить бѣды.
Онѣ готовили вамъ тишину, отраду:
За вашъ покой даютъ побѣду намъ въ награду.
Къ спасенью сей страны самъ прежде кровь пролью,
Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.

Но нѣтъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна
Для жертвы никогда не можетъ быть угодна!
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставить гнѣвъ.

(Громъ сильный раздается.)

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ *къ Тезею.*

Громъ подтверждаетъ рѣчь. Сей родственникъ царевъ
Противъ отечества крылъ замыслы лукавы;
Посломъ здѣсь испровергъ общенародны правы;
Онъ врагъ самихъ боговъ и къ смерти осужденъ;
Твоей рукой на казнь онъ ими приведенъ.

(Къ Креону.)

Умри, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій,
И отъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій!

КРЕОНЪ.

Въ странѣ сей призрѣнныхъ я зря моихъ враговъ,
Терзаюсь и принять смерть лютую готовъ.

(Жрецы уводятъ Креона.)

ЭДИПЪ.

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!

(Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона, вошедшаго во внутренность храма.)

ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ.

Внемлите, что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы:
Неистовый Креонъ сей видѣть свѣтъ престалъ,
Небесный громъ сразилъ и адъ его пожралъ;
Богини въ слѣдъ ему изъ храма удалились.

Эдипъ, твои бѣды отнынѣ прекратились.
Но вы, цари, народъ, въ день научитесь сей,
Что боги въ благости и въ правдѣ къ намъ своей
Невинность милуютъ, раскаянью прощаютъ
И къ трепету земли безбожниковъ караютъ.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ФИНГАЛЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ, СЪ ХОРАМИ И ПАНТОМИМНЫМИ БАЛЕТАМИ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 8 декабря, 1805 года.

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ.

Съ совѣта твоего, Оленинъ, я рѣшился
Народовъ сѣверныхъ Ахилла описать
И пышность зрѣлищу приличную придать.
Твоею дружбою гласъ слабый оживился:
И къ пѣснямъ бардовъ я склонилъ прельщенный слухъ,
Чтобы извлечь черты разительны, унылы,
Въ которыхъ Оссіанъ явилъ Фингаловъ духъ
Подъ строемъ звучныхъ арфъ, близъ отческой могилы.
Ахъ, если бы, ему подобно, не умолкъ
И мой несмѣлый гласъ, нестройный, безъ искуства;
Сказалъ бы въ сердцѣ я, платя сей дружбы долгъ·
»Меня переживутъ мои сердечны чувства.«

Владиславъ Озеровъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

СТАРНЪ, царь Локлинскій.

МОИНА, дочь его.

ФИНГАЛЪ, царь Морвенскій.

УЛЛИНЪ, бардъ Фингаловъ.

КОЛЛА, наперсникъ Старновъ.

МОРНА, наперсница Моины.

Верховный жрецъ Оденовъ.

Дѣва Локлинская.

КАРИЛЛЪ, воинъ Старновъ.

Жрецы.

Барды или скальды Старновы.

Барды Фингаловы.

Воины Локлинскіе.

Воины Морвенскіе.

Народъ Локлинскій.

Дѣвы Локлинскія.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Локлинской.

ФИНГАЛЪ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ палату, открытую сводами въ садъ; вдали видны на возвышеніяхъ храмъ Оденовъ и холмъ могильный.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МОИНА *сидящая*, МОРНА, УЛЛИНЪ, БАРДЫ И ДѢВЫ ЛОКЛИНСКІЯ.

Хоръ Бардовъ и Локлинскихъ дѣвъ.

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей!
Сердецъ, умовъ очарованье,
Веселье пламенныхъ очей
И нѣжныхъ душъ любовь-отрада
Отъ твоего родится взгляда.

Одна изъ дѣвъ Локлинскихъ.

Цвѣти, о красота Моины,
Какъ въ утро раннее, весной,
Цвѣтутъ прелестныя долины
Благоуханной красотой!

Хоръ Бардовъ и дѣвъ.

Фингала сердце ты плѣнила
И тишину намъ возвратила.

МОИНА.

О дѣвъ и бардовъ сонмъ, не славьте красоту,
Сію обманчиву, прелестную мечту!
Она... какъ слабый цвѣтъ, который украшаетъ
Видъ утренній пустынь и въ полдень увядаетъ.
Гордиться можно ли Моинѣ красотой?
Единымъ только духъ гордиться можетъ мой,
Единымъ... О Уллинъ, Фингаловъ бардъ любимый,
Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый
Во званьи мудраго и мирнаго посла,
Воспой геройскія Фингаловы дѣла!
Со дня, какъ мой отецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
Морвенскаго царя уважилъ добродѣтель,
Вручить меня ему священный далъ обѣтъ,
Желаю я, Уллинъ, чтобы мнѣ цѣлый свѣтъ
Вѣщалъ, гласилъ, твердилъ о имени Фингала,
Чтобъ слава лишь его Моину восхищала.
Прими же арфу, бардъ, воспламени свой духъ
И дщери Старновой увеселяй ты слухъ!

УЛЛИНЪ.

Умолкни все въ странѣ подлунной,
Чтобъ гласы арфы златострунной
По холмамъ дальнимъ пронеслись,
Въ пустыняхъ гуломъ раздались!
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юныхъ дней.
А вы, почившіе герои,
Покрытые сырой землей,

Возставше отъ могилъ безмолвныхъ,
На высотахъ явитесь холмистыхъ!

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Ударили въ мѣдяный щитъ,
Ко брани гласъ обыкновенный:
Во броню ратникъ облеченный
Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кипитъ;
Дубы столѣтнии загорались,
И тучи заревомъ одѣлись.

УЛЛИНЪ.

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ;
Оружье грозное пріялъ;
Стрѣла въ колчанѣ роковая;
На груди рдяна сталь видна;
Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ
И вся подернута туманомъ.

ХОРЪ БАРДОВЪ.

Мелькаютъ, сѣются, падутъ
Враги предъ нимъ, какъ легки тѣни,
Или, какъ робкіе елени,
Отъ мстительной руки бѣгутъ:
И стала вкругъ него равнина,
Какъ смерти мрачная долина.

УЛЛИНЪ.

Падутъ... и не избѣгъ судьбины

И ты, Тоскаръ, о Старновъ сынъ,
Локлинскихъ чадъ стѣна надежна!
Закрыла смерть твой юный взоръ.
Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба снѣжна,
Съ крутыхъ отторгнутая горъ:
Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
Высокій холмъ поколебался.

МОИНА *встаетъ и прерываетъ пѣснь Уллина.*

Какую смерть, о бардъ, напоминаешь мнѣ?
Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
Фингаловымъ мечемъ, мнѣ стоилъ слезъ довольно.

УЛЛИНЪ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ невольно.

МОРНА.

Онъ прелестей твоихъ еще тогда не зналъ.

МОИНА.

Конечно предо мной невиненъ въ томъ Фингалъ:
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной.
Ахъ, если бъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забыть, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ!
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни бардовъ пѣніе, ни арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питаяся тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зритъ, ловитву забываетъ
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,

Уныніе въ душѣ и дума на челѣ...
Но онъ идетъ: въ сей день спокоитъ ли Моину?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТАРНЪ, КОЛЛА и прежніе.

СТАРНЪ *Моинѣ.*

О дочь, Фингалъ преплылъ чрезъ синихъ волнъ пучину;
Ладей его ничѣмъ удержанъ не былъ бѣгъ,
И съ утреннéй зарей на нашъ вступилъ онъ брегъ.

(Къ Уллину.)

Уллинъ, Фингаловыхъ пѣвецъ сраженій дивныхъ,
Ты, присланный ко мнѣ для предложеній мирныхъ,
Ты, зрѣвшій здѣсь луной свершенны при пути,
Къ Фингалу можешь ты во срѣтенье итти.

(Даетъ знакъ бардамъ, чтобъ удалились.)

А ты, о дочь, во храмъ будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова!
Онъ требовалъ, чтобъ я вручилъ тебя ему
Въ тотъ день, какъ взору онъ предстанетъ моему:
Къ нетерпѣливости моей насталъ день нынѣ.

МОИНА.

Въ сей самый день? Восторгъ... благодарю судьбинѣ.

СТАРНЪ.

Такъ ты Фингаловой отвѣтствуешь любви?

МОИНА.

Ахъ, неизвѣстный огнь пролитъ въ моей крови
Со дня, мнѣ памятна, какъ вождь племенъ Морвена,
Намъ ужасомъ грозивъ иль смерти или плѣна,

Всѣ холмы, всѣ лѣса наполнивши войной,
Разсыпавъ рать твою, сей овладѣвъ страной,
Предсталъ передъ меня въ моемъ уединеньи!
Мгновенно сердца мнѣ прервалися біенья!
Какъ вепря дикаго, его страшилась зрѣть;
Отчаянна, блѣдна, желала умереть...
Но очи юношу прекраснаго узрѣли;
Хотѣла укорять... уста мои нѣмѣли.
Подъ шлемомъ видъ любви блисталъ въ его чертахъ,
Прешелъ къ моей душѣ и мой разсѣялъ страхъ.
Съ тѣхъ самыхъ дней мои Фингаломъ мысли полны.
Спокойствіе мое онъ уносилъ чрезъ волны,
Когда окончивъ брань, плѣненіе твое,
Отплылъ отъ сей страны въ отечество свое.
За нимъ желанія неслись нетерпѣливы...
Настали наконецъ Моинѣ дни счастливы:
Фингалъ, предъ алтаремъ соединясь со мной,
Почтитъ въ тебѣ отца, какъ сынъ нѣжнѣйшій твой...
Но ты смущаешься, блѣднѣешь и трепещешь;
На дочь, вокругъ себя, ты взоры гнѣва мещешь,
И вздохи горести твою стѣсняютъ грудь...

СТАРНЪ, *по нѣкоторомъ молчаніи и скрывая свою ярость.*

Ахъ, нѣтъ... безъ гнѣва я; спокойна духомъ будь!
Какъ ты, я веселюсь Фингаловымъ приходомъ,
И вскорѣ мой восторгъ явится предъ народомъ.
День оный, можетъ быть, счастливѣйшій мнѣ день...
Иди, чело свое покровами одѣнь!

МОИНА.

Твоей лишь радостью могу я быть спокойна.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СТАРНЪ и КОЛЛА.

СТАРНЪ.

О малодушная, дочь Старна недостойна!
Злодѣя моего ты возлюбить могла,
У коего въ плѣну глава моя была,
И чье оружье кровь Тоскара проливало:
Къ несчастью моему сего не доставало.
О Колла, ты, кѣмъ Старнъ былъ прежде въ славѣ зримъ,
Сей счастливый отецъ, сей вождь непобѣдимъ,
Ты зришь, ко гробу онъ склоняетъ жизнь позорну.

КОЛЛА.

Въ Моинѣ вижу дочь родителю покорну;
Готовая предстать ко брачну алтарю,
Не сердце ль несть должна Морвенскому царю?

СТАРНЪ.

Но сердце, Колла, въ ней моею бьется кровью:
Такъ можетъ ли оно къ нему горѣть любовью?
Нѣтъ: злобу, и вражду, и ненависть, и месть,
Вотъ все, что дочь должна во бракъ Фингалу несть!
Когда бъ она меня достойной быть хотѣла,
Проникнуть замыслъ мой она давно бъ умѣла;
Умѣла бы узнать, что мой жестокій гнѣвъ
Не радости врагу, готовитъ смерти зѣвъ,
Готовитъ горести и всѣ мученья, казни

И всѣ терзанія свирѣпой непріязни.
О ты, на облакахъ носящаяся тѣнь,
Тѣнь сына моего! Насталъ, насталъ тотъ день,
Въ который ты, узрѣвъ надъ мрачною могилой
Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой.
Тоскливая доднесь, отдохнешь въ тѣ часы,
Какъ нива сохлая отъ майскія росы,
И, съ торжествомъ вступивъ въ могилу, твой родитель
Къ тебѣ прейдетъ, какъ паръ, во горнюю обитель.

КОЛЛА.

И вотъ обычная твоя со мною рѣчь!
Не ищешь, государь, ты горести развлечь.
Два раза по лѣсамъ листъ хрупкій устилался,
И дернъ ужъ двѣ весны на холмахъ обновлялся
Со дня, когда погибъ твой храбрый сынъ Тоскаръ,
И ты забыть печаль...

СТАРНЪ.

Печаль забыть, сей даръ,
Одинъ, оставленный сердцамъ въ несчастной долѣ?
Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
О Колла, безъ нея, съ того плачевна дня,
Какъ сынъ въ бою погибъ, вкругъ Старна, вкругъ меня
Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
Съ ней прелесть нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;
Со мною говорятъ и вѣтровъ страшный ревъ,
И моря грозный шумъ, и томный скрыпъ деревъ:
Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стенанья.
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганья,
Подъ коими лежитъ Тоскара хладный прахъ;

И онъ мнѣ зрится самъ со блѣдностью въ чертахъ,
На персяхъ тяжкую указываетъ рану:
Отмщенія, гласитъ, и казнь и смерть тирану,
Котораго рукой намъ бѣдствія неслись!

(За театромъ слышенъ шумъ.)

Но плески въ воздухѣ народа раздались:
Конечно къ симъ мѣстамъ царь шествуетъ Морвена.
Иди во храмъ къ жрецу великаго Одена,
Передъ кумиромъ чьимъ бракъ должно совершать:
Скажи, чтобъ шелъ въ чертогъ со мною совѣщать!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, УЛЛИНЪ, воины Фингала, барды Старновы и Фингаловы, народъ локлинскій.

ФИНГАЛЪ.

О мужественный Старнъ, ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на бракъ кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство!
Краснорѣчивымъ быть мнѣ чуждое искусство.
Во станѣ возрощенъ, воспитанъ на щитахъ...
Мое искусство все безстрашнымъ быть въ бояхъ.
И такъ не жди, о Старнъ, чтобъ изъяснилъ я нынѣ
Признательность къ тебѣ, любовь мою къ Моинѣ:
Кто сильно чувствуетъ, тотъ не теряетъ словъ.
Но испытуй меня, скажи своихъ враговъ,
Скажи, въ который край иль отдаленну землю

Итпти сражаться мнѣ; оружіе пріемлю,
И страхъ врагамъ: сей мечь главы ихъ долженъ стерть.

СТАРНЪ *въ изступленіи.*

Такъ, страхъ моимъ врагамъ, имъ страхъ и люта смерть!

(Пришедъ въ себя.)

Но въ сей ли день, Фингалъ, утѣхъ и восхищенья
Мнѣ называть враговъ, достойныхъ отомщенья,
Виновниковъ моихъ пролитыхъ втайнѣ слезъ?
Я, видя здѣсь тебя, щедротой чту небесъ:
Рукою ихъ ко мнѣ ты присланъ въ утѣшенье,
И пусть трепещетъ свѣтъ, зря наше примиренье!

(Къ предстоящимъ бардамъ.)

Зовите дочь мою! Вручивъ тебѣ ее,
Тѣмъ обѣщаніе исполню я мое.
Но, государь, страны, законами различны,
Къ обрядамъ отческимъ отъ давныхъ лѣтъ привычны.
Въ Морвенѣ божество Фингаловыхъ отцовъ
Оставлено доднесь безъ храмовъ, безъ жрецовъ;
Друидовъ истребивъ, ихъ властью недовольны,
Низвергли храмы вы на ихъ главы крамольны.
Но здѣсь покоится во храмахъ божество,
И клятвы мы предъ нимъ свершаемъ торжество.
И такъ я буду ждать отъ храбраго Фингала,
Чтобъ въ храмѣ дочь мою его рука пріяла.

ФИНГАЛЪ.

Не разсуждаю я, приличенъ ли кумиръ
И храмъ и жертвенникъ тому, кто создалъ міръ;
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать, пѣсна и высота небесна?

Чтобъ мыслью вознестись къ сему міровъ Творцу,
Не прибѣгаемъ мы къ друиду иль жрецу;
Безъ нихъ несемъ ему съ зарей, на холмѣ красномъ,
Сердца толь чистыя, какъ день при небѣ ясномъ.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно въ оный мнѣ съ Моиною вступить.
Такъ, къ дочери твоей въ любви неизъясненной,
Готовъ въ свидѣтели призвать боговъ вселенной.
Хотя сбери во храмъ кумировъ всей земли,
Ихъ всѣхъ жрецовъ, и мнѣ поклясться повели,
Предъ всѣми ими тамъ, предъ небомъ и землею,
Въ любви ручаюся я жизнію моею;
Моинѣ жизнью сей пожертвовать готовъ.
Но вотъ она... Какихъ желаешь клятвъ и словъ?
Ахъ, взглядъ ея, луны полночныя свѣтлѣе,
Для сердца въ вѣрности всѣхъ клятвъ моихъ сильнѣе!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ, МОИНА, МОРНА и ДѢВЫ ЛОКЛИНСКІЯ.

СТАРНЪ.

Утѣха Старнова, о дочь моя, приди!
Съ Фингаломъ нашъ союзъ согласьемъ утверди,
Чтобы въ твоей красѣ нашелъ родитель средства
Изгладить навсегда съ души прошедши бѣдства!

МОИНА.

Ты сердца моего читалъ во глубинѣ,
Сколь долженъ сей союзъ желателенъ быть мнѣ.
Ты знаешь, государь, твоей причастна славы,

Въ союзѣ вижу семъ оплотъ твоей державы;
Но что еще лестнѣй для сердца моего,
Надежду вижу въ немъ покоя твоего.
Коль на землѣ дано намъ счастья совершенство,
Какое днесь съ моимъ сравняется блаженство!

ФИНГАЛЪ.

Моина, ахъ, повѣрь, что счастья твоего
Священнѣе имѣть не буду ничего!
Запечатлѣть обѣтъ готовъ моею кровью.

СТАРНЪ.

Я восхищаюся взаимной сей любовью.
Чтобъ ускорить давно желанный мною часъ,
Навремя въ сихъ мѣстахъ оставить долженъ васъ.
Во храмѣ принеся моленіе обычно,
Устрою празднество, тебѣ, Фингалъ, прилично.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ФИНГАЛЪ, МОИНА, УЛЛИНЪ, МОРНА, барды, дѣвы и всѣ бывшіе въ предыдущемъ явленіи.

ФИНГАЛЪ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори пріятность словъ твоихъ!
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ!
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!...
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,

Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И, огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утолялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
Твое дыханіе и легкій шумъ шаговъ,
Какъ вешній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ,
И все, что ты, плѣня мое воображенье,
Въ разлукѣ множило любовное мученье,
Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселитъ.
Пусть счастіе мое Моина подтвердитъ!

МОИНА.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жъ искренны, сколь искренна она.
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть души высокія отрада:
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ,

Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала
Терзалась мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ, или съ высокихъ горъ,
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску.
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.
Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ передъ Моиной:
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

ФИНГАЛЪ.

Не столько звуки арфъ въ вечерній тихій часъ
Пріятны при зарѣ, сколь твой пріятенъ гласъ.
Сколь кажду рѣчь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мнѣ, донынѣ неизвѣстну!
Но я, блаженствуя въ моей теперь судьбѣ,
Не знаю, чѣмъ и какъ воздать могу тебѣ,
Которой долженъ я толикою отрадой!

МОИНА.

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой:
Люби меня, Фингалъ, и, чувство то храня,
Въ родителѣ моемъ спокой, утѣшь меня!
Ты зрѣлъ, какъ очи въ немъ подъ брови углубленны,

Какъ всѣ черты лица печалью измѣненны,
И какъ чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука!
Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ
И стонетъ, какъ волна при берегѣ пустынномъ.
Стараніемъ, Фингалъ, соединись со мной,
Чтобъ прежній возвратить душѣ его покой
И сына нѣжнаго чтобъ замѣнить потерю!
По симъ стараніямъ любовь твою измѣрю
И, сердце раздѣливъ межъ Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

ФИНГАЛЪ.

Не ошибался я; судьба моя надежна:
Супруга та вѣрна, которая дочь нѣжна,
Священнымъ долгомъ чтитъ родителей покой.
Моина, мнѣ отцемъ родитель будетъ твой.
Любовь моя внушитъ мнѣ нѣжныя старанья,
Чтобъ въ Старнѣ облегчить душевныя страданья,
Чтобы тоску, его снѣдающу, развлечь,
Чтобъ радости слезу изъ глазъ его извлечь,
Чтобъ видѣть наконецъ намъ духъ его спокойнымъ,
И мнѣ содѣлаться твоей любви достойнымъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ПРЕЖНІЕ И БАРДЪ СТАРНОВЪ.

БАРДЪ.

Морвенскія страны непобѣдимый царь!
Ко браку твоему готовъ уже алтарь.

На жертвенникѣ огнь усердія пылаетъ,
И мудрый Старнъ тебя съ Моиной ожидаетъ.

ФИНГАЛЪ.

Пойдемъ, любезная! Во храмѣ счастье ждетъ
Чету, которую любовь туда ведетъ.

Хоръ вардовъ.

Иди во храмъ, чета прелестна!
Вѣнчай свою взаимну страсть!
Душамъ чувствительнымъ извѣстна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь въ сердцахъ пылаетъ
И бракъ веселый страсть вѣнчаетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность храма Оденова, отверзстаго сверху; кумиръ божества поставленъ посреди, предъ нимъ жертвенникъ курящійся. Чрезъ сводъ дикихъ камней видны холмъ могильный и палата перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СТАРНЪ *одинъ передъ кумиромъ.*

О древне божество обширныхъ странъ полнощныхъ,
Надежда страждущихъ, и сила, крѣпость мощныхъ,
Оденъ, котораго невидимой рукой
Природа держится и кругъ вращаетъ свой!
Ты, воля коего быстрѣе вѣтровъ горныхъ,
И месть мрачнѣе бурь, висящихъ въ тучахъ чёрныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь!
Яви свой ярый гнѣвъ въ торжественный сей день!
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго рука кумиръ твой потрясала,
Котораго мечемъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельстилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я сталъ безъ чадъ моихъ, безъ чести,
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ мести,
На старости моей въ печальномъ сиротствѣ!
Мой врагъ передъ тебя явится въ торжествѣ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,
Предзнаменующи могущаго паденье!

Чтобъ онъ, какъ лютый звѣрь, страшилище лѣсовъ,
Гонимый ловчими, преслѣдованъ отъ псовъ,
Въ разставленную сѣть стремился торопливой,
И веселился бъ Старнъ добычею счастливой!
Внесу тогда, Оденъ, я въ капище твое
Его булатный мечь, огромное копье,
И щитъ, и шлемъ, крыломъ орлинымъ осѣненной,
И весь доспѣхъ его, чтобы вѣщалъ вселенной,
Изъ рода въ поздній родъ, отъ вѣка въ дальній вѣкъ,
Сколь слабъ передъ тобой сильнѣйшій человѣкъ!
Мечтавъ не знать себѣ въ величествѣ примѣра,
Онъ палъ, и три шага... его жилищу мѣра.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТАРНЪ и КОЛЛА.

СТАРНЪ.

Благопріятну ли несешь мнѣ, Колла, вѣсть?
Готовы ль воины мою исполнить месть?
Могу ль надѣяться на ихъ неустрашимость?

КОЛЛА.

Колеблетъ, государь, ихъ мысли нерѣшимость:
Еще имъ памятенъ неизъяснимый страхъ,
Который разсѣвалъ Фингаловъ мечь въ бояхъ,
Какъ цѣлые ряды имъ были низложенны,
Иные ранены, другіе бывъ плѣненны,
И всѣ въ Фингалѣ зрятъ какъ браней божество,
Которому что бой, то ново торжество.
Осмнадцать ратниковъ тебѣ, о Старнъ, послушны,

Спрашатся прочіе...

СТАРНЪ.

Спрашатся? Малодушны!
Что сей Фингалъ доднесь никѣмъ не побѣжденъ,
Безсмертнымъ развѣ онъ отъ матери рожденъ?
Иль грудь его тверда, какъ камень древнихъ башенъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ быть, не можетъ быть тотъ страшенъ,
Котораго прервать блестящій можетъ вѣкъ
Кинжаломъ иль мечемъ отважный человѣкъ,
Который, такъ какъ мы, и временен и тщетенъ,
Который такъ же слабъ, который такъ же смертенъ.
Фингаловы отцы, подобные мечтѣ,
Прешли и скрылися въ могильной темнотѣ.
Проходятъ роды всѣ, и возстаютъ другіе,
Какъ съ вѣтромъ по морю идутъ валы сѣдые,
Иль какъ осенній листъ отъ древа отнесенъ
И листомъ по веснѣ зеленымъ замѣненъ.
Подобно и мой родъ со мною пресѣчется.

КОЛЛА.

Почто же мыслишь ты, что родъ съ тобой прервется,
Родъ славный, сей страной владѣвшій столько лѣтъ?
Онъ утвердится вновь и снова процвѣтетъ.
Имѣешь дочь еще...

СТАРНЪ.

Нѣтъ, Колла, не имѣю.
Моину дочерью не признаю моею,
Коль въ сердцѣ ко врагу питаетъ нѣжну страсть.
Фингалъ мнѣ горести устроилъ полну часть

И, окруживъ меня убійствомъ и прельщеньемъ,
Мой домъ содѣлалъ мнѣ глухимъ уединеньемъ.
Не остановится въ послѣдній жизни часъ
На дѣтяхъ мысль моя и умиленный глазъ:
И вознесенный холмъ надъ Старновой могилой
Ввѣкъ будетъ, такъ какъ я, безмолвный и унылой.
Никто на гробъ ко мнѣ цвѣтовъ не принесетъ,
И путникъ знаковъ слезъ на камняхъ не найдетъ.
Гробъ хладно молчаливъ умершихъ безъ семейства.
Но я отмщу врагу за всѣ его злодѣйства.
Фингаловой крови Тоскаровъ жаждетъ прахъ,
Онъ на могилу ждетъ, и тамъ ждетъ плачь, ждетъ страхъ,
И ждетъ конецъ его мучителенъ, ужасенъ.
Оденовъ жрецъ со мной во мщеніи согласенъ.

КОЛЛА.

Уже ли, государь, во ярости твоей
Ты отъ обычаевъ страны отступишь сей?
Гостепріимство здѣсь законъ всегда священный.
Хотя къ намъ врагъ приди: чрезъ три дни угощенный,
Какъ въ домѣ собственномъ спокоенъ долженъ быть.
Обычай древній сей кто можетъ преступить,
Въ толикомъ же у насъ позорѣ и презрѣньи,
Какъ воинъ боязливъ, бѣгущій во сраженьи.
Гостепріимство ли, знакъ нравовъ чистоты,
Во гнѣвѣ, государь, нарушить хочешь ты?
Уже ль не посвятишь трехъ дней на угощенье?
Потомъ ужъ можешь ты свое исполнить мщенье.

СТАРНЪ.

Что, Колла, говоришь? Чтобы три дни я ждалъ?

Чтобъ зрѣніемъ врага еще три дни страдалъ?
Чтобъ, сьединившись съ нимъ, несчастная Моина,
Въ домъ Старновъ привела врага на мѣсто сына?
И жажду мщенія могу ль таить? Едва
Не измѣняютъ мнѣ мои къ нему слова.
Не отвѣчаю я, чтобъ могъ скрываться долѣ.
Чрезъ три дни смерть его въ моей не будетъ волѣ.
Пускай винятъ меня народъ и цѣлый свѣтъ!
Какъ мертвъ, безъ сына бывъ, мнѣ нужды въ ономъ нѣтъ.
Надежда отомстить и муки зрѣть Фингала
Одна жизнь Старнову донынѣ подкрѣпляла.
Надеждой сей дышалъ, для мести только жилъ:
И хочешь, чтобъ я смерть Фингала отложилъ,
Чтобъ случай потерялъ для сохраненья славы!
Померкни блескъ вѣнца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пускай погибну самъ,
Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мертвъ къ моимъ ногамъ,
Лишь на челѣ бъ его я зрѣлъ погаспу смѣлость,
Глубокихъ язвъ болѣзнь и смерти цѣпенѣлость,
И къ радости моей чтобъ я услышать могъ
Изъ устъ трепещущихъ тотъ тяжкій, томный вздохъ,
За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.
Но раздается шумъ... Фингалъ идетъ конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взоромъ избирать то мѣсто, гдѣ разить,
Чтобъ ни одинъ ударъ не проносился мимо!
Для ярости моей притворство нестерпимо...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, МОИНА, МОРНА, КОЛЛА, ПЕРВОСВЯЩЕННИКЪ, жрецы, барды фингаловы и старновы, воины обоихъ царей и народъ локлинскій.

ФИНГАЛЪ.

Доволенъ ли ты, Старнъ, покорностью моей?
Во храмѣ предстою по волѣ я твоей,
Во храмѣ, коего отцы мои чуждались.

(Указывая на кумиры.)

Такъ, симъ богамъ твоимъ они не поклонялись;
Но я и сихъ боговъ хочу теперь призвать.
Познай чрезъ то, тебѣ какъ мыслю угождать,
И сколь желаю я, чтобы отецъ Моины,
Раздора прежняго забывъ межъ насъ причины,
Въ преданности моей увѣренъ нынѣ былъ;
Чтобъ къ сердцу своему Фингалу путь открылъ;
Былъ мною навсегда утѣшенъ, успокоенъ;
Чтобъ сына имевемъ я былъ имъ удостоенъ!

СТАРНЪ *съ притворною радостію.*

О ты, Комгаловъ сынъ! На старости моей
Ко утѣшенію моихъ послѣднихъ дней
Когда осталась мнѣ единая Моина,
То какъ тебя въ сей день мнѣ не признать за сына?
Не помышляю я о дѣтяхъ никогда,
Чтобъ о тебѣ, Фингалъ, не помышлялъ всегда:
Ты думы моея давно уже предметомъ.
Давно желаетъ Старнъ явить предъ цѣлымъ свѣтомъ
Тѣ чувствія, къ тебѣ которыя хранитъ,

И прежній нашъ раздоръ какъ мною позабытъ!

(Къ жрецамъ.)

Служители боговъ, воспойте пѣснь священну
Предвѣчному творцу, великому Одену!
Пусть именемъ его верховный храма жрецъ
Благословитъ союзъ сихъ искреннихъ сердецъ!
Ничто предъ божествомъ цари съ ихъ властью мощной.
Какъ огнь, носящійся надъ тундрой полунощной,
Ихъ блескъ мечтателенъ, ихъ замыслы какъ дымъ,
Стремящійся изъ горнъ и бурей разносимъ.
Передъ Фингаломъ я обѣтъ мой исполняю,
Но подтвержденія Одена ожидаю.

Хоръ жрецовъ.

Властитель неба и земли,
О ты, единый, вѣчный, сильный,
Источникъ благъ обильный!
Воззванью нашему внемли!

Свѣтилами лазурь украсилъ ты небесну,
Чтобы свою премудрость доказать;
И въ знакъ щедротъ любовь и красоту прелестну
Благоволилъ на землю ниспослать.

Соедини союзомъ нѣжнымъ
Сію любезную чету,
И мирныхъ дней ихъ долготу
Исполни счастьемъ безмятежнымъ!

(Въ продолженіе пѣнія юноши и дѣвы Локлинскіе

составляютъ балетъ; приносятъ вѣнцы и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшаютъ Моину и Фингала, и ведутъ ихъ къ жертвеннику передъ кумиръ Оденовъ.)

ФИНГАЛЪ.

Оденъ, Локлинцевъ богъ! Коль нынѣ въ первый разъ
Ты Каледонина во храмѣ слышишь гласъ,
Не удивись тому... ты божество Моины.
Предъ жертвенникомъ ждетъ она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить,
И, въ пламенной любви клянясь ей вѣрнымъ быть,
Сихъ клятвъ хочу имѣть свидѣтелемъ Одена.
Мнѣ будь свидѣтелемъ и ты, племенъ Морвена,
Отцевъ Фингаловыхъ, могуще божество!
Ты, коего весь міръ являетъ существо,
Но смертные умомъ кого не постигаютъ,
Кого именовать уста мои не знаютъ!
Ты, исполняющій вселенную собой,
И въ храмѣ чуждомъ семъ обѣтъ услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды
Не будутъ находить въ глазахъ моихъ отрады,
Когда не будутъ зрѣть въ нихъ страстнаго огня,
Которымъ днесь горю; то накажи меня:
Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ былie долинъ, во цвѣтѣ изсуши;
Чтобъ безполезный царь, противъ любви безчестенъ,
Влачилъ я мрачну жизнь и умеръ безызвѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ;

Въ дому моихъ отцевъ чтобъ щитъ мой не висѣлъ,
И мечь, мой цѣлый мечь, притупленный и ржавый,
Былъ въ дебри выброшенъ, какъ мечь царей безъ славы!
Жрецы, народъ, и ты, о мудрый Старнъ, въ сей часъ
Свидѣтелями клятвъ я поставляю васъ.

МОИНА.

А я клянуся здѣсь...

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Остановись, царевна!
Тѣнь брата твоего, являясь въ тучахъ гнѣвна,
Черезъ меня претитъ обѣтъ произносить:

(Указывая на Фингала.)

И ты супругою ему не можешь быть.

ФИНГАЛЪ.

Не можетъ быть?

МОИНА.

О рокъ!

СТАРНЪ *въ сторону.*

Рѣшительно мгновенье!

ФИНГАЛЪ.

О ты, коварный жрецъ! Какое дерзновенье
Ты принялъ на себя, чтобы умершихъ гласъ
Отъ горнихъ слышать мѣстъ, смущать здѣсь онымъ насъ!
Оставь всѣ хитрости, жрецовъ обычны свойства,
И въ гробѣ сущаго не нарушай спокойства!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Ты лучше самъ почти умершаго покой!
Пронзивъ Тоскару грудь свирѣпою рукой,
Сію ль сестрѣ его ты предлагаешь руку?

Или и въ гробъ ему пренесть ты хочешь муку?
Нѣтъ, прежде ты къ его могилѣ поспѣши,
Отдай тамъ праху долгъ и тризну соверши,
Потщися съ тѣнiю Тоскара примириться:
Тогда лишь можешь ты съ Моиной соединиться.

ФИНГАЛЪ.

Съ терпѣньемъ слушалъ я твою лукаву рѣчь.
Ты мыслишь сю здѣсь раздоръ опять возжечь:
Напоминаешь намъ объ участи Тоскара.
Такъ, въ полѣ онъ погибъ отъ моего удара,
Но не измѣною: онъ палъ, какъ вождь-герой.
Межъ нами смерти споръ рѣшилъ кровавый бой,
И подвергался я его ударамъ равнымъ.
Коль жизнь вѣнчаетъ вождь концемъ толико славнымъ,
Коль за отечество онъ можетъ умереть;
Не будетъ тѣнь его о жизни сожалѣть,
Не будетъ въ облакахъ ни гнѣвна, ни смущенна.
Могила храбраго отечеству священна:
И старцы на нее должны сыновъ водить,
Чтобъ въ юныхъ ихъ сердцахъ геройство возбудить.
Но чуждо для жрецовъ высокое толь чувство:
Раздоръ воспламенять ихъ главное искусство.

(Указывая на Моину.)

Ты не успѣешь въ томъ... Прими ея обѣтъ
И совершай свой долгъ!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦЪ.

Не принимаю, нѣтъ!
Когда Тоскаровъ прахъ почтить не хочешь нынѣ,
Супругомъ быть тебѣ нельзя тогда Моинѣ.

Одена именемъ я запрещаю ей
Надеждѣ и любви отвѣтствовать твоей,
И симъ же именемъ я Старна разрѣшаю
Отъ слова даннаго. Я зрю, что прогнѣвляю
Твой гордый духъ... иду отъ гнѣва твоего.

ФИНГАЛЪ.

Остановите вы, о воины, его!

СТАРНЪ.

Иль ты пришелъ во храмъ надъ святостью ругаться?

ФИНГАЛЪ.

Иль за крамольнаго Старнъ можешъ здѣсь вступаться?

СТАРНЪ.

Почти, Фингалъ, почти его священный санъ!

ФИНГАЛЪ.

Къ сплетенью ль хитростей ему былъ оный данъ?

СТАРНЪ.

Онъ данъ ему на то, чтобъ слышать гласъ небесный,
Чтобъ оный возвѣщать.

ФИНГАЛЪ.

Какой сей даръ чудесный!
И какъ предъ нами онъ небесный слышалъ гласъ,
Которому никто не могъ внимать изъ насъ!
Что въ вашемъ храмѣ я, мнѣ должно ль лицемѣрить?

СТАРНЪ.

Ты вѣрь ему иль нѣтъ, но мы привыкли вѣрить.
И дочери моей не отдаю тебѣ,
Когда противенъ бракъ разгнѣванной судьбѣ.

ФИНГАЛЪ.

Что слышу?

МОИНА.

Небеса!

КОЛЛА *тихо Старну.*

Себѣ ты измѣняешь.

ФИНГАЛЪ.

Меня ль...

СТАРНЪ *съ притворною ласкою.*

Почто, Фингалъ, почто не поспѣшаешь
Союзу нашему препятство отвратить,
Одена и судьбу съ симъ бракомъ примирить
И возвратить покой Тоскара тѣни гнѣвной?
Съ какимъ веселіемъ и радостью душевной
На холмѣ смерти я Фингала буду зрѣть!

ФИНГАЛЪ.

Ты бъ долженъ былъ меня въ душѣ своей презрѣть,
Когда бъ увидѣлъ здѣсь толико малодушнымъ,
Чтобы твоимъ жрецамъ я сдѣлался послушнымъ,
Чтобы ихъ гласъ считалъ за гласъ самихъ боговъ.
Тоскара гробъ почтить я бъ былъ, о Старнъ, готовъ,
Но какъ союзникъ твой, но какъ супругъ Моины:
И долгъ сей совершить имѣлъ бы я причины.
Что волей сдѣлалъ бы, неволей никогда.

СТАРНЪ.

Почто жъ, о гордый вождь, ты прибылъ къ намъ сюда?

ФИНГАЛЪ.

Ты прежде дай отвѣтъ, почто надеждой льстивой
Ты вызвалъ по морямъ мой бѣгъ нетерпѣливой?
Когда чрезъ барда я союзъ сей предложилъ,
Почто условій мнѣ своихъ не объявилъ?

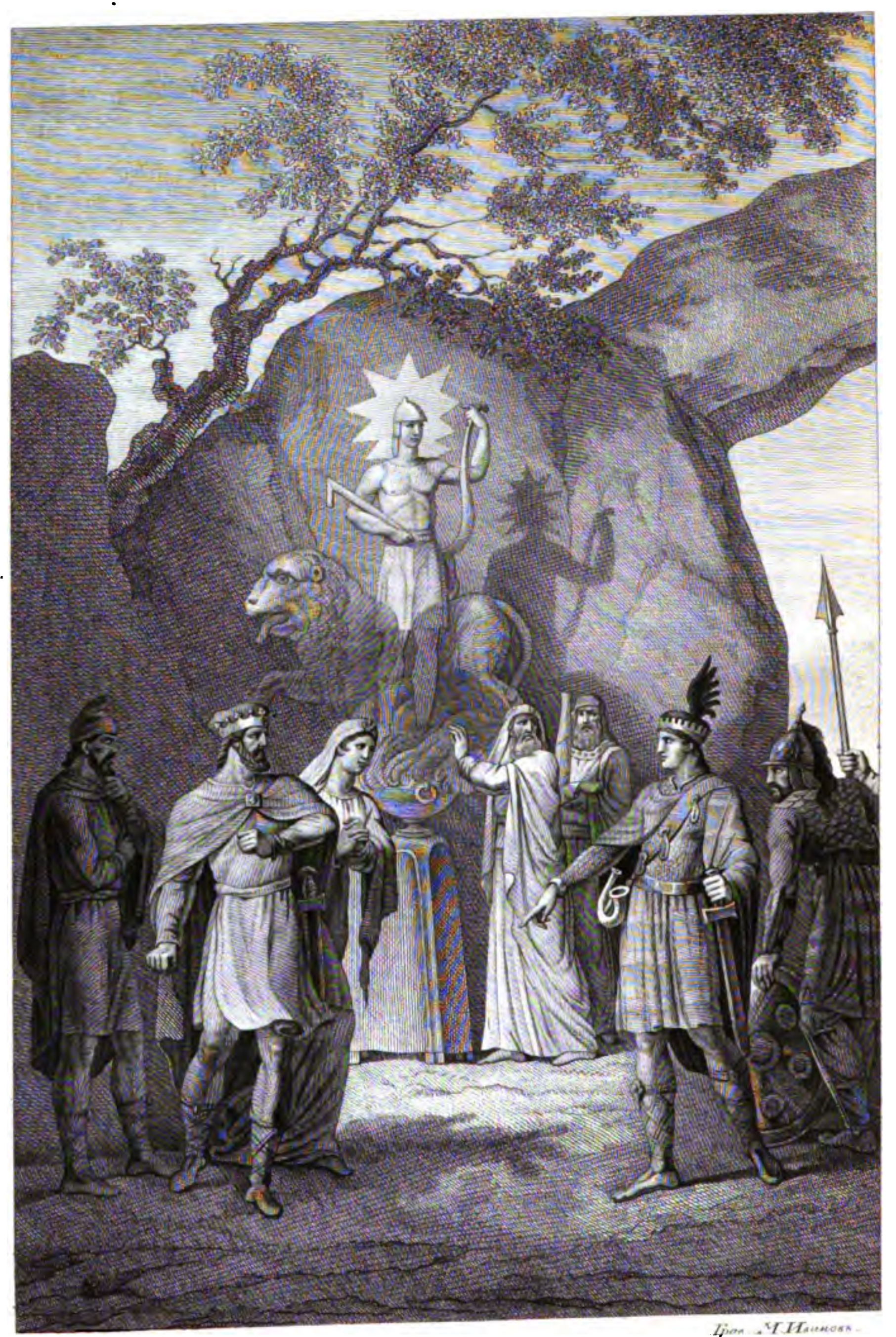

Рис. И. Ивановъ. Грав. М. Ивановъ.

И самолюбіемъ не жертвуешь мнѣ нынѣ.

ФИНГАЛЪ.

Уже ль, въ волненіи сего несчастна дня,
И ты, жестокая, и ты противъ меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.
Но не довольно ли уже явилъ покорства,
Когда въ противный храмъ предсталъ съ тобою я?
Во храмъ сей пагубный вела любовь моя.

МОИНА.

Сію любовь свою ты докажи мнѣ болѣ
И, Старновой въ сей часъ ты повинуясь волѣ,
Иди на бранній холмъ, обряды соверши,
Яви величество твоей, Фингалъ, души!
Моя рука въ сей день наградой снисхожденью.

ФИНГАЛЪ.

Меня ли привести ты хочешь къ униженью?

МОИНА.

Несправедливый другъ, въ любви къ тебѣ моей,
Могу ль не дорожить я честію твоей?
Когда былъ милымъ тотъ, кто быть возмогъ безчестенъ?
Ты храбростью своей въ лѣтахъ младыхъ извѣстенъ,
И кто подумаетъ, чтобы Фингалъ въ сей день
Былъ робостью ведомъ почтить Тоскара тѣнь!

(По нѣкоторомъ молчаніи.)

Жестокій, ты молчишь и взоры потупляешь:
Я слышу твой отказъ, хотя не отвѣчаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и стеня,
Что ты обманывалъ и не любилъ меня,
Что издѣвался здѣсь ты надъ моею страстью.

Оставь меня, бѣги, предай меня несчастью,
Межъ нами положи обширности морей!
Ты возмутишь пришелъ моихъ спокойство дней,
Ты погубилъ меня. Я не снесу разлуки,
И вскорѣ, вскорѣ смерть мои окончитъ муки;
Она съ спокойствіемъ Моину примиритъ
И съ сердца видъ сотретъ, меня прельстившій видъ.

ФИНГАЛЪ.

О, какъ души моей ты слабости узнала!
И какъ, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли безъ тебя быть счастливъ на земли?
Надгробно празднество готовить повели,
О Старнъ! Оденъ, жрецы, ихъ гласъ, твои угрозы
Безсильны надо мной: ея лишь сильны слёзы;
Ея любви одной я предаюся весь.

МОИНА.

Премѣна счастлива!

СТАРНЪ *тихо Коллт.*

Я торжествую днесь.

(Къ Моинѣ.)

О дочь, принесшая родителю отраду,
Получишь вскорѣ ты достойную награду,
И чувствіямъ твоимъ готовлю я покой.

(Къ Коллт.)

Иди на грустный холмъ и торжество устрой!

(Къ Фингалу.)

А мы, Фингалъ, союзъ чтобъ ускорить счастливый,
Чтобъ наконецъ возмогъ мой взоръ нетерпѣливый
Тебя на холмѣ зрѣть, къ могилѣ поспѣшимъ!

(Хочетъ его вести, но при видѣ воиновъ Фингаловыхъ останавляется.)

За нами ли итти симъ воинамъ твоимъ?
Иноплеменники обрядовъ нашихъ чужды:
Ихъ любопытный духъ...

ФИНГАЛЪ.

Мнѣ въ нихъ не будетъ нужды.
Къ чертогу царскому они пускай идутъ
И возвращенія вождя ихъ тамо ждутъ!

(Воины Фингаловы уходятъ.)

СТАРНЪ.

(Въ сторону.) *(Къ Фингалу.)*
Пусть тщетно ждутъ!... Фингалъ, пойдемъ къ могилѣ сына!

ФИНГАЛЪ.

Приди со мной, приди, любезная Моина!

СТАРНЪ.

Ахъ, нѣтъ, чувствительный ея не долженъ взглядъ
Зрѣть смерти празднество, надгробный зрѣть обрядъ!
Печальна для нея могила будетъ брата.
Въ семъ храмѣ пусть она ждетъ нашего возврата!

ФИНГАЛЪ.

И такъ опять съ тобой я разстаюсь теперь!
Моина, страсть мою послушностью измѣрь!

(Старнъ и Фингалъ уходятъ, за ними слѣдуютъ всѣ предстоявшіе во храмѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОИНА и МОРНА.

МОРНА *по нѣкоторомъ молчаніи.*

Виновница въ сей день намъ прочнаго покоя,

Ты, удержавшая спремленіе героя,
За коимъ, можетъ быть, для нашея страны
Возобновились бы злосчастія войны,
Когда все льститъ тебѣ, когда ты торжествуешь,
Когда твой вѣренъ бракъ, на что ты негодуешь?
Почто веселію свой духъ не предаешь,
Хранишь молчаніе, вздыхаешь, слезы льешь?
Иль новыхъ бѣдъ какихъ еще намъ ждать?

МОИНА.

Не знаю.

Неволею грущу и слезы проливаю.
Предчувство ль томное мнѣ нѣкія бѣды,
Или въ крови моей оставило слѣды
Въ семъ храмѣ бывшее несчастное волненье?
Иль, можетъ быть, обрядъ и тризны совершенье,
Напоминающе всему конецъ и смерть,
По сердцу моему могло печаль простерть.
Увы, не смѣю я еще ласкаться бракомъ:
Часъ будущій судьба отъ насъ сокрыла мракомъ.
Кто знаетъ, счастливъ ли онъ намъ опредѣленъ?
Сей вѣрный, Морна, бракъ еще не совершенъ,
Еще я не зовусь супругою Фингала,
Еще союзъ не твердъ. Уже я испытала,
Какъ вѣрностью надеждъ нельзя ласкаться намъ!
Когда веселая съ Фингаломъ шла во храмъ,
Могла ль предвидѣть я, что нашъ обрядъ вѣнчальный
Премѣнится въ обрядъ надгробный и печальный?
Что вмѣсто храма гробъ, жреца намѣсто тѣнь
Къ союзу нашему предстанятся въ сей день?

Кто, Морна, вѣдаетъ мнѣ рокъ опредѣленный?
Но шумъ... вступаютъ въ храмъ. Уллинъ идетъ смущенный...
Боязнь въ его чертахъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И УЛЛИНЪ.

УЛЛИНЪ.

Царевна, гдѣ Фингалъ?

МОИНА.

Ко гробу братнему съ царемъ онъ путь пріялъ,
И, можетъ быть, теперь уже надъ мрачнымъ холмомъ.

УЛЛИНЪ.

Но воиновъ своихъ сопровожденъ ли сонмомъ?

МОИНА.

Одинъ пошелъ... но что?...

УЛЛИНЪ.

О горесть, о бѣда!
Онъ гибнетъ, можетъ быть; бѣгу къ нему туда.

МОИНА.

Постой, Уллинъ, постой! Чѣмъ столько ты смущаемъ,
И гибелью Фингалъ какою угрожаемъ?

УЛЛИНЪ.

Твой яростный отецъ, презрѣвъ и долгъ и честь,
И все, что на землѣ священное ни есть,
Быть можетъ, въ сей же часъ Фингала умерщвляетъ
И смерть Тоскарову измѣной отомщаетъ.

МОИНА.

Не вѣрь, Уллинъ, не вѣрь: сего не можетъ быть.

Измѣною ль цари обиды будутъ мстить?

УЛЛИНЪ.

Едва повѣрить могъ... Но, свобожденный плѣна,
Кариллъ, со мной сюда приплывшій изъ Морвена,
Сей храбрый воинъ вашъ, котораго Фингалъ
Любилъ отважный духъ и въ плѣнѣ отличалъ,
Остановилъ меня, когда въ веселомъ ходѣ
Ко храму съ торжествомъ за вами шелъ въ народѣ.
Онъ все повѣдалъ мнѣ, и, способъ чтобъ найти
Локлинскія страны падущу честь спасти,
Онъ самъ въ числѣ убійцъ... Еще ли усомнишься?
Но медлю здѣсь, бѣгу на холмъ.

МОИНА.

Куда стремишься,
И что противъ убійцъ предпримешь ты одинъ?
Сонмъ воевъ у чертогъ. Спаси царя, Уллинъ!

(Уллинъ поспѣшно уходитъ.)

Увы, несчастная, и я на холмъ послала...
И, можетъ быть, на смерть любезнаго Фингала!
Остановленный бракъ, смятеніе жреца,
Веселье мрачное жестокаго отца,
Когда Фингалъ итти согласенъ былъ ко гробу,
Все Старнову явить могло мнѣ скрытну злобу:
И ничего, увы, не зрѣлъ мой страстный взоръ!
О Морна, поспѣшимъ предупредить позоръ!
Когда жъ не отвращу измѣну толь поносну,
У самыхъ ногъ отца окончу жизнь несносну.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ дикій лѣсъ съ разсѣянными камнями. Посреди холмъ, подъ коимъ погребенъ Тоскаръ. Гробница по обычаю означена четырьмя большими каменьями по угламъ. На холмѣ посажено дерево, на которомъ виситъ щитъ, мечь и стрѣлы погребеннаго царевича. У дерева жертвенникъ, воздвигнутъ изъ камней. Въ отдаленіи видно море, и на берегу его храмъ Одиновъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СТАРНЪ, ФИНГАЛЪ, КОЛЛА и БАРДЫ СТАРНОВЫ.

СТАРНЪ, *остановясь съ Фингаломъ у холма.*

Фингалъ, ты видишь холмъ, подъ коимъ скрытъ Тоскаръ,
Подъ коимъ сына прахъ, твоей руки мнѣ даръ!
На холмѣ мрачномъ семъ, на камняхъ сихъ надгробныхъ,
Провелъ теченіе я дней моихъ прискорбныхъ,
И утро каждое, и каждый вечеръ дня
Встрѣчали въ рощѣ сей стенящаго меня.
Тоскара грустна тѣнь со мною здѣсь стонала:
Она тебя, Фингалъ, къ могилѣ призывала
Отъ странъ твоихъ отцевъ, изъ-за пучинъ морей.
Тѣнь сына, отдохни отъ горести твоей
И болѣ не скорби Фингаловой побѣдой!
Утѣшитъ вскорѣ онъ тебя своей бесѣдой,
И радость принесетъ онъ сердцу моему.

ФИНГАЛЪ, *обращаясь къ холму.*

О храбрый юноша, миръ праху твоему!

Въ твоихъ младыхъ лѣтахъ, ты былъ примѣромъ воевъ
И смертью кончилъ жизнь, достойною героевъ.
Съ почтеніемъ на холмъ взираю я въ сей часъ.
Ахъ, миръ, миръ храброму еще единый разъ!

(Къ Старну.)

Я горести твоей, о мудрый Старнъ, повѣрю.
Въ немъ сдѣлалъ ты, народъ, чувствительну потерю,
Которую судьба ничѣмъ не замѣнитъ.
Отважный сынъ царевъ отечественный щитъ:
На немъ основано народное спокойство.
Я самъ, сражаясь, чтилъ Тоскарово геройство,
Я прослезился самъ о юношѣ твоемъ,
Когда въ бою погибъ подъ роковымъ мечемъ,
Когда, какъ твердый дубъ, отъ бури преломленный,
Онъ палъ, и возшумѣлъ сонмъ воевъ удивленный.

(Къ бардамъ.)

Воспойте, барды, пѣснь Тоскару въ похвалу!
Гласъ мудраго пѣвца могилъ проходитъ мглу,
Тѣнь храбрыхъ веселитъ и предаетъ въ потомство
Согласной звучностью ихъ доблесть и геройство.

(Фингалъ садится на камень по одну сторону театра, а Старнъ по другую. Барды подходятъ къ холму и поютъ хоромъ безъ оркестра.)

Хоръ бардовъ.

Надежда бывшая сихъ странъ,
Отъ насъ взятый судьбою гнѣвной!
Ты былъ своимъ народамъ данъ,
Какъ въ мѣсяцъ зимній лучъ полдневной.

Блеснувъ начасъ, ты вдругъ исчезъ
И сталъ предметомъ нашихъ слезъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢЖЕ И СЛУЖИТЕЛЬ СТАРНОВЪ, несущій чашу пиршествъ.

КОЛЛА.

Для изліянія по волѣ, Старнъ, твоей
Изъ сотовъ пчельныхъ медъ несется въ чашѣ сей.

СТАРНЪ.

Внеси на холмъ, поставь на жертвенникъ могильный:
Тамъ примиренія прольется токъ обильный.
Когда возметъ Фингалъ тамъ чашу празднества,
Ты, Колла, знакъ подай къ свершенью торжества.

(Колла, принявъ чашу отъ принесшаго, идетъ съ нею на холмъ.)

Хоръ вардовъ.

Во мракѣ тучь какъ грозный громъ,
Ты не носись въ странахъ воздушныхъ;
Но преселися въ горній домъ
Твоихъ отцевъ великодушныхъ,
Сѣдящихъ въ радужныхъ кругахъ,
Съ спокойствомъ свѣтлымъ на челахъ!

ФИНГАЛЪ.

Нѣтъ, гласамъ никогда надгробнымъ я не внемлю,
Чтобъ мысль не возвращалъ въ отеческую землю,
Гдѣ возвышенный рядъ родительскихъ могилъ
Служилъ источникомъ моихъ душевныхъ силъ;

Гдѣ часто при зарѣ, надъ молчаливымъ холмомъ,
Подъ облачной грядой, бесѣдовалъ я съ сонмомъ
Почіющихъ отцевъ... Казалось, гласъ взывалъ,
Который мужество мнѣ въ душу проливалъ.
Унылы высоты теперь остались холмы,
И тѣни въ облакахъ печальны и безмолвны,
Съ вечерней тишиной, при уклоненьи дня,
По холмамъ странствуютъ, искавъ вотще меня.
Я удалился васъ и оныхъ мѣстъ священныхъ
За волны шумныя, въ страну иноплеменныхъ,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сѣтуйте! Она и вашу кровь,
Въ весенній возрастъ дней, какъ огнь, воспламеняла;
Улыбка красоты и васъ равно плѣняла.
Вы были счастливы; но я...

(Впадаетъ въ задумчивость.)

СТАРНЪ *тихо Коллѣ.*

Еще ли ждать?
Въ немъ духъ унылъ: намъ знакъ не въ сей ли часъ подать?

КОЛЛА.

Доколѣ, государь, свой мечь Фингалъ имѣетъ,
Противостать никто изъ воиновъ не смѣетъ.

СТАРНЪ *Коллѣ.*

Я способы найду его меча лишить.

(Къ Фингалу.)

Не время ли, Фингалъ, намъ къ играмъ приступить,
Почтить сраженіемъ умершаго героя?
Отборны воины готовы здѣсь для боя.
Но чтобы большее въ нихъ мужество возжечь,

Наградой лестною имъ предложи свой мечь:
Потщатся воины быть онаго достойны.

ФИНГАЛЪ.

Надъ гробомъ храбраго сраженія пристойны;
Отрадою и въ жизнь ихъ почиталъ твой сынъ.
Я побѣдителямъ не только мечь одинъ,
Но и мой звучный рогъ наградой предлагаю.
Познай, о Старнъ, какъ прахъ Тоскара почитаю!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕЖНІЕ И ОСЬМНАДЦАТЬ ВОИНОВЪ СТАРНОВЫХЪ *во всеоружіи выходятъ изъ-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняютъ оружія. Между ними идетъ* КАРИЛЛЪ. *Потомъ изображаютъ они сраженіе, въ которомъ Кариллъ и другой воинъ, оставшись побѣдителями надъ прочими, сражаются между собою. Кариллъ обезоруживаетъ своего противника и оба являются предъ Старномъ, который подводитъ ихъ къ Фингалу для полученія назначеннаго награжденія.*

СТАРНЪ.

Фингалъ, какъ судія, какъ славный самъ боецъ,
Ты награди теперь отважность ихъ сердецъ!
Сему принадлежитъ твой рогъ далеко звучный,
А сей, предъ прочими въ бою благополучный,
Пусть приметъ славный мечь отъ рукъ, Фингалъ, твоихъ!

ФИНГАЛЪ *къ воину, отдавая свой рогъ.*

Прими мой рогъ: всегда онъ воиновъ моихъ
Къ сраженьямъ призывалъ, и призывалъ ко славѣ.

(Къ Кариллу.)

А ты, искуснѣйшій изъ всѣхъ, который вправѣ

Носитъ Фингаловъ мечь... Что вижу я? Карилъ!
Ты ль мужествомъ въ бою награду заслужилъ?
Въ отважности твоей увѣренъ былъ и прежде.
Вотъ мечь: отвѣтствуй ты всегда моей надеждѣ!
Но ты колеблешься и не берешь его...
Смущенье на челѣ зрю духа твоего...
Что значитъ то?

СТАРНЪ, *поспѣшно взявъ Фингаловъ мечь, къ Карилу.*

Почто безмолвнымъ остаешься?
Иль недостойнымъ ты награды признаешься?

(Въ полголоса.)

Прими, бѣги и скрой страхъ слабыя души!

(Къ Фингалу.)

Иди, Фингалъ, на холмъ и тризну доверши!

(Фингалъ восходитъ на холмъ и беретъ чашу, поставленную на жертвенникѣ. Въ сіе самое время ударяютъ въ щитъ.)

ФИНГАЛЪ.

Я слышу браней гласъ...

СТАРНЪ.

И смерть тебѣ злодѣю!

ВОИНЫ *устремляются къ холму.*

Умри, Фингалъ!

ФИНГАЛЪ, *бросая чашу.*

И я оружья не имѣю!

(Увидѣвъ висящій на деревѣ мечь, срываетъ его.)

Тоскаровъ вижу мечь: защитою мнѣ будь!

СТАРНЪ *остановившимся воинамъ.*

Чего робѣеше? Врага произайше грудь!

ФИНГАЛЪ.

Лишь шагъ... и будешъ Сшарнъ моею первой жершвой.

СТАРНЪ.

Не бойшеся угрозъ! Пускай паду я мершвой:
Лишь кровію его спокойше сына прахъ!

ФИНГАЛЪ.

Кшо смѣешъ присшупишь?

ВОИНЫ *устремляются еще разъ.*

Умри!

СТАРНЪ.

Разише!

КОЛЛА.

Сшрахъ!

Фингала воиновъ сюда ведешъ Моина.

(Воины удаляются къ сторонѣ Старна.)

СТАРНЪ.

О ярость, не могу я ошомсшишь за сына!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ, МОИНА, УЛЛИНЪ И ВОИНЫ ФИНГАЛА.

ФИНГАЛЪ *бросается къ Моинѣ.*

Моина, нынѣ жизнь швоей любви мнѣ даръ!

МОИНА.

О радосшь, я могла шошъ ошклонишь ударъ,
Кошорый наднесла невольно на Фингала!
Тебя, на холмъ пославъ, на смершь я посылала.

Но если счастливо спасенъ ты нынѣ мной,
Останется ль отецъ виновнымъ предъ тобой?

ФИНГАЛЪ.

Достоинъ твой отецъ... но не окончу слова.
Взирай, страдаетъ какъ его душа сурова!
Но не раскаяньемъ сія душа полна:
Отмщеньемъ, злобою терзается она.

СТАРНЪ.

Ты наконецъ позналъ мои сердечны чувства!

ФИНГАЛЪ.

Познай и ты тщету коварнаго искусства!
Въ разставленну мнѣ сѣть ты самъ, о Старнъ, упалъ,
И, саномъ возвышенъ, ты сердцемъ столько малъ,
Что нынѣ жизнь твоя отъ рукъ моихъ зависитъ.

СТАРНЪ.

Здѣсь жизнь... отъ рукъ твоихъ?... Фингалъ легко то мыслитъ.

ФИНГАЛЪ.

Моими войсками отвсюду окруженъ,
По слову одному ты можешь быть сраженъ:
И ты, и ратники, служители лукавства,
Всѣ могутъ казнь пріять достойную коварства.
По справедливости измѣну наказавъ,
Предъ всей твоей страной, предъ свѣтомъ буду правъ.
Но безоружнаго разитъ одинъ безчестный:
Съ моими мыслями поступокъ несовмѣстный!
Сколь сердцу Старнову всегда пріятна месть,
Мнѣ столько же всегда священна будетъ честь.
Обиды отъ враговъ свирѣпый отомщаетъ,

Духъ кроткій ихъ проститъ, великій забываетъ.
Ты мстилъ; забуду я: вотъ разность между насъ!
Ты плѣнникомъ моимъ уже одинъ былъ разъ;
Теперь въ моихъ рукахъ: но будь опять свободенъ!
Миръ искренній со мной когда тебѣ не сроденъ,
Позволь ты дочери моей супругой быть,
И съ нею поспѣшу отъ сей земли отплыть.

МОИНА.

Какъ можешь рѣчь къ отцу толь обращать жестоку?

ФИНГАЛЪ.

Быть твердымъ надлежитъ, какъ говоришь пороку.

СТАРНЪ *по нѣкоторомъ молчаніи.*

Сердечны чувствія и мой свирѣпый нравъ
Въ сей самый день, Фингалъ, въ несчастный день познавъ,
Ты хочешь, чтобъ я дочь тебѣ вручилъ супругой!
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой
Ты право получилъ? Или мой плѣнъ, позоръ...
Иль, лучше, на сей холмъ ты, обратя свой взоръ,
На холмъ, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мнѣ право и причину!
Печаль мою, и нравъ, и мщеніе порочь
И докажи отцу, что долженъ нынѣ дочь
На самомъ холмѣ семъ, надъ прахомъ здѣсь сыновнимъ,
Тебѣ въ супруги дать согласіемъ виновнымъ!
Нѣтъ, нѣтъ, Фингалъ, межъ насъ несбыточенъ союзъ!
Отмщеніе... другихъ мнѣ нѣтъ съ тобою узъ.
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть твоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью... страданьемъ.
Не храмъ, готовилъ гробъ; не брачныхъ свѣтъ огней,

Но блескъ, но грозный блескъ убійственныхъ мечей.
Хотѣлъ, чтобы погибъ ты смертію безчестной,
И не моей рукой, рукою неизвѣстной;
Чтобы къ страданію по смерти ты возлегъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;....
Хотѣлъ, чтобъ ты вкусилъ въ тѣ смертныя минуты
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Оденъ, судьба и дочь, мнѣ измѣнило все:
Не измѣнитъ теперь отчаянье мое.

(Вынимаетъ изъ пояса кинжалъ и стремится на Фингала. Моина, примѣтившая движеніе его руки, бросается спасти Фингала.)

МОИНА.

Что дѣлаешь, отецъ?

СТАРНЪ.

Еще ль останавляешь?

(Поражаетъ ее кинжаломъ.)

Несчастная, умри, коль долгу измѣняешь:
И пусть со мною здѣсь погибнетъ весь мой родъ!

(Закалается.)

ФИНГАЛЪ *хочетъ устремиться на Старна, и воины Фингала за нимъ также устремляются.*

Злодѣй!

МОИНА.

Постой, Фингалъ! Остановись, народъ!
Мой горестный отецъ самъ нынѣ гнѣва жертва.

(Къ Фингалу.)

О радость, за тебя я упадаю мертва!

ФИНГАЛЪ.

Увы, она прешла!.. Неистовый отецъ!

СТАРНЪ.

Ты страждешь горестью... И такъ я наконецъ
Доволенъ... отомщенъ... и счастливъ умираю...

(Колла относитъ его на камень.)

ФИНГАЛЪ.

Моины нѣтъ! Увы, я съ нею все теряю!
О злополучіе, о горестный ударъ!
И я живу еще!... И жизнь Моины даръ!
Сей злополучный даръ виной ея кончины:
И я живу еще! Житъ долженъ безъ Моины!
И всякій день въ мечтахъ ее я буду звать!
И будетъ всякій день мнѣ сердце отвѣчать,
Что я, лишенъ ея, остался на мученье!
Мнѣ ждать ли, чтобъ судьба прервала дней теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву...

(Вырываетъ изъ рукъ Уллина мечь и хочетъ заколоться.)

УЛЛИНЪ *останавливаетъ руку Фингала.*

Фингалъ, тебѣ ль принадлежатъ они?
Ты царь, съ народами священнымъ узломъ связанъ,
Для подданныхъ твоихъ ты жизнь хранить обязанъ.
Разсудка, должности днесь гласу ты внемли!

ФИНГАЛЪ.

Увы, жестокій долгъ! Мой другъ, изъ сей земли
Ты извлеки меня, изъ сей земли плачевной;
Но, въ облегченіе моей тоски душевной,

(Указывая на тѣло Моины.)

Возми ты сей предметъ, чтобы я каждый день
Изъ гроба воззывалъ Моины легку тѣнь.

(Въ отчаяніи упадаетъ къ Уллину; воины подходятъ къ тѣлу Моины; занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Примѣчаніе.

На 53 стран. въ 11 стихѣ, вмѣсто слова: *изъявленны*, должно быть: *изъязвленны*.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пятое изданіе, дополненное и сверенное по рукописямъ автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА И ЕГО ИЖДИВЕНІЕМЪ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. 5 генваря 1827 года.

Цензоръ Надв. Сов. и Кавалеръ П. Гаевскій.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

въ стихахъ.

ВЪ Сᵀ ПЕТЕРБУРГѢ.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 14 января, 1807 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Димитрій, поразивъ высокомѣрнаго Мамая на Задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига Татарскаго. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО возбудили мужество Россіянъ на защищеніе свободы Европейскихъ державъ. Будущіе вѣки благословятъ твердость и великодушіе Монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя. Пѣвецъ Димитрія, облагодѣтельствованный ВАШИМЪ благоволеніемъ, пріемля смѣлость посвятить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ сію трагедію, завидуетъ счастію тѣхъ пѣвцовъ, кои чрезъ столѣтія, воспламенясь великими дѣяніями, воспоютъ кроткое ВАШЕ царствованіе, славу ВАШЕГО оружія, благоденствіе подвластныхъ ВАМЪ народовъ, и не будутъ порицаемы лестію. Благодарное потомство будетъ съ восхищеніемъ внимать истинѣ ихъ пѣсней; ибо Государь, покровитель угнѣтенныхъ, принадлежитъ не одному вѣку, но послѣдствію неизмѣримому вѣковъ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Владиславъ Озеровъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ДИМИТРІЙ, великій князь Московскій.

Князь Тверскій.

Князь Бѣлозерскій.

Князь Смоленскій.

КСЕНІЯ, княжна Нижегородская.

ИЗБРАНА, наперсница Ксеніи.

МИХАИЛЪ БРЕНСКОЙ, оружносецъ Димитрія.

Бояринъ Московскій.

Посолъ Мамаевъ.

Воины.

Князья Рускіе.

Бояре Московскіе.

Рынды.

Войско Руское.

Татары, пришедшіе съ посломъ.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ шатеръ великаго князя Московскаго.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДИМИТРІЙ и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники, *сидящіе и составляющіе совѣтъ.*

ДИМИТРІЙ.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близъ двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близъ двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,

Лежала въ цѣлости на Росскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости разпалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ Россійская страна
До разслабленія была доведена,
Прешли въ сію орду. Возникли новы ханы,
Оттторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ, алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ, Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивой,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрешней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя Росскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньи геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ Татаръ?

ТВЕРСКІЙ.

Такъ, будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ
Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,

И прахъ топлаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но, древностію лѣтъ, не въ силахъ выйти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ,
Или за вѣру пасть и лечь за Руску землю.
Когда наградою я Ксенію пріемлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцемъ ея мнѣ быть супругой суждена;
На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но съединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести.
Всѣ Рускіе князья, съ отважностію равной,
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной;
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь Татаръ быть искренной могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

О, сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверзтый гробъ мою склоняя древность,

Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны Россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ Рускихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна.

(Къ Димитрію.)

Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И Бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ Рускихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани:
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,
Совѣтъ однако жъ мой: принять Татаръ посольство.
И если можемъ мы возстановить спокойство

Платя Мамаю дань...

(Всѣ князья изъявляютъ негодованіе.)

ДИМИТРІЙ.

О Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной подданью мы власть признали ханску?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Чтобы щадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не соединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ Татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали;
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, неустройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины,
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

ДИМИТРІЙ.

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!

Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ,
О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ Россійскія сердца
Искать свободы здѣсь, иль райскаго вѣнца!
Такъ, лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;
Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,

Содрогся бъ и пренесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

ДИМИТРІЙ.

Посланникъ близъ шатра рѣшенья ожидаетъ;
Ты, Бренской, приведи прибывшихъ къ намъ Татаръ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, *исключая* БРЕНСКАГО.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Твоимъ младымъ лѣтамъ приличенъ, свойственъ жаръ,
Съ которымъ, государь, стремишься на сраженье:
Любви къ отечеству похвальное внушенье!
Ахъ, далъ бы Богъ вѣнчать свободою намъ бой!...
Но я исполнилъ долгъ. Покрытый сѣдиной,
Я почерпнулъ совѣтъ не въ пылкости сердечной,
Всегда рѣшительной минутой скоротечной,
Но въ долгихъ опытахъ прожитыхъ мною лѣтъ,
И, старецъ, въ правѣ я нельстивый дать совѣтъ.
Онъ робкимъ кажется: но смѣлость нужно вою;
Въ совѣтахъ истиной вѣщать хощу одною.
Посолъ вступаетъ къ намъ: Димитрій, не забудь,
Что предлежитъ тебѣ избрать надежный путь,
Которымъ возвести отечество обязанъ,
Что Руской весь народъ съ твоимъ глаголомъ связанъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

РУСКІЕ КНЯЗЬЯ *сидящіе,* ПОСОЛЪ МАМАЕВЪ, *сопровождаемый нѣсколькими Татарами.*

ПОСОЛЪ.

Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Рускія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Останавляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны Татары.
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесять князей, *)
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей, **)
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечь ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю!
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.

*) По исторія, см. Штриттера.

**) Одно несчастіе Мамая сокрушаетъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ.
Ломоносовъ, въ трагедіи: Темира и Селимъ.

ДИМИТРІЙ.

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана,
Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости Татаръ!
Но жить еще кому, иль намъ, или Мамаю,
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ стереть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя примать Непрядву перейдетъ!

ПОСОЛЪ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ?

ДИМИТРІЙ.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы?

ПОСОЛЪ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество стяжаніе Татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.

Главѣ вождя князей паденьемъ угрожаетъ?
Пусть ханъ тебѣ дастъ миръ, иль всѣхъ насъ поражаетъ!

ТВЕРСКІЙ.

Но ждать ли, чтобъ Мамай Непрядву перешелъ?
И нашей храбрости сія ль рѣка предѣлъ?
Коль въ полѣ боевомъ намъ суждена свобода;
Во станѣ ль заключась, Ордынцевъ ждать прихода?
Отважностью, князья, предупредимъ ихъ трудъ!
Посольскіе слѣды къ ихъ стану насъ ведутъ:
Смятенье принесемъ для нихъ внезапнымъ боемъ
И ханскіе шатры ихъ трупами покроемъ!

ДИМИТРІЙ.

Такъ, тамъ вранамъ степнымъ ихъ предадимъ тѣла!
Но вечерѣетъ день, и храбрыя дѣла
Должны ль сокрыты быть въ покровахъ ночи мрачной?
Ахъ,нѣтъ: чрезъ рядъ вѣковъ,какъ бы чрезъ токъ прозрачной
Они должны сіять въ блестящей ихъ красѣ.
При первомъ свѣтѣ дня, по утренней росѣ,
Слѣды горячіе къ безсмертію проложимъ
И явностію дѣлъ ихъ славу мы умножимъ!
Тверскій, видъ мужества носящій на челѣ,
Начальствуй завтра ты на правомъ войскъ крылѣ!
Крыло же лѣвое пускай ведетъ Смоленскій!
А ты, почтенный мужъ, князь мудрый Бѣлозерскій,
Извѣстный доблестьми, ты полкъ веди большой!
Съ стороженымъ за лѣсъ пусть братъ засядетъ мой
И, выждавъ случай тамъ къ внезапну нападенью,
Способствуетъ враговъ къ сугубому смятенью!
Но полкъ передовый я завтра самъ веду.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Какую, государь, вѣщаешь намъ бѣду!
Тебѣ ль въ опасности вдаваться нынѣ можно
И несть свою главу врагамъ неосторожно?
Для Россовъ, счастливыхъ правленіемъ твоимъ,
Младый, цвѣтущій вѣкъ твой долженъ быть хранимъ;
И подданныхъ покой въ твоей хранится длани.

ДИМИТРІЙ.

Мой долгъ: въ день мира судъ, и мужество въ день брани.
Могу ли ратнику сказать: иди впередъ,
Коль духу мой примѣръ ему не придаетъ?
И если Богъ судилъ въ своемъ благомъ совѣтѣ,
Для счастья Россіянъ мнѣ дни продлить во цвѣтѣ,
Чего страшитеся? Средь вражескихъ полковъ,
Пріосѣнитъ меня, какъ щитъ, его покровъ.
Идите же, друзья, и войскамъ обьявите,
Что къ утру бой рѣшенъ! Ихъ ярость возбудите,
Пролейте мести жаръ въ ретивы ихъ сердца!
Кто надъ могилою иль дѣда, иль отца,
Не плакалъ о бѣдахъ Россійскаго народа?
Днесь мщенье предстоитъ, наградою свобода;
Надеждой вѣрною Богъ крѣпости и силъ,
Чей духъ Израиля въ пустынѣ предводилъ,
И былъ кто нѣкогда поборникъ Маккавею.
Одушевите рать отважностью своею!

(Вси князья уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДИМИТРІЙ и БРЕНСКОЙ.

БРЕНСКОЙ.

Сыновъ отечества для радостныхъ сердецъ
Какое чувствіе, раздору зря конецъ,
Который раздѣлялъ Владиміра потомство!
Однихъ поистинѣ мужей великихъ свойство
Соединять умы, поставить цѣлью честь
И мысли всей страны своею мыслью весть.
Бояре и князья, народъ и воеводы
Черезъ тебя горятъ желаніемъ свободы;
Разноначальственна Россійская земля
Покорна одному, твоимъ словамъ внемля.

ДИМИТРІЙ.

Счастливѣе стократъ, кто, въ неизвѣстной долѣ
Рожденіемъ сокрытъ, въ своей свободенъ волѣ
И можетъ чувствами души располагать!

БРЕНСКОЙ.

Прилично ль на судьбу Димитрію роптать!
Иль хочешь возвѣстить, что мы увидимъ вскорѣ
Отечественный край вновь гибнущимъ въ раздорѣ,
И что, души твоей низшедъ во глубину,
Усматриваешь ты въ ней тайную вину,
Рушительницу впредь Россійскагѡ спокойства?

ДИМИТРІЙ.

Вседневна рѣчь твоя.

БРЕНСКОЙ.

Вседневно безъ притворства

Гласъ дружбы будетъ мой о должности твердить,
Старться страсть твою несчастну истребить.

ДИМИТРІЙ.

Ты не успѣешь въ томъ: нѣтъ власти столько сильной;
И огнь погаснетъ мой лишь въ хладности могильной.
Мой другъ, видъ Ксеніи, прелестнѣйшій сей видъ
Всѣ помышленія, весь духъ во мнѣ живитъ;
Имъ сердце страстное въ Димитріи біется,
И смертію одной любовь въ душѣ прервется.
Не осуждай ея: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

ВРЕНСКОЙ.

И такъ, геройскій жаръ, который произвесть
Должны бы званія верховный долгъ и честь,
Въ тебѣ случайный жаръ, отъ взора порожденный!
И такъ, не зрѣвъ княжны, Димитрій униженный
Подъ игомъ у Татаръ спокойно бъ дни провелъ
И память съ жизнію во тлѣнный гробъ низвелъ!
Нѣтъ, нѣтъ, твои слова любови лишь искуство,
И болѣе тебя твое я знаю чувство,
И сколь къ отечеству твой преданъ вѣрный духъ!
Не взора страстнаго могъ ожидать мой другъ,
Чтобы отважиться на подвигъ благородной:
Довольно для него и горести народной,
Довольно храбрости, носимой имъ въ крови.
Но я бъ не осуждалъ сей пылкія любви,
Когда бъ не видѣлъ въ ней несчастнѣйшихъ послѣдствій,

Междоусобій вновь, и вновь народныхъ бѣдствій.
Ты самъ рѣши: Тверской, тебя предупредивъ,
Родителя княжны согласье получивъ,
Потерпитъ ли еще любовь ему совмѣстну?

ДИМИТРІЙ.

Почто напоминать души печаль извѣстну!
Такъ, Ксенія ему въ супруги суждена.
Но коль союзъ съ княжной любовь свершать должна;
Когда взаимна страсть даетъ права надъ нею:
О Бренской, я одинъ всѣхъ болѣ правъ имѣю;
Всѣхъ болѣе люблю, всѣхъ болѣе любимъ.
Ты не былъ въ храмѣ томъ, гдѣ вдругъ глазамъ моимъ
Предстала Ксенія въ день перваго свиданья.
Во мнѣ то жаръ, то хладъ, невольны трепетанья,
И вся душа въ очахъ, чтобъ зрѣть ея красы,
Явили, что люблю. Въ тѣ самые часы
Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетлѣнны,
Предъ коими и дочь и матерь преклоненны
Молили премѣнить на милость гнѣвъ небесъ.
Скорбь матери была виной дочернихъ слезъ,
Виной пріѣзда ихъ во градъ первопрестольный.
Съ какою прелестью мой страстный духъ, довольный,
Чувствительность княжны въ слезахъ ея читалъ!
Влекомъ надеждою, молчанье я прервалъ:
Предъ матерью ея признался въ страсти нѣжной.
Ахъ, взоръ родившія, сей взоръ всегда прилѣжной,
Въ дочерниной душѣ взаимность чувствъ открылъ,
И, сю ободренъ, ужъ я въ надеждѣ былъ,
Что бракъ, противный бракъ съ Тверскимъ, не совершится,

Что страстный пламень мой достойно наградится.
Но сей отрады лучь блеснулъ на краткій часъ
И съ жизнію, увы, княгини онъ погасъ.
Болѣзнь медлительна, въ груди носима ею,
Свела ее во гробъ съ надеждою моею.
Я предпріялъ тогда къ родителю княжны
Дочь грустну проводить до Низовой страны
И тамъ, въ любви нашедъ языкъ краснорѣчивый,
Склонить отца на бракъ ея со мной счастливый:
Возсталъ Мамай и, огнь военный воспаля,
Насъ вызвалъ съ местію въ Задонскія поля,
Гдѣ образъ Ксеніи, въ душѣ изображенной,
Предъ мною носится среди грозы военной,
Гдѣ я надежды всей дотолѣ не лишенъ,
Доколь ея союзъ съ Тверскимъ не совершенъ.

ВРЕНСКОЙ.

Надежда тщетная: иль Ксеніи родитель
Обѣтовъ предъ концемъ престанетъ быть хранитель?
Когда Россіянинъ рѣшился слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.
Иноплеменникамъ, корысти лишь послушнымъ,
И сила клятвъ мала; но Россамъ добродушнымъ
И слова честнаго довольно одного.
Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того,
Что князь Тверской во станъ невѣсту ожидаетъ,
Гдѣ Ксеніи отецъ для дочери желаетъ
Предъ взорами Татаръ воздвигнуть брачный храмъ.

ДИМИТРІЙ.

Не мысли, чтобъ княжна могла пріѣхать къ намъ!

*

Въ Москвѣ, гдѣ вѣрность мнѣ любови сохраняетъ,
Судьбы и сей войны рѣшенья ожидаетъ.
Но вижу воина: какую слышать вѣсть!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДИМИТРІЙ, БРЕНСКОЙ и ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Великій государь, спѣшу тебѣ донесть,
Что князя мудраго земли Нижегородской
Младая дочь во станъ къ намъ прибыла Задонской.
Шатры шелковые средь Низовыхъ полковъ
Раскинуты ея.

(Димитрій, въ удивленіи и впадая въ задумчивость, хранитъ молчаніе.)

БРЕНСКОЙ.

(Къ воину.) *(Къ Димитрію.)*
Иди!... Но ты безъ словъ
При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вздыханья тяжкія въ груди своей скрываешь,
И горесть мрачная въ чертахъ твоихъ видна.
Предъ дружбой не таись: хоть съ строгостью она
Въ часы спокойствія о страсти разсуждаетъ,
Въ часы страданія молчитъ и сострадаетъ.
Но можешь коль еще совѣтъ услышать мой:
Отъ вида Ксеніи ты взоръ избави свой!
Нашъ къ утру бой рѣшенъ: пріуготовься къ бою
И съ поля съ славою, приличною герою,
Спѣши въ Москву дѣлить народно торжество,

Вѣнецъ трудовъ князей!

ДИМИТРІЙ.

Чтобъ брачно празднество
Сопернику свершить дозволилъ я спокойно!
Чтобъ ярости моей не предался достойно!
Невѣрной Ксеніи измѣну бы терпѣлъ!...
По клятвахъ, кои я въ любви ея имѣлъ,
Хочу въ послѣдній разъ предстать передъ невѣрной,
Чтобъ укорять ее любовью лицемѣрной;
Чтобъ при соперникѣ въ измѣнѣ обличить
И ревностью его веселье помрачить;
Чтобы Тверской, моимъ примѣромъ наученный,
Не вѣрилъ также ей, сомнѣніемъ смущенный...
Пойдемъ, увѣримся, что я ужъ не любимъ!
Но завтра бой... конецъ мученіямъ моимъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Оно происходитъ предъ шатрами Нижегородской княжны Ксеніи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

КСЕНІЯ и ИЗБРАНА.

ИЗБРАНА.

Какое зрѣлище для Россскихъ воевъ ново!
Средь стана шумнаго, гдѣ чувствіе сурово
Одной питается военною грозой,
Увидятъ мирный храмъ и ходъ блестящій твой,
Который брачными свѣщами озарится.

КСЕНІЯ.

Избрана, никогда сей бракъ не совершится,
И въ храмѣ для меня свѣщей печальный свѣтъ
Лишь долженъ освѣтить монашества обѣтъ,
Мнѣ долженъ быть зарей желаннаго спокойства!
Пріѣздъ въ Задонскій станъ послѣдній долгъ покорства,
Чѣмъ я родителю обязана была.
Но, руку чтобъ мою Тверскому въ храмъ несла
И тамо клятвою, съ душею несогласной,
Я бъ утвердила бракъ для обоихъ несчастной,
Сказала бъ, что люблю, что буду вѣкъ любить,
Какъ сердце о другомъ не престаетъ твердить,
Когда Димитрія сіе мнѣ сердце страстно
Не престаетъ являть повсюду и всечасно,

Нѣтъ, клятвою такой у брачныхъ алтарей
Языкъ бы мой солгалъ предъ небомъ и землей,
И произнесть ее во мнѣ не будетъ силы.
Обитель тихая, подобіе могилы,
Меня пусть скроетъ въ сѣнь священной тишины!

ИЗБРАНА.

Увы, и тамъ сердца страстей не лишены;
И тамъ любезный видъ, отъ мыслей неотступный,
Питать твой будетъ огнь, предъ званіемъ преступный.

КСЕНІЯ.

Но тамъ хотя могу свободно въ день страдать,
Свободно въ ночь мой одръ слезами орошать,
Которыя бъ должна передъ супругомъ гнѣвнымъ
Въ груди удерживать съ усиліемъ душевнымъ,
И горести предъ нимъ, какъ таинство, хранить.
Но мыслить не хочу, чтобъ небо оскорбить
Могла, любовью я сгарая безнадежно.
Ахъ, не оно ли намъ даруетъ сердце нѣжно,
Даетъ чувствительность, несчастія печать,
И въ храмы насъ зоветъ, чтобъ скорби облегчать?
Тамъ вѣра кроткая къ несчастливымъ вѣщаетъ,
Что Богъ утѣшитель и слабостямъ прощаетъ;
И тамъ среди подругъ мой будетъ томный гласъ
Желанный призывать послѣдній жизни часъ.
Какъ сельно быліе, отъ зноя изсушенно,
Такъ сердце, отъ тоски любовной сокрушенно,
Прервётъ біенія въ груди прискорбной сей,
И вскорѣ сопрягусь съ могилою моей.

ИЗБРАНА.

Уже ли молодость погубишь ты во цвѣтѣ?
Тебѣ ль съ весеннихъ дней имѣть лишь смерть въ предметѣ?
Ахъ, лучше, Ксенія, совѣтъ пріемля мой,
Сердечны чувствія родителю открой!
И уповаю я...

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, упованье ложно!
Родитель слово далъ; то слово непреложно.
Спросился ли меня, иль съ сердцемъ онъ моимъ,
Когда предположилъ мой грустный бракъ съ Тверскимъ?
Подъ игомъ у Татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы;
Родимся, чтобы несть въ терпѣніи яремъ
Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ,
Которое всегда отцовъ рѣшится властью
И рѣдко счастливо четы взаимной страстью.
Еще бъ надѣялась, когда бы нѣжна мать
Могла плачевну дочь любовью защищать;
Но у меня ее отъяла смерть сурова.
О матерь добрая, на свѣтѣ безъ покрова
И беззащитную оставила ты дочь!
Ахъ, въ мертвой тишинѣ, черезъ глубоку ночь,
Которая тебя въ могилѣ покрываетъ,
Внемли ты ей: здѣсь мнѣ никто не отвѣчаетъ;
Здѣсь грусть мою цѣнить не можно никому:
И смертный тотъ одинъ, чье сердце моему
Могло бъ отвѣтствовать, кто чувство раздѣляетъ,
Того мнѣ строгій долгъ забыть повелѣваетъ.

О другъ единственный, отъ смерти пробудись
И тѣнью легкою вокругъ меня носись;
Пролей во грудь мою отраду упованья;
Скажи, что ждешь меня къ скончанію страданья;
Скажи, что скоро ждешь; скажи, что близокъ часъ,
Который съединитъ во гробѣ должень насъ!

ИЗБРАНА.

Ахъ, нѣтъ: доднесь еще толь мрачныя печали
Ни взоры, ни уста твои не выражали!

КСЕНІЯ.

Увы, чѣмъ ближе день, въ который я должна
Съ моимъ любезнымъ быть навѣкъ разлучена,
Тотъ день, въ который долгъ мнѣ повелитъ стараться
И самой мыслію съ Димитріемъ разстаться,
Тѣмъ болѣе тоска тягчитъ мой слабый духъ!
И здѣсь, во станѣ семъ, гдѣ все вѣщаетъ вкругъ,
Сколь прочихъ смертныхъ онъ душою превосходитъ,
Гдѣ къ славѣ Россіянъ онъ доблестью предводитъ,
Гдѣ все гласитъ, что онъ достоинъ быть любимъ,
Гдѣ съ нимъ теперь дышу я воздухомъ однимъ,
И все, что восхищать могло бъ любовь счастливу,
Все душу то мою терзаетъ здѣсь тоскливу.
Но ты велѣла ли Тверскому обьявить,
Что вечера сего хочу съ нимъ говорить;
Что жду его сюда? Ахъ, завтра же, Избрана,
При утренней зарѣ я выѣду изъ стана!

ИЗБРАНА.

Съ пріѣзда, воина послала я къ нему.
Но между тѣмъ къ шатру я вижу твосму

Въ сопровожденіи Димитрія идуща.

КСЕНІЯ.

Минута тяжкая и горести несуща!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДИМИТРІЙ, КСЕНІЯ, БРЕНСКОЙ и ИЗБРАНА.

ДИМИТРІЙ, *подошедъ къ Ксеніи, по нѣкоторомъ молчаніи.*

Я вижу Ксенію, и сей свиданья часъ
Печаленъ, молчаливъ и утомляетъ насъ;
Тебя моимъ очамъ смущенною являетъ,
Мнѣ бѣдствіемъ грозитъ и страхи подтверждаетъ:
Такъ, нѣтъ сомнѣнія, отвергнутъ пламень мой;
Другой уже любимъ... Увы, но кто другой,
Но кто изъ смертныхъ всѣхъ любить такъ можетъ страстно,
Какъ я тебя любилъ, какъ я люблю несчастной!

КСЕНІЯ.

Но ты несправедливъ.

ДИМИТРІЙ.

Несправедливъ... Скажи,
Моихъ сомнѣній мнѣ неправость докажи!
Чтобъ голосъ нынѣ твой, веселье, прелесть слуха,
Спокоилъ, утолилъ во мнѣ смятенье духа!
Одинъ лишь можетъ онъ мою тоску развлечь;
Какъ даръ живительный твоя мнѣ будетъ рѣчь.
Скажи, что любишь ты, какъ ты любила прежде;
Увѣрь и утверди меня въ моей надеждѣ,

Что насъ никто, никакъ, ничѣмъ не разлучитъ!

КСЕНІЯ.

Могущею рукой насъ всѣхъ судьба влачитъ:
И, покоряяся родительской я волѣ,
Во станъ сей прибыла...

ДИМИТРІЙ, *прерывая рѣчь ея.*

Чего мнѣ слушать болѣ!
Отцу покорна ты: и такъ мой рокъ свершенъ;
Страшиться нечего, мой страхъ уже рѣшенъ.
Но презрѣть страсть мою тебѣ казалось мало:
Жестокости твоей того недоставало,
Чтобы свидѣтелемъ Димитрію здѣсь быть,
Какъ будешь ты собой соперника дарить.
Но столько жъ правъ, какъ онъ, я надъ тобой имѣю:
Его избралъ отецъ; я избранъ былъ твоею
Умершей матерью передъ концемъ ее;
И болѣе еще согласіе твое,
Обѣтъ твоей любви даютъ права безспорны.
Но укоризнъ не жди за клятвы тѣ притворны:
Мнѣ укорять тебя недостаетъ рѣчей.
Но бракъ остановитъ довольно здѣсь мечей;
Къ защитѣ правъ моихъ довольно рукъ готовыхъ
Противъ тирановъ стать безчувственныхъ, суровыхъ,
Располагающихъ любовію твоей.
И горе будетъ имъ! Такъ, въ ярости моей,
На брань, на люту брань пойду, мой станъ подвигну
И твоего отца я местію достигну.

КСЕНІЯ.

Постой, о государь, куда стремишься ты?

И ревности куда влекутъ тебя мечты?
Иль хочешь ты, въ своемъ свирѣпомъ изступленьѣ,
Къ несправедливости прибавить преступленье?
Иль хочешь, пагубный воспламеня раздоръ,
Явить Татарамъ здѣсь отечества позоръ,
Пріуготовить имъ побѣду несомнѣнну,
Россію подъ яремъ вести окровавленну?
О ты, поставленный щитомъ ея, главой!
Ахъ, нѣтъ: предъ страшною напастью таковой,
Предъ тѣмъ, какъ Россовъ вождь безславьемъ посрамится,
Пускай рука твоя сразить меня стремится!
Не дай увидѣть мнѣ безчестья твоего!
Ты, небо, вѣдаешь, любила ль я его!
Внимало вздохамъ ты, мои считало слёзы,
И слышишь нынѣ мнѣ Димитрія угрозы!
Жестокій, дочь губивъ, отцу грозить возмогъ.

(Къ Димитрію.)

Но мщенію какой ты можешь дать предлогъ?
Обѣтомъ ли съ тобой мой былъ родитель связанъ;
Отчетомъ ли тебѣ о дочери обязанъ;
Не властенъ ли всегда онъ мной располагать?
Хотя несправедливъ, тебѣ ли обвинять?
Несправедливъ ко мнѣ, къ своей единокровной:
Одна я жертвою, и жертвою безмолвной.
Но сколь ты самъ неправъ, сколь ты жестокъ, познай...
Тверской сюда идетъ, умѣря гнѣвъ, внимай!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И ТВЕРСКІЙ.

ТВЕРСКІЙ.

О мила Ксенія! О день шпокрапшъ счасшливый,
Въ кошорый взоръ, шебя узрѣшь нешерпѣливый,
Осшановляешся на красошѣ швоей;
Въ кошорый можешъ онъ, ошъ чувсшвъ души моей,
Безъ рѣчи выражашь любовь и восхищенье!
Любовь...

КСЕНІЯ.

Прерву швое любовно изъясненье;
Гордишься онымъ я напрасно не хочу
И слово на предмешъ важнѣйшій обращу.
Обѣщана шебѣ еще въ шакіе годы,
Какъ выходила я едва изъ рукъ природы,
Когда едва себя я знашь еще могла;
Вражда прошивъ Ташаръ шой связію была,
Кошорая нашъ родъ съ Тверскими согласила;
Намъ общая вражда нашъ бракъ предположила:
И мудрый мой ошецъ, въ шебѣ пошомка зрѣвъ
Князей, кошорыхъ гналъ Ташаръ свирѣпый гнѣвъ,
Рѣшился чрезъ меня, предъ Рускимъ всѣмъ народомъ,
Соединишь свой родъ съ досшойнымъ вашимъ родомъ.
Не могъ шого свершишь во время шишины;
Онъ бракъ назначилъ нашъ средь шумныя войны,
Среди случайносшей кровопролишныхъ боевъ,
Предъ сонмомъ всѣхъ князей, предъ сонмомъ храбрыхъ воевъ,
Чшобъ радосшный ихъ кликъ насъ къ храму провожалъ

И новымъ бѣдствіемъ Ордынцамъ угрожалъ,
Чтобы сей громкій кликъ, намѣсто пѣсень брачныхъ,
Врагамъ предвѣстникъ былъ дней горестныхъ и мрачныхъ.

ТВЕРСКІЙ.

Какъ счастливъ твой пріѣздъ: намъ къ утру сказанъ бой.
И я надѣюся, что завтра сей рукой,
Ордынцевъ кровію рукою обагренной,
Ко браку поведу тебя во храмъ священной,
И тамъ, увѣнчаннымъ мой видя страстный жаръ,
Я снова поклянусь въ враждѣ противъ Татаръ!

ДИМИТРІЙ *въ сторону.*

О гнѣвъ! Мнѣ должно ли еще хранить молчанье!

КСЕНІЯ *къ Тверскому.*

Не все сказала я: умножь свое вниманье!
Враждою, государь, предположенный бракъ
Полезнымъ можетъ быть, но радостнымъ никакъ:
Взаимная любовь въ немъ счастье утверждаетъ
И узы брачныя весельемъ облегчаетъ.
Но безъ нея, увы, для связанныхъ сердецъ,
Союзъ, какъ тяжка цѣпь, и бракъ терновъ вѣнецъ,
Вѣнецъ вздыханія и долгой муки лютой,
Котора кончится лишь смертною минутой!
И я бъ коварною передъ тобой была,
Когда бъ за страсть твою во храмъ тебѣ несла
И руку трепетну, и сердце чувствомъ хладно,
И въ домъ бы твой ввела прискорбье безотрадно.
Нѣтъ, государь, познавъ, что никогда душей
Я не могу любви отвѣтствовать твоей,
Укроюсь навсегда въ священную обитель.

ДИМИТРІЙ.

Что слышу!

ТВЕРСКІЙ.

Небеса! Иль слово твой родитель...

КСЕНІЯ.

Онъ слово данное исполнилъ предъ тобой.
Всю власть, природою врученну надо мной,
Онъ истощилъ уже твоей въ угодность волѣ:
И робку дочь его ты зришь во бранномъ полѣ.
Но власть отцовская, какъ оставляемъ свѣтъ,
У вратъ обители слабѣетъ и падетъ;
Обѣты на устахъ остановить безсильна;
И насъ тамъ вѣры сѣнь, какъ темна ночь могильна
Скрываетъ навсегда отъ всѣхъ мірскихъ властей.
Я бы могла предъ тѣмъ еще прибѣгнуть къ ней,
Какъ путь несчастливый въ станъ здѣшній предпріяла,
Но оправдать отца передъ тобой желала.
Не осуждай его, одну вини меня:
Одна я рушу бракъ... и съ завтрашняго дня
Ко гробу для живыхъ путь грустный предпріемлю.

(Къ Димитрію.)

А ты, свидѣтель здѣсь, какъ покидаю землю,
Какъ покидаю все, что сердцу льстить могло,
Чтобъ не краснѣлося родителя чело,
Повѣдай нынѣ всѣмъ, что я виной разрыва,
Что жизнь для Ксеніи была какъ тоща нива,
На коей гибнетъ злакъ, на коей сохнетъ цвѣтъ,
На коей для меня надежды болѣ нѣтъ!
Повѣдай, что сняла одежды я вѣнчальны

И премѣнила ихъ во врепища печальны,
Чшо въ гробовой союзъ преобрашила бракъ
И сана свѣшлый блескъ въ смиренный скрыла мракъ!
Повѣдай, чшо иду въ обишель не къ покою,
Но чшобъ свободнѣе бесѣдовашь съ шоскою,
Съ шоскою... коей здѣсь обременяю васъ...
Иду, чшобы сокрышь мой плачь ошъ вашихъ глазъ.

(Ксенія и Избрана уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДИМИТРІЙ, ТВЕРСКІЙ и БРЕНСКОЙ.

ДИМИТРІЙ *тихо къ Бренскому.*

Рѣчь каждая ея мнѣ сердце раздираешъ.

БРЕНСКОЙ *тихо къ Димитрію.*

Скрывай свою печаль: соперникъ примѣчаешъ.

ТВЕРСКІЙ.

Какъ громомъ пораженъ... Рѣши, Димишрій, мнѣ:
Чшо видѣлъ, слышалъ я, шо выявѣ ль, иль во снѣ?
Ты, взоровъ, словъ княжны свидѣшель безприсшрасшенъ,
Скажи, увѣрь меня, я шочно ли несчасшенъ?
Я шочно ль не любимъ, и въ гoресшный сей день
Надежда вся моя исчезла ли, какъ шѣнь?
Меня ли Ксенія, о небо, осшавляешъ?

ДИМИТРІЙ.

Тебя ли одного? Свѣшъ цѣлый покидаешъ.
Ея ошцу, шебѣ, землѣ Россійской всей
Осшалося жалѣшь и слезы лишь о ней.

ТВЕРСКІЙ.

Лишь слезы и сносишь ея премѣны нрава!
Отъ даннаго отцомъ мнѣ отступиться права!
Терпѣть ея отказъ и вмѣстѣ съ нимъ мой стыдъ,
Который на себя всѣхъ взоры обратитъ!
Нѣтъ, нѣтъ: и Ксенія напрасно оныиъ льстится;
Нашъ бракъ назначенъ здѣсь, онъ здѣсь и совершится.

ДИМИТРІЙ.

Что предпріемлешь ты?

ТВЕРСКІЙ.

Что раздраженна честь
И оскорбленна страсть велятъ мнѣ произвесть.
Моею плѣнницей здѣсь Ксенію оставлю;
И завтра, съ бою шедъ, здѣсь брачный храмъ поставлю;
И завтра, въ торжествѣ передъ лицемъ небесъ,
И не смотря на грусть и токи горькихъ слезъ,
Любимъ иль не любимъ, и волей или силой,
Съ моей судьбой свяжу я вѣкъ ея унылой.

ДИМИТРІЙ.

Не помышляешь, князь, въ намѣреньи своемъ,
Что ты препятствія найдешь во станѣ семъ;
Что здѣсь для Ксеніи защитники явятся,
Которы ярости твоей не устрашатся.

ТВЕРСКІЙ.

Кто будутъ дерзкіе? И кто...

ДИМИТРІЙ.

Я.

ТВЕРСКІЙ.

Ты?

ДИМИТРІЙ.

Я самъ.
Не потерплю, чтобъ велъ ее кто силой въ храмъ;
И, помня честь и долгъ, ея приличны роду,
Димитрій защитить готовъ ея свободу.

ТВЕРСКІЙ.

Но кѣмъ она была тебѣ поручена?
Сужденна мнѣ отцомъ¹ и мнѣ обручена...
Одинъ располагать могу ея судьбою
И не обязанъ въ томъ отчетомъ предъ тобою.
Тебя главой призналъ Россійскій сонмъ князей;
Но, въ брани вождь, ты мнѣ не можешь быть судьей.
Съ какихъ же хочешь правъ?...

ДИМИТРІЙ.

Съ какихъ я правъ?... Довольно
И ясно я сказалъ, что ты княжну невольно
Во храмъ не поведешь... Прими сей мой совѣтъ!
Прости!

(Хочетъ итти.)

ТВЕРСКІЙ, *останавливая Димитрія.*

Постой и мнѣ свой обьясни отвѣтъ!
Дай болѣ мнѣ причинъ тебя возненавидѣть!
Скажи, соперника ль въ тебѣ я долженъ видѣть?

ДИМИТРІЙ.

Коль тайну ты проникъ; не скрою, что люблю:
Суди чрезъ то, какъ я отъ словъ твоихъ терплю!

ТВЕРСКІЙ.

Угодна ль Ксеніи любовь толь чрезвычайна?

ДИМИТРІЙ.

Угодна или нѣтъ, ея то лична тайна.

ТВЕРСКІЙ.

Такъ тайну мысль мою, Димитрій, ты познай!
На полѣ боевомъ насъ завтра ждетъ Мамай:
Судьба твоей главы должна въ бою рѣшиться;
Но силою моей коль хочешь подкрѣпиться,
Склони ты Ксенію на бракъ ея со мной;
Чтобъ мнѣ вручилася соперника рукой!
Увѣренъ, что надъ ней власть полную имѣешь
И убѣдить ее конечно ты успѣешь:
Не то, въ сію же ночь, съ полками отступлю.

ДИМИТРІЙ.

Я помощи твоей безчестьемъ не куплю.
Одну ль мою несу я завтра въ бой судьбину?
Несу отечества колеблему годину.
Коль слабъ душой; иди, умножь число князей,
О коихъ вся молва, что жизнію своей
Безъ пользы обществу тягчили только землю;
Иди: удерживать тебя не предпріемлю.
Довольно сильныхъ рукъ и храбрыхъ здѣсь сердецъ,
Готовыхъ раздѣлить побѣдный мой вѣнецъ.

ТВЕРСКІЙ.

И такъ покину станъ, коль ты того желаешь.
Но самовластвовать ты рано начинаешь.
Пойду и всѣмъ князьямъ нашъ обьявлю раздоръ:
Брегися, мой примѣръ откроетъ имъ можетъ взоръ.

(Тверскій уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДИМИТРІЙ и БРЕНСКОЙ.

БРЕНСКОЙ.

Чего страшился я, что нынѣ совершилось:
На край погибели отечество склонилось.
Что сдѣлалъ, государь?

ДИМИТРІЙ.

Скажи ты лучше мнѣ,
Чего не сдѣлалъ я? Тверскій грозилъ княжнѣ:
И я, противъ угрозъ любовникъ хладнокровенъ,
Остался бъ терпѣливъ, остался бы безмолвенъ,
И здѣсь, въ глазахъ моихъ, позволилъ бы ему
Предаться наглости и гнѣву своему?
Ахъ, нѣтъ! Не отъ него ль, въ свои цвѣтущи годы,
Несчастна Ксенія лишается свободы,
Въ обитель кроется и покидаетъ свѣтъ?
Но, Бренской, ей нельзя позволить сей обѣтъ:
Ее погубитъ онъ, меня погубитъ съ нею,
И сердцемъ жизнь ея сопряжена съ моею.
Мнѣ должно Ксенію отъ мысли сей отвлечь.
Пойдемъ... Ее склонить, любовь, внуши мнѣ рѣчь!

БРЕНСКОЙ.

Не внемлетъ болѣ мнѣ, своей предавшись страсти.
О небо, отврати грозящи намъ напасти!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ шатеръ перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТВЕРСКІЙ, БѢЛОЗЕРСКІЙ и прочіе князья.

ТВЕРСКІЙ.

О Бѣлозерскій князь, о храбрые друзья!
Въ угодность только вамъ сюда вступаю я,
Въ шатеръ Димитрія, кого я ненавижу,
Кого въ послѣдній разъ здѣсь, можетъ быть, увижу.
Довольно гордый духъ извѣстенъ мнѣ его,
Чтобъ примиренья съ нимъ могъ ждать я моего.
Не покоритъ себя онъ вашему совѣту.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Предъ всѣмъ отечествомъ подвергнется отвѣту,
Когда, любовь свою вмѣняя намъ въ законъ,
Еще упорствовать въ неправдѣ будетъ онъ,
Коль Ксеніи судьбу твоей не ввѣритъ волѣ.

ТВЕРСКІЙ.

Не должно бы о ней и помышлять мнѣ болѣ,
Коль, мнѣ сужденная родителемъ своимъ,
Могла, забывши долгъ, прельщенна быть другимъ,
Коль, сердцемъ невѣрна и мыслью малодушна,
Любовной слабости является послушна,
Когда за страсть мою наноситъ мнѣ позоръ.

Спокойно бъ долженъ былъ мой нынѣ видѣть взоръ
Остановленный бракъ и торжество вѣнчально,
Ея къ обители отшествіе печально,
Къ обители, гдѣ грусть, снѣдающа ее,
Ей поношеніе отмщала бы мое,
Гдѣ бъ о любезномъ мысль ей всякій день отмщала,
Гдѣ бъ красота ея день всякій увядала,
Гдѣ бъ блескъ ея очей съ тоски погасъ, исчезъ,
И на чертахъ слѣды бъ отлилились горькихъ слезъ.
Но для соперника того къ страданью мало:
Чтобъ въ грусти ничего ему не доставало,
Чтобъ въ полной мѣрѣ духъ исполнить въ немъ тоской,
Хочу, чтобъ видѣлъ онъ союзъ здѣсь брачный мой,
И пылкой въ немъ души чтобъ помыслы ревнивы
Являли дни мои, любовію счастливы;
Мои веселія въ умѣ бъ своемъ считалъ,
Воображалъ бы ихъ и ими бы страдалъ.
Познайте изъ сего, что не любовь, но мщенье
Въ семъ бракѣ для меня предвидитъ восхищенье.
Хоть въ ономъ не найду я нѣжностей отрадъ,
Но въ грудь Димитрія пролью мученья ядъ.
А вы, въ моемъ лицѣ всѣ нынѣ оскорбленны,
Вы будете, какъ я, достойно отомщенны,
И самовластію пресѣкнете первый шагъ...

СМОЛЕНСКІЙ.

Конечно самъ Мамай, жестокій Россовъ врагъ,
Толико для князей не можетъ быть ужасенъ,
Какъ тотъ изъ-между насъ намъ долженъ быть опасенъ,
Кто властолюбіемъ свой духъ возмогъ прельстить

И насъ подъ свой яремъ желаетъ покоритъ.
Ордынецъ въ алчности, горя любостяжаньемъ,
На злато Россіянъ свой взоръ стремитъ съ вниманьемъ;
Но самовластному не злато лишь предметъ:
На всѣ дѣянія цѣпь тяжкую кладетъ;
Путями скрытными находитъ онъ искусство
Поработить и мысль, поработить и чувство,
И мы бъ увидѣли въ однѣхъ его рукахъ
И собственность, и жизнь, и милость намъ, и страхъ.
Ахъ, нѣтъ: не для того сражаться мы готовы,
Чтобъ намъ перемѣнить несомыя оковы,
Чтобы владычества перемѣнить кумиръ!
И лучше отъ Татаръ принять хочу я миръ,
Чѣмъ родомъ равнаго себѣ владыкой видѣть.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Какъ ты, Смоленскій князь, я бъ долженъ ненавидѣть
Верховну надъ собой, самодержавну власть,
Подъ кою, о князья, страшитесь вы подпасть;
Но къ избавленію страны отцовъ отъ бѣдства
Безъ власти сей для насъ надежнаго нѣтъ средства.
Славянски племена, столь сильныя числомъ,
Столь храбрыя душой, зрятъ нынѣ надъ челомъ,
Поникшемъ въ горести, яремъ иноплеменный,
Гнетящій ихъ главы, несчастно раздѣленны.
Но вспомните, друзья, Россійску прежню мощь,
Какъ съ внукомъ Рурика подвинулась полнощь
На земли южныя, на полуденны воды,
Гдѣ предковъ мужеству поддалися народы!
Тогда одинъ былъ вождь странѣ Россійской всей,

Теперь князей числомъ считаемъ мы вождей;
Тогда въ владычествѣ мы дани налагали,
Теперь мы платимъ дань и въ цѣпи рабства впали;
Тогда Россіянинъ, достойно гордъ и смѣлъ,
Отважности своей зналъ ли въ чемъ предѣлъ?
Теперь ни засѣки, лѣса непроходимы,
Ни степи дикія, вокругъ неизмѣримы,
Гдѣ водныя струи не повстрѣчаетъ глазъ,
Отъ наглости враговъ не защищаютъ насъ.
Съ блестящимъ вѣкомъ тѣмъ сравнивъ нашъ вѣкъ печальной,
Не должно ль власти намъ желать одноначальной?

ТВЕРСКІЙ.

Иль рѣчью таковой ты хочешь намъ внушить,
Что предъ Димитріемъ мы должны преклонить
Главы послушныя присвоенной имъ власти
И чтить въ молчаніи его порывны страсти?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Ахъ, нѣтъ: тѣмъ менѣ онъ быть можетъ извиненъ,
Что, съ свойствами души геройскими рожденъ,
Насъ могъ бы уловить подъ сѣнь своей державы,
Спасти отечество, возвесть на степень славы;
И онъ, неправдою намъ власть знаменовавъ,
Явилъ, что уважать не хочетъ нашихъ правъ!
Когда жъ вину свою усилитъ онъ упорствомъ,
То первый я готовъ послать съ моимъ покорствомъ
Къ Мамаю гордому платиму прежде дань.

ТВЕРСКІЙ.

А мнѣ, хоть честь велитъ прервать съ Мамаемъ брань,
Въ сраженье не входить и выступить изъ стана;

Но честь сильнѣйшая не позволяетъ хана
О мирѣ мнѣ просить, владычество признать
И данникомъ его съ позоромъ отступать.
Московскій князь мнѣ врагъ; обиженъ имъ несносно,
Сражаться за него мнѣ было бы поносно.
Татаринъ Россамъ врагъ, и мира никогда
Мнѣ отъ него принять не можно безъ стыда,
Не измѣнивъ отцамъ несчастно убіеннымъ,
Которыхъ прахъ въ гробу лежитъ не отомщеннымъ.
И тѣмъ виновнѣе Димитрій предо мной,
Что случая меня лишитъ моей рукой,
Рукою яростной Ордынцевъ здѣсь постигнуть
И мести памятникъ изъ ихъ могилъ воздвигнуть.

СМОЛЕНСКІЙ.

Прервемъ мы нашу рѣчь; идетъ Димитрій къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, ДИМИТРІЙ и БРЕНСКОЙ.

ДИМИТРІЙ, *не видя Тверскаго.*

Сподвижники мои, я возвѣщаю вамъ,
Что, въ нощи скрывъ свой ходъ и насъ предупреждая,
Къ намъ вражески полки приближились Мамая.
Неизмѣриму степь палящи ихъ огни
Являютъ, сколь числомъ несчетны суть они.
Но сердце робкое число враговъ считаетъ,
А храбрый никогда о томъ не вопрошаетъ;
И брата моего къ засадѣ я послалъ,
Чтобъ онъ Мамаевы движенья наблюдалъ.

Тѣмъ болѣ подлежатъ намъ мѣры осторожны,
Что части нашихъ силъ лишиться нынѣ должны:
Тверскій...

ТВЕРСКІЙ.

Онъ здѣсь еще. Не повторяй того,
Что знаютъ ужъ они отъ гнѣва моего!

ДИМИТРІЙ.

Коль знаютъ, такъ почто жъ отечества любезна
Межъ истинныхъ сыновъ зрю сына безполезна?

ТВЕРСКІЙ.

Ты болѣе дивись, что сонмъ князей, познавъ
Твой самовластный духъ и твой надменный нравъ,
Не отступилъ еще; что здѣсь одинъ средь стана
Не остаешься ты на жертву мести хана.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Такъ, не отступимъ мы, когда Димитрій вновь
Докажетъ намъ свою къ отечеству любовь;
Когда явитъ въ сей день намъ опытъ несомнѣнной,
Что всѣмъ онъ жертвуетъ для сей любви священной.

ДИМИТРІЙ.

О Бѣлозерскій князь, что значитъ рѣчь сія?

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Что нынѣ чрезъ меня всѣ требуютъ князья,
Чтобъ распрю ты съ Тверскимъ, возженную киченьемъ,
Окончилъ искреннимъ и скорымъ примиреньемъ,
И бракъ его съ княжной былъ оному бъ залогъ.

ДИМИТРІЙ.

Кто? Я чтобы сей бракъ ему позволить могъ?
Чтобъ взоръ иль мысль моя ко храму провожали

Плачевну Ксенію, влекомую въ печали,
Гдѣ горестной княжны соперникъ будетъ мой
Всѣ слезы примѣчать, пролитыя тоской,
Чтобы за каждый стонъ, за каждое вздыханье,
Ея въ супружествѣ усугубить страданье?
Нѣтъ, примиренія, предложеннаго съ нимъ,
Нельзя мнѣ утвердить несчастнымъ бракомъ симъ,
Котораго отъ васъ онъ требуетъ для мести,
Который допустить не должно вамъ изъ чести.
Такъ, вѣрьте, что хотя бъ я Ксеніи не зналъ,
Въ ней счастья моего хотя бъ не полагалъ;
То честь, для храбрыхъ душъ источникъ чувствъ обильный,
Внушила бъ мнѣ союзъ остановить насильный
И, къ избавленію отъ горестей и мукъ,
Исхитить Ксенію изъ ненавистныхъ рукъ.
Для сильныхъ на землѣ долгъ первый, знаменитой
Невинныхъ охранять и слабыхъ быть защитой.

СМОЛЕНСКІЙ.

Но какъ намъ Ксенію невинною признать,
Коль чувствъ своихъ отцу не хочетъ покорять
И отвергаетъ бракъ, его противясь волѣ?

ДИМИТРІЙ.

Ея родителя вы въ томъ вините болѣ,
Который противъ чувствъ сей бракъ назначить могъ.

СМОЛЕНСКІЙ.

Коль онъ несправедливъ, ему судья въ томъ Богъ;
Но дѣтямъ на отцовъ межъ нами нѣтъ расправы;
Не намъ его винить.

ДИМИТРІЙ.

Обидными чшу правы,
Которы дѣлающъ тирановъ изъ ощцовъ
И вводяшъ ихъ дѣшей въ ропшаніе рабовъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Тѣ правы, государь, сушь первыя въ природѣ,
Священны тамъ еще, гдѣ нравсшвенносшь въ народѣ.
Чшобы о нихъ судишь, шы прежде будь ошцомъ,
И свяшосшь оныхъ правъ познаешь шы потомъ
Не разсужденіемъ, холодныхъ душь искусшвомъ,
Но вѣрнымъ, исшиннымъ, горячимъ сердца чувсшвомъ,
Безъ коего нельзя измѣришь силу словъ
Ошца, приведшаго во цвѣшѣ шесшь сыновъ,
Въ кошорыхъ Богъ судилъ родишельскому взору
Зрѣшь сшаросши моей ошраду и опору,
И въ коихъ нынѣ я къ сраженіюТашаръ
Сокровище ошца несу гражданамъ въ даръ.
И шы ль ошечесшву, о князь неправосудной,
Ошкажешь жершвовашь любовью безразсудной?

ДИМИТРІЙ.

Не ясно ли, князья, я вамъ ужъ обьявилъ,
Чшо если бъ Ксенію и сшрасшно не любилъ;
То чесши мнѣ одной довольно бъ было нынѣ,
Чшобы прошивосшашь грозящей ей судьбинѣ,
Чшобъ бышь защишникомъ несчасшныя княжны?
Какая нужда въ шомъ для Рускія сшраны:
Получишъ ли Тверскій сію княжну въ супруги,
Иль сердце склонное найдешъ иной подруги,
Иль, безполезно живъ, безбрачный кончишъ вѣкъ?

Вниманья общесшва досшоинъ человѣкъ,
Когда заслугами былъ оному полезенъ;
Того и самый родъ отечесшву любезенъ.
Но чѣмъ любовь гражданъ соперникъ заслужилъ?
Иль шѣмъ, чшо нынѣ, насъ своихъ лишая силъ,
И вамъ, ошечесшву и долгу измѣняя,
Бѣжитъ, какъ робкій вождь, отъ яросши Мамая?

СМОЛЕНСКІЙ.

Такъ пусшь Димишрій всѣхъ насъ робосшью винишъ;
Всѣ ошсшупаемъ мы... Но не Мамай сшрашишъ:
Хошя бъ Ташарскихъ ордъ съ собой привелъ онъ болѣ,
Хошя бы вишязьми покрылъ широко поле,
Безшрепешно сразясь, и въ ихъ упавъ рядахъ,
Пошомсшва бы хвалу привлекъ нашъ славный прахъ;
Но премѣняшь почшо печальну нашу долю,
Когда гошовишь шы намъ пущую неволю?

ДИМИТРІЙ.

Неволю, вамъ! Не я ль извлекъ свободы мечь,
Чшобъ вѣковую цѣпь неволи вамъ пресѣчь?

СМОЛЕНСКІЙ.

И самовласшнымъ бышь... Чшо пользы или нужды,
Чшо шы съ ошечесшва сорвешь оковы чужды
И цѣпи новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ примѣръ,
Чшо власши шы своей не полагаешь мѣръ.

ДИМИТРІЙ.

Причина личная сему межъ насъ раздору,
И вашему она не подлежишъ разбору;
Не приглашаю намъ судьею никого.

СМОЛЕНСКІЙ.

Но мы оскорблены тобой въ лицѣ его:
Намъ всѣмъ грозишь, къ нему явясь неправосуденъ.
Властолюбивому шагъ первый только труденъ;
Но безпрепятственно коль шагъ ступилъ одинъ,
Стремится къ цѣли онъ, и скоро властелинъ.
Иль примирись съ Тверскимъ, иль нынѣ же съ Мамаемъ
Мы заключаемъ миръ и съ поля отступаемъ.

ДИМИТРІЙ.

Вы властны отступить; но я неколебимъ:
Чѣмъ болѣ мнѣ угрозъ, тѣмъ менѣ примиримъ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Когда нашъ общій гласъ безсиленъ надъ тобою,
То сжалься, государь, хоть надъ своей судьбою!
Намъ къ миру путь открытъ... Пославъ къ Мамаю дань,
Умолимъ гнѣвъ его, отклонимъ грозну брань,
И въ домы отчески мы съ миромъ возвратимся.
Но что предпримешь ты, коль нынѣ удалимся?
Ордынцамъ можешь ли одинъ противостать,
Иль мира для себя отъ хана ожидать?
Мамай душей свирѣпъ, къ тебѣ неумолимый,
Не возвѣстилъ ли намъ, что врагъ непримиримый
Димитрію онъ сталъ, что гнѣвъ окончитъ свой
Надъ павшею твоей кичливою главой?
Въ сраженьи смерть найдешь и въ бѣгствѣ гибель равну...

ДИМИТРІЙ.

Въ сраженьи смерть найду, но смерть завидну, славну
И предпочтительну той жизни, кою стыдъ
Побѣга вашего по гробъ обременитъ.

Идите: васъ отъ клятвъ я нынѣ разрѣшаю;
Сложите вѣрность мнѣ, покорствуйте Мамаю,
Влачите на себѣ неволю и позоръ!
Но, вѣрные рабы, свершите приговоръ
Сего властителя надъ мною изреченной:
Купите миръ главой, имъ къ смерти осужденной!
Сей даръ ему отъ васъ достойно удружитъ.
Тверскій, твоей рукѣ сей даръ принадлежитъ:
Сорви мою главу, коль смѣлости довольно,
И, сердце ты свое увеселивъ крамольно,
Спѣши къ Мамаю съ ней и данью похвались!
Иль лучше съ оною предъ Ксенію явись!
Заставь ее надъ сей главой окровавленной
Произнести обѣтъ любови принужденной!
Но знай, и здѣсь тебѣ предъ всѣми я клянусь,
Что искры жизненной доколѣ не лишусь,
Доколь главу ношу, ты Ксенію дотолѣ
Не поведешь, Тверскій, ко храму по неволѣ.

ТВЕРСКІЙ.

Димитрій, долго здѣсь терпѣніе храня,
Слова твои сносилъ обидны для меня;
Съ намѣреньемъ молчалъ и время далъ свободно
Въ рѣчахъ твоихъ излить тебѣ киченье сродно:
Всю мѣру ты моей надежды совершилъ
И сердца гордостью судьбу свою рѣшилъ.
Доволенъ, не хочу здѣсь оставаться долѣ;
Терпѣнье, можетъ быть, въ моей не будетъ волѣ:
Иду отсель. Но вѣрь, что безъ руки моей,
Паденье скорое найдешъ главѣ своей.

Мечемъ Татаръ моя изгладится обида;
И блѣдная глава, безмолвна и безъ вида,
Вонзенна на копье, къ смиренію сердецъ,
Покажетъ гордости погибель и конецъ.

(Уходитъ.)

СМОЛЕНСКІЙ.

Почто жъ и намъ, друзья, здѣсь долѣ оставаться?
Склонить Димитрія не тщетно ли стараться?
Его гордынею отвергнутъ нашъ совѣтъ;
Стремится въ пропасть онъ: пусть въ оную падетъ!
Отъ участи его мы отдѣлимся нынѣ
И покоримъ главы Мамаю и судьбинѣ!

(Уходитъ, за нимъ всѣ князья слѣдуютъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ДИМИТРІЙ, БѢЛОЗЕРСКІЙ и БРЕНСКОЙ.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

И такъ свободы лучь, сей даръ благій небесъ,
Намъ временно блеснулъ и молніей исчезъ!
И храбры воины, съ надеждою пріятной
За Донъ стремившися, предпримутъ путь возвратной,
Съ печалію въ душѣ, съ позоромъ на челахъ,
И въ домы принесутъ смущеніе, и страхъ,
И цѣпи тяжкія сугубыя неволи!
Такой ли, государь, ждала Россія доли,
Подъ знамена твои собравъ своихъ сыновъ
На пораженіе давнишнихъ ей враговъ,
Къ завоеванію и чести и свободы,

По коихъ, рабствуя, вздыхаетъ многи годы,
И кои были ей терпѣнія предметъ?
Но въ день, но въ часъ одинъ, надежду столькихъ лѣтъ,
Опровергаешь ты неистовымъ упорствомъ,
Ты, первый вождь ея, ты, коего геройствомъ
Одушевилися князья, народъ, весь край,
Кого во брани самъ воспрепеталъ Мамай,
Покрывъ тотъ трепетъ свой гордынею суровой.

ДИМИТРІЙ.

Коль, смерть въ бою принявъ, возмогъ бы жизнью новой
Россіи жертвовать, пожертвовалъ бы вновь,
И въ даръ отечеству пролить въ сраженьи кровь
Не только долгомъ чту, за первую чту славу.
Но Ксенію предать насильственному праву
И безпокровной здѣсь въ защитѣ отказать,
Не для отечества, Тверскому угождать,
И вамъ, колеблемымъ сомнѣньемъ неизвѣстнымъ:
Такою слабостью я бъ сдѣлался безчестнымъ.
А въ чести, князь, моей не властенъ я и самъ.
Примѣръ принадлежитъ потомству и вѣкамъ.
И только я могу Мамая встрѣтить въ полѣ
И мстивши умереть.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Димитрій можетъ болѣ:
И, волею своей полки соединивъ,
Россію свободитъ, Мамая побѣдивъ.
Съ Московскимъ воинствомъ противъ Татарской силы
Не мщеніе найдетъ, но вѣрныя могилы,
Могилы хладныя, гдѣ безполезну смерть

Изъ памяти должны текущи годы стерть.
Но мужъ, отечеству доставившій свободу,
Благотворителемъ останется народу,
Доколѣ стогны селъ, премѣнной вѣковой,
Не порастутъ вездѣ пустынною травой,
Или доколь сердцамъ, отъ плевелъ развращеннымъ,
Не будетъ на землѣ ничто уже священнымъ.
Помысли, государь! Князей еще на часъ
Удержитъ, можетъ быть, просительный мой гласъ.
Я къ нимъ теперь спѣшу, чтобъ убѣждать ихъ снова,
И буду отъ тебя согласнаго ждать слова.
Не дай, Димитрій, мнѣ на старости моей
Оплакивать конецъ твоихъ цвѣтущихъ дней
И съ мыслью въ гробъ сойти, что вновь, на долго время,
Татарскаго ярма на выѣ Росской бремя,
Что въ глубинѣ могилъ съ отцами будетъ прахъ
Дѣлить отечества и плачь, и стонъ, и страхъ,
Что придутъ сироты и горестны вдовицы
Смущать нашъ смертный сонъ и тишину гробницы.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДИМИТРІЙ и БРЕНСКОЙ.

ДИМИТРІЙ *садится въ томленіи и задумчивости.*

БРЕНСКОЙ.

Или ничто тебя не можетъ убѣдить?

ДИМИТРІЙ.

О Бренской, ты вотще мнѣ будешь говорить!
Нѣтъ, послѣ слышанныхъ въ сей день рѣчей угрозныхъ,
Я не могу принять ни чьихъ совѣтовъ поздныхъ.
Но, осуждая нравъ, иль страсть мою виня,
Оставить можешь ты въ погибели меня.
Иди, умножь число крамольныя дружины
И дай въ бою искать сужденной мнѣ кончины!

БРЕНСКОЙ.

Совѣтовъ, государь, не стану повторять.
Что дружба нѣжная тебѣ могла сказать,
Вражда и гнѣвъ князей язвительно сказали
И пропасть подъ тобой лежащу указали.
Но гдѣ совѣтами скучаютъ наконецъ,
Тамъ скромный другъ молчитъ, не такъ какъ подлый льстецъ,
Который свой кумиръ въ несчастьи оставляетъ,
Но такъ, какъ друга тѣнь, съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ.
Стремишься ты на смерть: и я стремлюсь съ тобой
И часть мою съ твоей не разлучу судьбой.

ДИМИТРІЙ, *вставая.*

Приди въ объятія, о сердца другъ надежный,
Во счастьи строгій мнѣ и въ злополучьи нѣжный!
Погибнемъ вмѣстѣ мы среди враговъ въ бою,
Но жизнь въ цѣнѣ драгой имъ отдадимъ свою!
Чтобы ихъ тѣлъ вкругъ насъ не могъ и взоръ изчислить;
Погибнемъ... Но почто намъ унывать и мыслить,
Что неизбѣжна смерть въ сраженьи предлежитъ?
Я съ воинствомъ еще: такъ пусть Мамай дрожитъ!

Мой брашъ Серпуховской осшался долгу вѣренъ,
Полковъ Московскихъ духъ чрезъ опышы измѣренъ,
Прошивъ Ташарскихъ ордъ не первый ихъ походъ;
Иду, чшобы собрашь бояръ и воеводъ
И возвѣсшишь князей посшыдно ошсшупленье.
А шы иди къ княжнѣ, и ревносши сшремленье,
Кошорымъ Ксенію я сшолько огорчилъ,
Прощенья коему еще не получилъ,
Ты оправдай предъ ней моимъ о шомъ сшраданьемъ,
Чшобы ушѣшила она меня свиданьемъ,
Въ кошоромъ съ сшрогосшью ошказываешъ мнѣ.
Скажи, о вѣрный другъ, изобрази княжнѣ,
Съ какимъ ошчаяньемъ паду мечемъ Мамая,
Подъ гнѣвомъ Ксеніи несчасшно умирая.
Но духъ коль ободришъ хошь взоромъ лишь однимъ,
Могу любишь я жизнь и бышь непобѣдимъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ сборное мѣсто среди лагеря и близъ шатра Димитрія. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ ночи передъ разсвѣтомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДИМИТРІЙ и ВОИНЪ.

ДИМИТРІЙ.

Допрошенъ ли ужъ былъ начальникъ полоненныхъ
Отъ войскъ сторожевыхъ отрядомъ приведенныхъ?
Извѣстна ль мысль его, и кто Ордынецъ сей?

ВОИНЪ.

Отъ рода знатнаго, онъ изъ числа князей,
Пришедшихъ на грабежъ подъ бунчуки Мамая;
Неосторожными найти насъ уповая,
Для поисковъ ночныхъ онъ предводилъ Татаръ:
Вотъ все, что знаю я. Но сонмъ твоихъ бояръ,
Предъ коимъ, можетъ быть, Ордынецъ сей признался,
Окончивъ думы часъ, въ шатрѣ твоемъ собрался.

ДИМИТРІЙ.

Введи бояръ сюда! *(Воинъ уходитъ.)* Здѣсь обѣщалъ я ждать
Возврата Бренскаго. Надежду ли терять?
Ночь клонится къ концу, и близокъ часъ разсвѣта,
Кровавый битвы часъ; и Бренской мнѣ отвѣта
Еще не могъ принесть; еще не знаю я
Мила ли Ксеніи печальна жизнь моя,

Иль, равнодушенъ ей и вовсе злополучной,
Въ сей день желать конца я долженъ жизни скучной,
И безъ надежды мнѣ стремиться должно въ бой,
Чтобы отчаянье скрыть ночью гробовой?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДИМИТРІЙ и МОСКОВСКІЕ БОЯРЕ.

ДИМИТРІЙ.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливой;
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль, мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью итти во срѣтенье Мамая?

БОЯРИНЪ.

Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости Татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

ДИМИТРІЙ.

Какую жъ тайну вамъ Ордынецъ сей открылъ?

БОЯРИНЪ.

Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, Руской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколѣ сей главы не сокрушитъ въ конецъ
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ ордѣ залогъ окровавленной.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами алькорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?
Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть.

ДИМИТРІЙ.

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похвалиться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ.
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ.
И вашъ Ордынцамъ мечь то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ тоже:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ пролыютъ кровавый путь.

БОЯРИНЪ.

Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство Россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставленны большею войска частью,
Не устрашаемся грозящей намъ напастью;
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя народъ,
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ, не такъ какъ ихъ рабы,
Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна,
Но такъ какъ дѣти ихъ, Ордынцевъ презря мечь,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь:
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

ДИМИТРІЙ.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ!
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!

Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитой.
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьи погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почтите!
Бояре мудрые, вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ наступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій трубный гласъ!

(Бояре уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ДИМИТРІЙ *одинъ.*

Когда надежды нѣтъ, отечество любезно,
Чтобъ было мужество мое тебѣ полезно,
Коль рабствовать еще тебѣ назначилъ рокъ;
Надъ бѣдствіемъ твоимъ пролью не слезный токъ,
Но съ жизнію моей послѣдню каплю крови.
А ты, о Ксенія, предметъ моей любови,
Безъ коей бытія сносить бы я не могъ,
Ты въ мысляхъ отъ меня послѣдній примешь вздохъ.
Когда бъ себя межъ васъ дѣлить имѣлъ искуство,
Всю жизнь отечеству и Ксеніи все чувство
Я съ восхищеніемъ навѣки бъ посвятилъ;
Ахъ, что я говорю: я бъ ихъ не раздѣлилъ;
Но вмѣстѣ вы въ душѣ моей соединенны,
Вы вмѣстѣ милы мнѣ, вы вмѣстѣ мнѣ священны,
И въ роковой сей день покинуть я отъ васъ!

Но шумъ... Зрю Ксенію; благополучный часъ!
Мамай, восшрепещи: я съ жизнью примиряюсь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДИМИТРІЙ, КСЕНІЯ, БРЕНСКОЙ и ИЗБРАНА.

КСЕНІЯ.

Къ шебѣ, о государь, въ ошчаяньи являюсь.
Скажи, правдива ль вѣсть, правдивъ ли общій слухъ,
Которымъ сокрушенъ мой слабый нынѣ духъ?
То правда ль, что отъ всѣхъ Димитрій оставляемъ,
Что клонятъ всѣ князья главы передъ Мамаемъ,
Что въ бой, на вѣрну смерть стремишься ты одинъ,
Что гордый сей Мамай, свирѣпый властелинъ,
Надъ Руской храбростью раздоромъ торжествуетъ,
И въ грусти Ксенія всѣ бѣдства испытуетъ?

ДИМИТРІЙ.

Увы, къ стыду князей, та справедлива вѣсть!
Строптивость ихъ сердецъ, забывъ и долгъ и честь,
Предъ ханомъ рабствуетъ и предо мной кичится.
Но торжествомъ еще Мамай не долженъ льститься,
Доколь среди Татаръ не упаду я мертвъ.
И крови лишь цѣной, и тысящами жертвъ,
И смертью витязей, и страхомъ смерти близкой
Онъ купитъ торжество надъ храбростью Россійской.
Но если Ксеніи иль слово, или взглядъ
Отчаянну любовь надеждой оживятъ;
Коль обѣщаешь мнѣ, отвергнувъ мысль жестоку,
Не сокрывать себя въ обитель ту глубоку,

Гдѣ тяжкій твой обѣтъ насъ долженъ разлучить,
Гдѣ долженъ онъ съ тобой навѣки заключить
Всселіе души и дней моихъ отраду;
Коль обѣщаешь ты за подвигъ мнѣ въ награду
Даръ сердца твоего, любви нѣжнѣйшій даръ:
То храбрости моей придашь ты новый жаръ,
Рукѣ моей придашь чудесной силы свойство.
Не смерть тогда найду: нѣтъ, всѣхъ Татаръ геройство
Передъ мечемъ моимъ препкнется и падетъ,
И яростный Мамай въ побѣгѣ унесетъ
Въ безлюдныя страны и въ дальныя пустыни
Разбитія позоръ и казнь своей гордыни.

КСЕНІЯ.

Нѣтъ, съ участью моей не пріобщай къ себѣ
Всѣхъ злополучій тѣхъ, которыми судьбѣ
Усѣять на землѣ мой путь угодно было.
Ахъ, небо грусть и плачь мнѣ щедро удѣлило,
И по слѣдамъ моимъ вездѣ текутъ бѣды!
Едва, едва прибыть успѣла я сюды:
И надъ Россіей рокъ опять ожесточился;
Геройскій жаръ погасъ, раздоръ воспламенился;
Вновь къ узамъ руки всѣ князья спѣшатъ простерть,
И облегли тебя измѣна вкругъ и смерть.

ДИМИТРІЙ.

Пускай князья свою измѣну совершаютъ:
Сердца дворянъ, бояръ усердны пребываютъ.
Тотъ безопасенъ князь средь ревностныхъ гражданъ,
Гдѣ сонмъ бояръ премудръ, гдѣ вѣренъ сонмъ дворянъ.
Не будемъ обвинять судьбы опредѣленье!

Бышь можешъ, что она Россіи свобожденье
Предоставляешъ мнѣ со славой произвесть
И мнѣ единому предоставляешъ честь
И хана поразить, и витязей коварныхъ,
И снять оковы съ рукъ князей неблагодарныхъ.
Честь оная прейдетъ въ позднѣйши времена:
И Россовъ въ торжествѣ свободны племена
Воспоминаніемъ почтутъ меня надгробнымъ.

КСЕНІЯ.

Безстрашіемъ твоимъ, отчаянью подобнымъ,
Я нынѣ болѣе должна еще страдать.
Ты хочешь въ бой итти? Что можетъ слаба рать,
Противъ Татарскихъ силъ толико ненадежна?
Въ сраженьи ждетъ тебя погибель неизбѣжна.
Но что я говорю? Несчастная, увы!
Въ побѣгѣ равная ждетъ смерть твоей главы,
И ею алчутъ днесь свирѣпые Татары.
О гнѣвная судьба, ты собрала удары,
Чтобъ ими поразить чувствительный мой духъ!
Лишившись матери, мнѣ оставался другъ,
Для коего сносить я жизнь еще хотѣла:
Но ты разстаться съ нимъ мнѣ грозно повелѣла.
Я шла къ обители и покидала міръ,
Чтобъ втайнѣ сердца скрыть любви моей кумиръ,
Чтобъ съ мыслію о немъ въ убѣжищѣ скитаться,
Тамъ именемъ его и славой утѣшаться
И тамъ съ восторгами моленіямъ внимать,
Въ которыхъ будетъ клиръ его благословлять:
Но ты и сихъ отрадъ меня лишить желаешь;

Послѣдню связь мою съ землею разрываешь
И смертію его грозишь мнѣ сиротствомъ.
Нѣтъ, государь, тебѣ съ толь малымъ войскъ числомъ
Нельзя стремиться въ бой. Князей сюда сзываю;
И можетъ быть...

ДИМИТРІЙ.

Чего ты ждешь отъ нихъ?

КСЕНІЯ.

Не знаю;
Но, чтобъ спасти тебя, чтобъ гибель отвратить,
Я всѣ старанія должна употребить.
Коль полу нашему природные законы
Не дали силъ другихъ, какъ только плачь и стоны;
Я ихъ употреблю. Раздора я виной:
Пускай князья свой гнѣвъ свершаютъ надо мной;
Пускай меня разятъ, лишь бы тебя спасали!
Мнѣ благомъ будетъ смерть; она конецъ печали.

ДИМИТРІЙ.

И буду я терпѣть, чтобъ ими ты была
Оскорблена при мнѣ?

КСЕНІЯ.

Коль я тебѣ мила,
Коль ты любовію горишь нелицемѣрной;
Терпѣніемъ своимъ яви залогъ мнѣ вѣрной!
Въ бѣдахъ отечества что значитъ жизнь моя?
Ихъ сонмъ сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, ТВЕРСКІЙ, БѢЛОЗЕРСКІЙ, СМОЛЕНСКІЙ и ПРОЧІЕ КНЯЗЬЯ.

КСЕНІЯ.

О мудрые князья!
Возникшей распри здѣсь причиной бывъ несчастной,
Вашъ призываю судъ: пусть будетъ безпристрастной!
И ты, Тверскій, и ты, столь раздраженный мной,
Плачевной Ксеніи будь грознымъ судіей!
Обѣщанна тебѣ, твою отвергла руку,
И тайную печаль, и тайну сердца муку
Въ обители сокрыть отъ всѣхъ хотѣла глазъ.
Но ты проникъ, чему мой приписать отказъ;
Проникъ, что страсть въ душѣ къ другому я имѣю:
Я подтвердить о томъ тебѣ предъ всѣми смѣю.

(Указывая на Димитрія.)

Вотъ тотъ, кого любовь мнѣ другомъ избрала!

ТВЕРСКІЙ.

На поруганье ль ты меня сюда звала,
Готовивъ торжество сопернику надъ мною?

КСЕНІЯ.

Ахъ, нѣтъ: винить себя хочу передъ тобою!
Негодованію чтобы не знавши мѣръ,
Ты казнь мою свершилъ для слабыхъ душъ въ примѣръ;
Чтобы онѣ моимъ проступкомъ изумились,
Содроглись казни сей и такъ любить страшились!
Не оправдаюсь тѣмъ, что, слова не дававъ,
Твоихъ я надъ собой не признавала правъ,

И бышь рукѣ моей еще свободной мнила
Искашь супруга мнѣ по сердцу болѣ мила;
Не извинюсь и шѣмъ, чшо нѣжная мнѣ машь
Позволила любовь къ Димишрію пишашь:
Конечно шѣнь ея сшрадаешъ вкругъ безмолвно
За сердце дочери передъ шобой виновно.

ТВЕРСКІЙ.

Виновно, и ничшо не можешь оправдашь.
Родишель могъ одинъ шобой располагашь,
И съ обрученіемъ имъ право шо священно
Мнѣ было надъ шобой по смершь швою врученно.
Ты не должна съ шого шоржесшвеннаго дня
И мысли бы имѣшь сокрышой ошъ меня.

КСЕНІЯ.

Такъ правомъ пользуйся, чшо далъ шебѣ родишель,
И въ наказаніе назначь мою обишель,
Обишель сшрогую, среди пусшынныхъ мѣсшъ,
Гдѣ бы въ шрудахъ несла я шяжкій жизни кресшъ!
Назначь хошь въ шой сшранѣ, гдѣ часшь большую года
Безъ солнечныхъ лучей печалишся природа;
Гдѣ бурь порывисшыхъ мнѣ будешъ грозный ревъ
На памяшь приводишь швой справедливый гнѣвъ!
Но гнѣвъ довольсшвуй сей шы казнію моею!
И васъ, князья, о шомъ молишь я нынѣ смѣю!
Для имени супругъ, сесшеръ и дочерей,
Всего, чшо мило вамъ бышь можешъ въ жизни сей,
Моею казнію прервише огнь раздора;
Соединишесь вновь къ изглаженью позора
И рабсшва блѣдносши съ Россійскаго чела!

Клянешъ преступницы и самый день рожденья.

(Хочетъ итти.)

ДИМИТРІЙ.

Что смѣешь ты вѣщать?

КСЕНІЯ, *останавливая Тверскаго.*

Жестокій князь, постой!

Отъ страшныхъ сихъ угрозъ весь духъ содрогся мой.
Кто, я, отечествомъ въ несчастьяхъ обвиненна,
Я буду клятвою отца обремененна,
Сей клятвой тяжкою, которую и смерть
Съ главы уже моей не въ силахъ будетъ стерть,
Отъ коей самый прахъ въ могилѣ не избѣгнетъ,
И съ коей тѣнь мою тѣнь матери отвергнетъ?
О мысль ужасная! Избавь отъ клятвы сей!
И можешь коль еще желать руки моей,
Котору не любовь, но тренетъ предлагаетъ;
Прими, и пусть меня отецъ не проклинаетъ!

ДИМИТРІЙ.

Несчастна Ксенія, что дѣлаешь?

КСЕНІЯ.

Мой долгъ,

Природы стонъ велитъ, чтобъ гласъ любви умолкъ.

(Димитрій въ отчаяніи склоняетъ голову на перси Бренскаго.)

ТВЕРСКІЙ.

Души твоей, княжна, побѣдѣ удивляясь,
Довольствуюсь рукой, на время полагаясь,
Что и любви твоей достойнымъ буду я.

(Къ князьямъ.)

О битвѣ помышлять намъ слѣдуетъ, друзья!
Нашъ храбрый духъ предъ симъ обидою былъ связанъ;
Она отомщена: Димитрій самъ наказанъ;

(При семъ стихѣ Димитрій отъ унынія переходитъ къ ярости.)

И Ксенію во храмъ...

ДИМИТРІЙ.

Во храмъ не поведешь;
Искать сраженія ты далѣ не пойдешь.

(Хочетъ обнажить мечь и бросается къ Тверскому.)

Чтобъ мечь рѣшилъ...

БѢЛОЗЕРСКІЙ, *останавливая Димитрія.*

Постой! Соперникъ безоруженъ.

ДИМИТРІЙ.

Пусть мечь велитъ подать!

КСЕНІЯ *становится между Димитріемъ и Тверскимъ.*

Нѣтъ, мечь ему не нуженъ;
Ему противъ тебя моя защитой грудь.
Рази и въ ярости законы всѣ забудь!
Счастлива, коль спасу дни будуща супруга.

ТВЕРСКІЙ.

Димитрій, пощадимъ взаимно другъ мы друга!
Обычай боевъ сихъ, въ странахъ иныхъ законъ,
Въ простые нравы къ намъ доньнѣ не введенъ;
Намъ мечь противъ враговъ отечество вручаетъ:
И врагъ его Мамай насъ въ битву вызываетъ.
Тамъ храбрыхъ воиновъ сіянье ждетъ вѣнцовъ;
Но плачь и стонъ семействъ преслѣдуютъ бойцовъ.

Пойдемъ и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достоинъ болѣ!

(Тверскій ведетъ Ксенію, за нимъ слѣдуютъ Избрана и предстоявшіе князья.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ДИМИТРІЙ и БРЕНСКОЙ.

ДИМИТРІЙ.

Недвижимъ... Ксенію позволилъ я отвесть!
Какую можетъ въ насъ несчастье произвесть
Безчувственность души! Я мыслить не способенъ;
Весь умъ разсѣянъ мой; и я теперь подобенъ
Тому несчастному, кто друга въ смертный часъ
Ловилъ слова, и вдругъ... прервался томный гласъ:
Своей печали онъ мгновенно не измѣритъ;
Другъ смертью похищенъ, и смерти онъ не вѣритъ.
О рокъ, какой ударъ судилъ мнѣ испытать!

БРЕНСКОЙ.

Уклонимся въ шатеръ, чтобъ вмѣстѣ тамъ стенать!
Здѣсь любопытный взоръ быть можетъ привлекаемъ
Сей грустью, коей ты жестоко толь терзаемъ.

ДИМИТРІЙ.

Пускай все воинство и вся Россія пусть
Познаютъ, коль хотятъ, любовь мою и грусть.
Лишь Ксенія признать любви сей не хотѣла;
Всей горести моей она не пожалѣла,
Сей вѣчной горести... *(За театромъ слышны трубы.)*
Но трубный слышу гласъ...

БРЕНСКОЙ.

Въ сраженье, государь, онъ призываетъ насъ.
Приди опять въ себя, и мужествомъ, пристойнымъ
Димитрія душѣ, явися ты достойнымъ
Надежды общія отечества всего!

ДИМИТРІЙ.

О часъ, желанный часъ для сердца моего,
Которо въ ярости обманутой любови
Пылаетъ алчностью къ пролитью нынѣ крови!
Васъ встрѣчу наконецъ Мамай иль Челубей,
Свирѣпы, ищущи мечемъ главы моей!
Пойдемъ нихъ искать! *Отходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*
Но, не владѣвъ собою,
Не въ силахъ учредить моихъ полковъ я къ бою;
Ихъ погубить могу отчаяньемъ моимъ.
О Бренской, вѣрный другъ, подъ знаменемъ большимъ
На мѣсто стань мое, и мужествомъ спокойнымъ
Ты рати предводи ко подвигамъ достойнымъ;
Ты замѣни меня въ рѣшительный сей день,
И знаки княжески и шлемъ ты мой надѣнь!

БРЕНСКОЙ.

Чего ты требуешь? Какая мысль сурова...

ДИМИТРІЙ.

Въ сей день приличенъ видъ мнѣ воина простаго:
Сіяніе сихъ бармъ всѣхъ Рускихъ соберетъ
И отъ главы моей погибель отженетъ,
А я опасностей и смерти лишь желаю.

БРЕНСКОЙ.

Съ слезами, государь, еще къ тебѣ взываю:

Позволь опасности съ тобою мнѣ дѣлить!
Когда погибнешь ты, какъ возмогу я жить?
Передъ отечествомъ мой будетъ стыдъ безмѣрный,
Что пережилъ тебя оруженосецъ вѣрный.

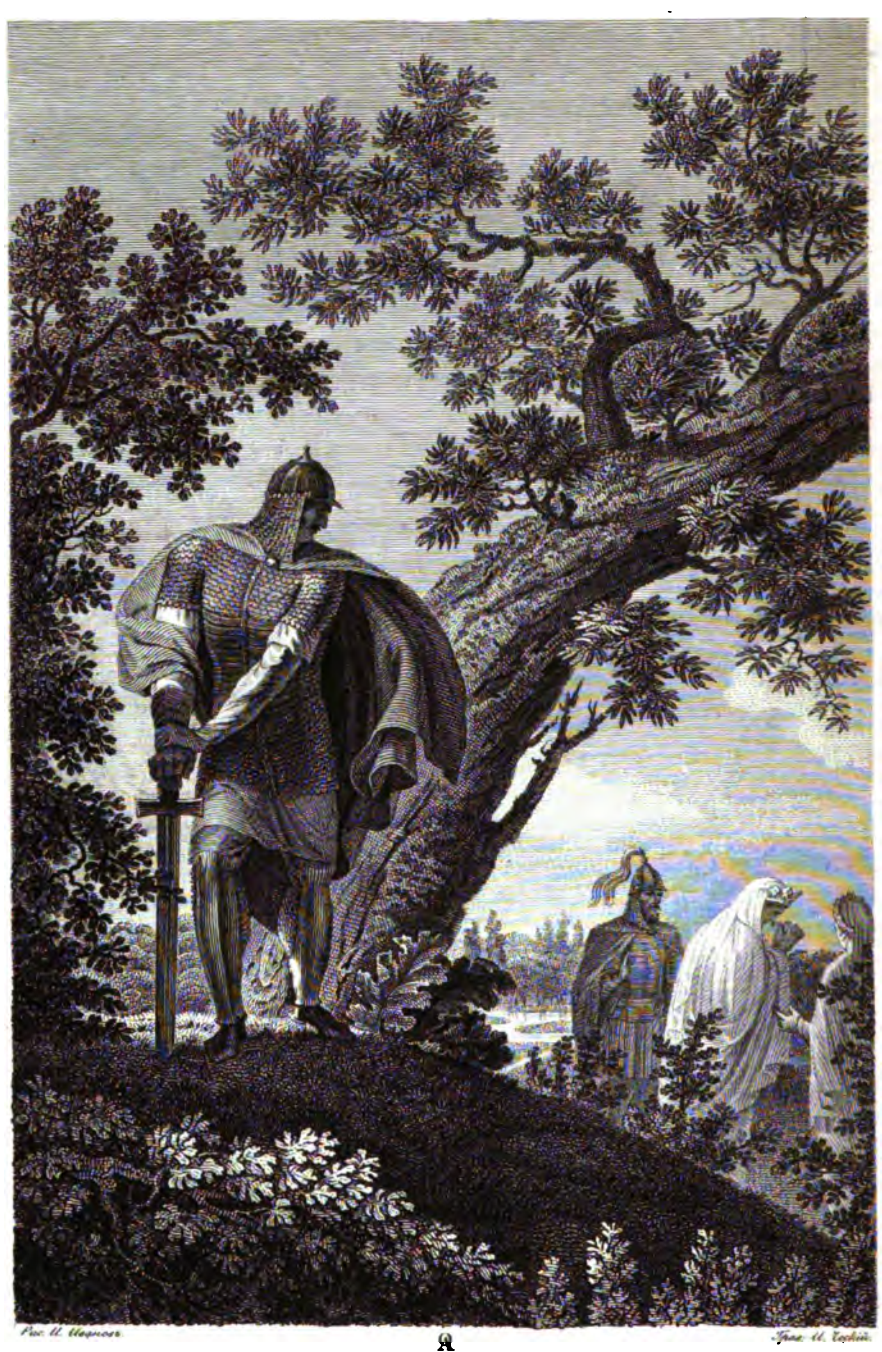
ДИМИТРІЙ.

Для друга дни свои ты долженъ сохранить;
Они полезны мнѣ по смерти могутъ быть.
Вотъ цѣпь, которая груди моей касалась;
Вручи ее княжнѣ! Когда она являлась
Или очамъ моимъ, иль мысли лишь моей,
Грудь билась пламенна подъ скромной цѣпью сей;
Залогомъ ей отдай, когда меня нестанетъ,
Какъ сердце ужъ мое и биться перестанетъ!
Но коль любовника оплачетъ хоть слезой,
Ту радость принеси на гробъ печальный мой!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

Рис. И. Ивановъ. Грав. И. Ческій.

Рис. И. Иванов
Грав. И. Ческий

И храбраго вождя, главу своихъ князей!

КСЕНІЯ.

День злополучнѣйшій изъ всѣхъ несчастныхъ дней,
Въ который я могла всѣхъ бѣдствій быть виною
И руки согражданъ моей сковать рукою!

ИЗБРАНА.

Но чѣмъ виновна ты? Иль жертва та мала,
Которую ты въ даръ Россіи принесла,
Когда во храмъ итти дала Тверскому слово?
Что насъ спасти могло, коль небо къ намъ сурово?

КСЕНІЯ.

Ахъ, мечь Димитрія спасти бы насъ возмогъ!
Великому душей покоренъ въ браняхъ рокъ.
Великимъ небеса Димитрія послали;
Но духъ его упалъ подъ бременемъ печали.
И я источникомъ печали тяжкой сей!
Не могъ конечно онъ измѣны снесть моей.

ИЗБРАНА.

Но должность можетъ ли измѣной называться?
И клятвѣ ли отца могла ты подвергаться?

КСЕНІЯ.

Не вѣдаю, увы, не клятва ль надо мной
Уже положена десницей роковой?
Но отъ рожденія, Избрана, я несчастна,
И постояненъ рокъ до дня сего ужасна,
Въ который ярости всю мѣру истощилъ.
Димитрій, можетъ быть, любовь мою винилъ...
О мысль жестокая! И я не умираю!
Отъ смерти и Татаръ изъ стана убѣгаю!

Ахъ, возвратимся въ станъ, чтобы Ордынцевъ мечь
Мое отчаянье могъ съ жизнію пресѣчь!

ИЗБРАНА.

Зрю Рускихъ воиновъ; бояринъ имъ предводитъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

КСЕНІЯ, ИЗБРАНА и БОЯРИНЪ МОСКОВСКІЙ съ нѣсколькими воинами.

КСЕНІЯ.

Бояринъ доблестный, скажи, уже ль приходитъ
Конечна гибель намъ? Неистовый Мамай
Порабощаетъ ли несчастный Рускій край?

БОЯРИНЪ.

Спокойся, о княжна! Побѣда совершенна;
Разбитый ханъ бѣжитъ; Россія свобожденна.

КСЕНІЯ.

О милосердый Богъ, Ты нашъ услышалъ гласъ!
Не до конца еще прогнѣвался на насъ
И Рускихъ осѣнилъ Ты силою своею!
Ахъ, въ полной радости надѣяться я смѣю,
Что Ты Димитрія въ бою спасти возмогъ,
Чтобъ видѣлъ взоръ его Ордынцевъ стертый рогъ
И восходящее отечество изъ плѣна!

(Къ боярину.)

Но разскажи ты мнѣ, какая перемѣна
Къ спасенью Россіянъ послѣдовать могла?

БОЯРИНЪ.

Рука Всевышняго отечество спасла.

Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей среди самихъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!
Подобно замыслы обрушились Мамая.
Полки Россійскіе, отмщеніемъ сгарая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги;
Едва завидя ихъ, удвоили шаги:
Но вскорѣ туча стрѣлъ, какъ градъ средь лѣтня зноя,
Спустилась съ свистомъ къ намъ предшественницей боя.
Безмолвно воины межъ тѣмъ идутъ впередъ:
Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ отдаетъ;
Ряды сомкнувъ и щитъ о щитъ сомкнувши ближной,
Являли ратники видъ крѣпости подвижной.
Идемъ, и съ нами вдругъ Ордынцевъ рать сошлась,
Раздался воевъ крикъ и сѣча началась.
Внезапно сонмъ бойцевъ Татарскихъ показался;
Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣшался.
Какъ вихри бурные, рожденны среди горъ,
Чрезъ степь пространную летятъ въ дремучій боръ,
И слабыя древа порывами ломаютъ,
И сосны твердыя въ верхъ корнемъ исторгаютъ;
Такъ два богатыря, Темиръ и Челубей,
Стремятся къ намъ въ полки чрезъ тысячи мечей:
Предъ ними страхъ бѣжитъ, и съ ними смерть летаетъ,
И мертвая гряда ихъ бѣга слѣдъ являетъ.
Ужъ множество бояръ и сильныхъ воеводъ,
И доблестныхъ князей, какъ рушенный оплотъ,
Въ крови, на грудахъ тѣлъ разсѣянныхъ лежало;

Отъ сихъ богатырей все съ трепетомъ бѣжало;
И Бѣлозерскій князь, чтобъ войско удержать,
Вотще отважности примѣръ хотѣлъ подать:
Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сраженны,
Всѣ шесть смертей душѣ отцовской нанесенны;
Но твердъ, изъ глазъ нѣтъ слезъ, изъ устъ не слышенъ стонъ,
Онъ хочетъ вмѣстѣ пасть; и палъ на вѣрно бъ онъ,
Коль не явились бы два воина Россійскихъ,
Чтобъ грозну смерть изъ рукъ исхитить богатырскихъ.
Одинъ изъ нихъ чернецъ, извѣстный Пересвѣтъ,
Который, въ мирны дни оставивъ шумный свѣтъ,
Въ обители скрывалъ боярства санъ высокой;
Но гласъ отечества изъ тишины глубокой
Его призвалъ на брань со славой прежнихъ дѣлъ:
Широкъ, могущь плечми, душею бодръ и смѣлъ,
Темира вызвалъ онъ, съ Темиромъ онъ сразился,
И такъ, какъ глыба съ горъ, съ нимъ вмѣстѣ мертвъ свалился.
Но между тѣмъ вблизи идетъ ужасный бой;
Огромный Челубей и воинъ тотъ другой,
Который прибылъ къ намъ, какъ помощью небесной,
Влекутъ вниманье всѣхъ ихъ битвою чудесной.

КСЕНІЯ.

Но кто сей воинъ былъ? И какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о доблести его?

БОЯРИНЪ.

Незнаемъ онъ никѣмъ. Опущенно забрало
Черты его лица отъ взоровъ сокрывало;
Безъ украшеній шлемъ, обыкновенный щитъ
Простаго воина на немъ являли видъ;

Повязка на рукѣ лишь только отличала;
Но поступь родъ его высокій обличала.
Искуству воина дивится Челубей,
И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ душѣ своей.
Россійскаго меча удары сильны, быстры,
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ брони искры;
Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Встрѣчаетъ твердый щитъ, или проворный мечь.
Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щитъ тяжелый
И, отступивъ назадъ и въ двѣ руки принявъ
Булатный длинный мечь, мечтаетъ, что, напавъ
Съ разбѣга скораго, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской;
Стремится къ воину; сей зритъ грозу и ждетъ;
Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ;
Но воинъ отступилъ, мечь въ воздухъ ударяетъ,
И тягостью своей Ордынецъ упадаетъ:
Тутъ смертію къ землѣ навѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полѣ крикъ.
Мамай издалека смерть видѣлъ Челубея
И, изумившись ей и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ, что начать; въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ, покинувъ ближній лѣсъ,
Вдругъ братъ Димитрія въ Татаръ ударилъ съ тыла.
Тогда Ордынцевъ рать побѣгомъ степь покрыла;
Мамай и витязи, оружье побросавъ,
Отъ нашея руки бѣгутъ, спѣшатъ стремглавъ:
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога;

И Руской въ полѣ спалъ, хваля и славя Бога.

КСЕНІЯ.

Но о Димитріи ты мнѣ не говоришь:
О страхъ! Несчастіе ль отъ Ксеніи таишь?

БОЯРИНЪ.

Объ участи его никто еще не знаетъ;
Сіе невѣдѣнье все войско сокрушаетъ:
Ни онъ не сыщется, ни воинъ храбрый тотъ,
Кѣмъ пораженъ Татаръ надежнѣйшій оплотъ.
Въ долинѣ сей князья назначили собраться,
Близь поля ратнаго чтобъ вмѣстѣ совѣщаться,
Какъ имъ Димитрія и воина найти.
Надѣясь видѣть ихъ, спѣшилъ сюда притти...

КСЕНІЯ.

Увы, чего намъ ждать отъ хладныхъ ихъ стараній!
Но мнѣ сомнѣнія нельзя сносить страданій.
Чтобъ время не терять, бояринъ, въ станъ пойдемъ;
Московскихъ воиновъ и Низовыхъ сберемъ;
Пускай бѣгутъ они, разсѣются повсюды;
Чтобъ мертвыхъ ни одной не пропущали груды,
Гдѣ бъ ихъ усердный взоръ вождя ихъ не искалъ!
Быть можетъ, раненный, средь мертвыхъ онъ упалъ
И нужной помощи къ спасенью ожидаетъ;

(Къ Избранъ.)

Быть можетъ, что меня онъ мыслью призываетъ.

(Ксенія уходитъ и всѣ за нею слѣдуютъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ДИМИТРІЙ, *раненный, въ видѣ простаго воина показывается на горѣ при послѣднихъ двухъ стихахъ предыдущаго явленія и, выждавъ, чтобъ всѣ удалились, сходитъ съ горы тихо и опираясь на мечь.*

ДИМИТРІЙ, *поднимая забрало шлема.*

Я Ксенію ль теперь въ долинѣ видѣлъ сей?
Иль то обманъ моихъ слабѣющихъ очей,
Прельщеніе души, мечта воображенья,
Которою мои сугубятся мученья,
Которая въ сей часъ напоминаетъ мнѣ,
Что въ странѣ брачный храмъ готовится княжнѣ,
Что въ странѣ... Но туда уже не возвращуся:
Уединенный здѣсь кончины я дождуся.
О язвы тяжкія, благословляю васъ!
Вы приближаете тоски послѣдній часъ.

(Садится на камень.)

Сей камень будетъ одръ, гдѣ кончу дни унылы,
И оный будетъ кровъ Димитрія могилы:
Счастливъ, что возмогу близъ мѣстъ священныхъ лечь,
Гдѣ поразилъ Татаръ отечественный мечь!

(Прерывающимся голосомъ.)

А ты, чью испыталъ я дружбу чрезвычайну,
Одинъ повязки сей хранящій мрачну тайну,
По коей друга ты искать въ сей день хотѣлъ
Средь умирающихъ или умершихъ тѣлъ,

О Бренской, поспѣши!...

(Упадаетъ на камень.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДИМИТРІЙ, *лежащій подъ деревомъ,* БѢЛОЗЕРСКІЙ, ТВЕРСКІЙ, КСЕНІЯ, ИЗБРАНА, бояринъ московскій, нѣсколько князей и бояръ, воины.

ТВЕРСКІЙ.

Друзья, сказать не знаю,
Веселье ли теперь, что Ксенію встрѣчаю,
Или предчувствіе надежду подаетъ,
Что наше общее усердіе найдетъ
Того воителя, кѣмъ Челубей суровый,
Какъ горда башня палъ, и спали съ насъ оковы.
О праотцы мои, вы днесь отомщены;
Ордынцевъ кровію поля обагрены;
Возстаньте отъ гробовъ вы всѣ, Татаровъ жертвы,
И къ радости тѣла исчислите ихъ мертвы!
Я вами здѣсь клянусь воителя сего
Принять, признать и чтить за брата моего,
Хотя бъ рожденіе въ немъ родъ простый явило.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Когда Всевышнему угодно нынѣ было
Лишить меня надеждъ сраженьемъ сыновей,
Симъ гнѣвомъ посѣтить на старости моей,
Не допустивъ отца пасть мертвымъ съ ними въ полѣ;
Ужель откажетъ мнѣ въ своей святой Онъ волѣ
Отмстителя сыновъ чело высоко зрѣть

И съ утѣшеньемъ симъ спокойно умереть!

ТВЕРСКІЙ *къ воинамъ.*

Усердны воины, искать его идите!...

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Но болѣе еще Димитрія ищите!
Воспомните, друзья, что сей великій мужъ
Воспламенить умѣлъ отважность Рускихъ душъ;
Что первый нашу мощь онъ мыслію измѣрилъ
И славѣ Россіянъ подъ игомъ даже вѣрилъ!
Стремитеся... но шлемъ и бармы зрю его...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, ВОИНЪ, *сопровождаемый большимъ числомъ другихъ воиновъ, приноситъ шлемъ, бармы и цѣпь великаго князя. Приносятъ также бунчуки Татарскіе.*

КСЕНІЯ, *увидѣвъ шлемъ и бармы, упадаетъ къ Избранѣ.*

Погибъ! Свершилось все для сердца моего.

ТВЕРСКІЙ.

О Ксенія!

КСЕНІЯ *въ отчаяніи.*

Ахъ, слезъ моихъ не сокрываю!
Тебя, о государь, я ими оскорбляю;
Карай виновницу во гнѣвѣ ты своемъ!
Но и подъ гнѣвомъ симъ, и подъ твоимъ мечемъ,
Скажу, что слово давъ, тебѣ я измѣняла;
Что я Димитрія любить не преставала;
Обманывала всѣхъ: его, князей, тебя,

И небо, и людей, и самую себя.
Пускай преступницу рука твоя сражаетъ,
Когда отчаянье меня не убиваетъ!

ТВЕРСКІЙ.

Соперникъ мой погибъ: чтобъ съ смертію его
Погасла навсегда страсть сердца твоего
Для тишины моей, а болѣе для чести!

БѢЛОЗЕРСКІЙ *къ воину.*

О ты, въ сихъ знакахъ намъ принесшій скорбны вѣсти,
Скажи, Димитрія въ какихъ мѣстахъ нашелъ?

ВОИНЪ.

Не на Димитріи я шлемъ княжій обрѣлъ,
Но между мертвыми лежалъ въ сихъ знакахъ Бренской;
По близости его поверженъ князь Смоленской:
И на землѣ вкругъ нихъ Татарскихъ груда тѣлъ
Являетъ, сколь враговъ ихъ мечь сразить успѣлъ!

ДИМИТРІЙ, *возставая.*

Ахъ, силы здѣсь мои сонъ нѣсколько поправилъ!
Но Бренскаго не зрю: иль онъ меня оставилъ,
Подобно Ксеніи?...

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Я слышу чей-то стонъ.

(Идетъ къ древу.)

ДИМИТРІЙ.

Внимаю шумъ вблизи. *Опускаетъ забрало.*

БѢЛОЗЕРСКІЙ, *подошедъ къ Димитрію.*

О небо, это онъ,
Тотъ воинъ, чья рука богатыря сразила
И смерть моихъ сыновъ достойно отомстила!

Повязку узнаю. Опіъ скорбнаго отца,
О витязь, не скрывай ты свѣтлаго лица;
Дай взору моему симъ зрѣньемъ насладиться;
Повѣдай имя намъ, которымъ ты гордиться
Въ отечествѣ своемъ отнынѣ долженъ ввѣкъ!
Хотя бъ судьбою былъ не знатный человѣкъ;
Но, храбростью смиривъ гордыню ханской выи,
Великъ ты именемъ спасителя Россіи.
Молчишь, не внемлешь мнѣ: почто жъ меня спасалъ?
Ахъ, лучше бъ близъ дѣтей ты умереть мнѣ далъ!

(Димитрій поднимаетъ забрало.)

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Димитрій!

БОЯРИНЪ, *бросаясь на колѣна передъ Димитріемъ.*

Государь!

ТВЕРСКІЙ, *отступая отъ Димитрія, въ сторону.*

Что вижу!

КСЕНІЯ *тихо къ Избранѣ.*

Оживаю
И слезы радости я первы проливаю.

ДИМИТРІЙ *къ Бѣлозерскому.*

Твое прискорбіе меня превозмогло:
Несчастному открылъ несчастнаго чело.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Какъ не позналъ тебя по сильнымъ тѣмъ ударамъ,
Съ которыми твой мечь несъ быстру смерть Татарамъ!
Но, государь, твой шлемъ и твой доспѣхъ избитъ;

Что вижу я: увы, ты ранами покрытъ!

КСЕНІЯ.

О страхъ!

ДИМИТРІЙ.

Онѣ теперь отрадою душевной;
Онѣ мнѣ сокращатъ срокъ жизни сей плачевной.

БѢЛОЗЕРСКІЙ.

Но жизнь Димитрія отечеству нужна.

ДИМИТРІЙ.

Съ лишеньемъ Ксеніи несносна мнѣ она.
Мнѣ міръ пустынею, свѣтъ солнца ненавижу;
И только другъ одинъ... Но Бренскаго не вижу:
Гдѣ медлитъ онъ?... Почто ко мнѣ не поспѣшитъ?
Но вы безъ словъ... Печаль на лицахъ говоритъ;
Она вѣщаетъ мнѣ, что другъ погибъ навѣрно...
Мое несчастіе и полно и примѣрно.
И вы, жестокіе, мнѣ предлагать могли
Безъ дружбы и любви скитаться на земли!

(Упадаетъ на камень.)

КСЕНІЯ.

Избрана, стонетъ онъ, и доступить не смѣю,
Чтобъ утѣшать его любовію моею,

ТВЕРСКІЙ.

О какъ пронзителенъ гласъ горести его!
Неволею достигъ до сердца моего.

(Подходитъ къ Димитрію.)

Димитрій, ободрись! Тверскій къ тебѣ взываетъ.

ДИМИТРІЙ.

При краѣ гробовомъ чей голосъ поражаетъ?

Тверскій, пришелъ ли ты мою кончину зрѣть?
Ужель не дашь ты мнѣ и съ миромъ умереть?
Но доверши вражду: вели притти невѣстѣ,
И смертію моей вы наслаждайтесь вмѣстѣ;
Умножьте радость симъ веселаго вамъ дня!

ТВЕРСКІЙ.

Приближься Ксенія и оправдай меня;
Увѣрь, что не пришелъ я грустью веселиться,
Но сердцемъ Ксеніи съ Димитріемъ мириться!

(Къ Димитрію.)

Супругу днесь прими ты отъ руки моей!
Чего бъ не сдѣлалъ я предъ властію твоей;
То здѣсь я дѣлаю, Россіи гласъ внимая,
Предъ побѣдителемъ свирѣпаго Мамая.

ДИМИТРІЙ, *взявъ за руку Тверскаго.*

Великодушный князь!... Побѣдой надъ собой

(Ко Ксеніи.)

Ты превзошелъ меня... Я соединенъ съ тобой...

(Ксенія бросается въ объятія Димитрія.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Твой братъ Серпуховской, преслѣдовавшій хана,
Ждетъ, государь, тебя со воинствомъ у стана.
Дивяся доблестямъ и подвигамъ твоимъ,
Всеобщій ратныхъ гласъ назвалъ тебя Донскимъ.

(Воины опускаютъ знамена и бунчуки, на кои складываютъ щиты.)

ДИМИТРІЙ *возстаетъ.*

Пойдемъ, веселье ихъ щедротами прибавимъ,
Спокоимъ раненыхъ, къ умершимъ долгъ отправимъ!

(Поддержанный съ одной стороны Ксеніей и Бѣлозерскимъ, съ другой стороны бояриномъ, приходитъ на средину театра и упадая на колѣна.)

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земный, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 14 маія, 1809 года.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

въ стихахъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 14 маія, 1809 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

АГАМЕМНОНЪ, царь Аргоса и Микенъ.

ПИРРЪ, сынъ Ахилловъ.

НЕСТОРЪ, царь Пилоса.

УЛИССЪ, царь Итакскій.

ГЕКУБА, вдова Пріама, царя Троянскаго.

ПОЛИКСЕНА, дочь ея.

КАССАНДРА, другая дочь ея, плѣнница Агамемнонова.

Цари, военачальники и воины Греческіе.

Троянки, плѣнницы.

Дѣйствіе происходитъ въ Троадѣ, послѣ взятія города Трои, въ станѣ Греческомъ.

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ Греческій станъ; въ сторонѣ шатеръ Пирровъ; на срединѣ могильный холмъ Ахилловъ, изъ-за котораго видно море; вдали зарево пылающаго города Трои.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПИРРЪ, *одинъ близъ могильнаго холма, опершись о гробовой камень*

ПИРРЪ.

О тѣнь родителя, Ахилла грозна тѣнь,
Смири свой правый гнѣвъ! Въ наставшій нынѣ день,
Доколь блестящій Фебъ въ моря лучей не скроетъ,
Троянки кровь твой холмъ, могильный холмъ омоетъ
И праха твоего здѣсь жажду утолитъ.
Когда Троянскихъ стѣнъ окрестъ развалинъ видъ
Еще твоей, Ахиллъ, не насыщаетъ мести;
Коль жертвы требуешь, верховной гробу чести:
Клянуся въ томъ тобой, чьей славой полонъ свѣтъ
И сына твоего услышитъ пусть обѣтъ
Великій Юпитеръ, Олимпа обладатель,
Клятвопреступниковъ безжалостный каратель!

Такъ, онъ, коль жертвы здѣсь я крови не пролью,
Въ теченьи лѣтъ младыхъ пусть жизнь прервѣтъ мою
И погрузитъ меня въ безчестное забвенье,
Какъ недостойное Ахиллово рожденье!
Но шествіе сюда зрю Греческихъ вождей.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПИРРЪ, АГАМЕМНОНЪ, НЕСТОРЪ и ПРОЧІЕ ГРЕЧЕСКІЕ ВОЖДИ.

ПИРРЪ.

Величественный сонмъ героевъ и царей,
О ты, Агамемнонъ, о Несторъ прозорливый,
Вы всѣ, отъ коихъ палъ Пріамовъ градъ кичливый!
Благоволили вы по гласу моему
Притти ко холму днесь могильному сему,
Подъ коимъ мой отецъ, для памяти вселенной,
Съ безсмертнымъ именемъ свой прахъ оставилъ плѣнной.
Вы помните, какъ онъ, средь мужественныхъ лѣтъ,
Среди своихъ торжествъ, въ теченіи побѣдъ,
Измѣною погибъ; судьба сему герою
Претила въ жизни зрѣть пылающую Трою,
Отъ коей черный дымъ на нашъ несется станъ.
Но гробовый предѣлъ Ахиллу не былъ данъ,
И, смерть онъ одолѣвъ, на холмѣ семъ явился:
Пожарнымъ заревомъ и мертвый насладился.
Въ сію прошедшу ночь, какъ сладостный покой
Надъ станомъ царствовалъ съ глубокой тишиной
И слышенъ былъ лишь стонъ падущихъ зданій въ Троѣ,

Внезапно прервалось молчаніе ночное,
Щитъ звонкій загремѣлъ, и въ золотой бронѣ,
Какъ яркая луна, отецъ явился мнѣ.
Въ немъ прежній образъ былъ, тотъ образъ въ гнѣвѣ страшенъ;
Три раза онъ вскричалъ, три раза въ градѣ съ башенъ
Мѣдяные верхи срывались съ шумомъ въ ровъ:
Такъ, бывъ въ бездѣйствіи, онъ нѣкогда съ судовъ,
Зря наглыхъ воиновъ, стремящихся изъ Трои,
Единымъ голосомъ ихъ вспять подвигнулъ строи,
Ихъ ужасомъ обьялъ и Гектора смутилъ.
Троянки требуетъ разгнѣванный Ахиллъ,
Троянки, коей кровь надъ холмомъ симъ пролита,
Спокоила бы тѣнь героя знаменита.
Лаэртовъ мудрый сынъ, Улиссъ, уже въ сей часъ
Предъ алтаремъ и съ нимъ всевѣдущій Калхасъ
Во внутренней тельцовъ, рукой жреца пожертвыхъ,
Стараются прочесть и волю знать безсмертныхъ,
Котору плѣнницу намъ въ жертву должно несть.
Откажете ль, цари, отдать Ахиллу честь,
Приличну доблестямъ мужей богоподобныхъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Иль мало почестей мы отдали надгробныхъ
Ахилла памяти, чтобъ послѣ брани вновь
Невинной проливать Троянки нынѣ кровь?
Жестокосердіе, обидой возбужденно,
Въ побѣдѣ надъ врагомъ быть должно укрощенно:
Простительно въ бояхъ, какъ гнѣвомъ духъ кипитъ,
Оно постыдно въ часъ, какъ врагъ у ногъ лежитъ
Смиренъ, уничиженъ и плѣномъ отягченный.

Коль грозный твой отецъ, и въ гробѣ заключенный,
Еще не преставалъ отмщеніемъ дышать;
То подвигъ сына могъ его тоску скончать:
И тысячи тѣней, сшедъ въ царствіе Плутона,
Повѣдали, что, въ ночь несчастья Иліона,
Отъ Пирра сильнаго палъ Трои дряхлый царь;
Что кровію его ты обагрилъ алтарь,
Предъ коимъ старецъ сей надѣялся пощады.
Ахилла ярость тѣмъ исполнилъ ты отрады,
И долженъ въ гробѣ днесь почить съ покоемъ онъ.

ПИРРЪ.

Не могъ я ожидать, чтобы Агамемнонъ,
Когда родителю прошу достойной тризны,
За смерть Пріамову мнѣ дѣлалъ укоризны.
Не оный ли Пріамъ отецъ Париду былъ,
Париду наглому, который воружилъ
Отмщенье Греціи и гнѣвъ боговъ вселенной,
Париду, коего стрѣлой погибъ измѣнной
Средь брачна торжества божественный Ахиллъ?
Нѣтъ, смертію Пріамъ мнѣ мало заплатилъ
За жизнь, котору далъ преступному онъ сыну;
И въ правой ярости имѣлъ бы я причину
Противный истребить Пріамовъ цѣлый родъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Утѣшься: истребленъ Троянскій весь народъ;
И башни рушенны Пріамовой столицы
Являютъ мрачный видъ народныя гробницы.
Надъ чѣмъ же наконецъ воздержимъ мы нашъ гнѣвъ?
Иль оный простирать на вдовъ, сиротъ и дѣвъ,

Остатки горестны исчезнувшаго града?
Но нашей храбрости ихъ рабство днесь награда;
Ихъ жизнь купили мы, сражаясь десять лѣтъ;
И Греческихъ вождей предъ симъ рѣшилъ совѣтъ,
Чтобъ жребій, между насъ разпредѣля плѣненныхъ,
Живыхъ поработилъ на грудѣ убіенныхъ.
Супруга Гектора тебѣ пришла на часть;
Вдова Пріамова, пережившая напасть,
Которa чадъ ея и мужа поразила,
Властителемъ себѣ Улисса получила;
Кассандра, дочь ея, досталась мнѣ въ удѣлъ,
Кассандра, коей гласъ совѣтъ Троянъ презрѣлъ,
Какъ вдохновенная внушеньемъ Аполлона,
Предсказывала имъ погибель Иліона,
И въ нѣдрахъ конскихъ смерть, и роковую ночь.
Отъ чадъ Пріамовыхъ одна осталась дочь
Свободною средь насъ, младая Поликсена,
Ахиллу нѣкогда невѣстой обрученна:
Ахиллову любовь почтили Греки въ ней.
Весь прочій въ Троѣ плѣнъ межъ воевъ и вождей
Случайность жребія тогда же раздѣлила.
Какой же робкій вождь для мертваго Ахилла
Захочетъ удѣлить отъ плѣна своего
И въ жертву то принесть, что мужества его
Передъ отечествомъ быть должно увѣреньемъ,
Передъ отечествомъ, куда давно бъ съ стремленьемъ
Ахейскіе неслись веселы корабли,
Сокровищь полные Троянскія земли?
Но боги, премѣнивъ обычный чинъ природы,

Наслали мертвый сонъ на воздухъ и на воды:
Нѣтъ вѣтра на поляхъ, недвижимъ зыбкій понтъ,
И десять дней безъ тучь пылаетъ горизонтъ.
Въ сіи ли дни, неся плачь новый безпокровнымъ,
Мы раздражимъ боговъ убійствомъ хладнокровнымъ?

ПИРРЪ.

Давно ль Аргоса царь сталъ жалостливъ душей,
Сей, не жалѣвшій царь о дочери своей,
Какъ Ифигенію въ Авлидскомъ сборномъ станѣ
Онъ въ жертву предавалъ разгнѣванной Діанѣ?

АГАМЕМНОНЪ.

Я молодъ былъ тогда, какъ нынѣ молодъ ты;
Но годы пронесли тщеславія мечты,
И, жизни перейдя волнуемое поле,
Сталъ менѣ пылокъ я, и жалостливъ сталъ болѣ;
Несчастья собственны заставили внимать
Несчастіямъ другихъ и скорбнымъ сострадать.
Ты бѣдъ не испыталъ; но, павшій съ Иліономъ,
Пріамъ тебѣ примѣръ. Ты размышляй объономъ,
Доколь познаешь самъ изъ участи своей,
Что злополучіе училище царей!

ПИРРЪ.

Повѣдай лучше намъ, что ненависть къ Ахиллу,
Котору ты простеръ за темную могилу,
Что зависть, коей ты къ нему скрывать не могъ,
Виной твоихъ рѣчей, а жалость лишь предлогъ!

АГАМЕМНОНЪ.

Предлогъ иль нѣтъ, но знай, что изъ числа несчастныхъ,
Пришедшихъ мнѣ въ удѣлъ иль въ плѣнъ моихъ подвластныхъ,

Я Пирру не предамъ для жертвы ни одной.
Когда въ наслѣдіе тебѣ родитель твой
Оставилъ съ храбростью жестокость лишь едину;
То, недругъ бывъ отцу, противникъ буду сыну.

ПИРРЪ.

Неправую вражду ты властенъ продолжать
Изъ рода въ родъ; но ты не властенъ отказать
Въ достойной почести погибшему герою,
Котораго ты самъ на смерть призвалъ подъ Трою,
Который первый далъ, льстя пышности твоей,
Блестяще званіе тебѣ царя царей.
Но духомъ гордые, подобные Атриду,
Благотвореніе считаютъ за обиду.
По счастью власть твоя надменная прешла;
Во станѣ Греческомъ народныя дѣла
Отъ сонма мудраго вождей зависятъ нынѣ.
И если будетъ днесь угодно то судьбинѣ,
Чтобы Калхасовъ гласъ намъ въ жертву указалъ
Одну изъ плѣнницъ тѣхъ, которыхъ ты избралъ;
То я надѣюся, что жертву выдать ону
Могущіе вожди велятъ Агамемнону,
Иль самъ я до шатра достигну твоего.
Коль долгъ велитъ, щадить не буду никого:
По выбору боговъ, безъ всѣхъ лицепріятій,
Кассандру самую я, изъ твоихъ обьятій
Исхитивъ, привлеку на сей надгробный холмъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандру!... Нѣтъ; вождей благоразумный сонмъ,
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ велитъ предать тебѣ Кассандру,

Воспомнитъ, что привелъ я сто судовъ къ Скамандру,
Помыслитъ о числѣ подвластныхъ воевъ мнѣ
И не подастъ причинъ къ кровавой вновь войнѣ.
Ты самъ, о Пирръ, ты самъ прими совѣтъ полезный:
Коль въ жертву днесь Калхасъ, толкуя гласъ небесный,
Кассандру назоветъ... Калхасу ты не вѣрь!

(Хочетъ итти.)

НЕСТОРЪ, *останавливая Агамемнона.*

Постой, Агамемнонъ, и гнѣвъ ты свой умѣрь;
А ты, о Пирръ, смири сію нескромну ревность:
Послушайте меня! Настигнувшая древность
Мнѣ право подаетъ совѣты предлагать;
Тотъ истинно великъ, кто можетъ имъ внимать
Средь волнъ шумящихъ чувствъ, отъ ярости возженныхъ.
Въ примѣръ примите вы героевъ тѣхъ священныхъ,
Которыхъ нѣкогда я видѣлъ на земли;
Ужъ нѣтъ и ихъ сыновъ, ихъ внуки отцвѣли,
И Несторъ, переживъ ихъ всѣхъ, въ гробахъ уснувшихъ,
Межъ васъ, какъ памятникъ временъ давно минувшихъ.
Герои оные, подобные богамъ,
Внимали съ кротостью всегда моимъ словамъ.
Коль съ сими смертными сравниться вы хотите,
Подобно имъ, свой слухъ къ совѣтамъ преклоните!
Агамемнонъ, почти Ахилловъ славный прахъ;
Его вся жизнь была иль смерть врагамъ, иль страхъ;
Имъ Гекторъ грозный палъ, оплотъ твердѣйшій Трои,
Предъ кѣмъ, какъ предъ стѣной, остановлялись вои,
Котораго сразивъ, божественный Ахиллъ
Въ потрясшійся тѣмъ градъ намъ легкій путь открылъ!

Не откажи, о царь, герою честь приличну
И нравамъ Греческимъ къ несчастію обычну,
Коль прорицаніе, въ желаемый отвѣтъ,
Черезъ уста жреца намъ жертву назоветъ!

(Къ Пирру.)

А ты, о юноша, умѣря лѣтъ стремленье,
Храни къ царю царей достойное почтенье!
Великій Юпитеръ изъ смертныхъ никому
Не удѣлялъ судьбы, какую далъ ему,
Ущедривъ дни его могуществомъ и славой.
Чѣмъ раздражать въ немъ духъ угрозою неправой,
Ты лучше бы замѣнъ богатый предложилъ
И въ жертву плѣнницу сокровищемъ купилъ.
Такъ убѣжденія смиренными рѣчами
Вѣрнѣе дѣйствуемъ надъ сильными сердцами,
Чѣмъ языкомъ угрозъ и укоризной словъ.
Но къ намъ Улиссъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И УЛИССЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Какой отвѣтъ боговъ
Ты намъ принесъ Улиссъ?

УЛИССЪ.

Хранятъ молчанье боги.
Какъ свѣтъ обманчивый среди ночной дороги
Мгновеніемъ блеснетъ и исчезаетъ вдругъ,
Оставя путнику пустынный мракъ вокругъ;

Такъ прорицанія въ Калхасѣ духъ ужасный
Три раза возгаралъ и замиралъ безгласный.
Вотще маститый жрецъ, отъ юности своей
Достигшій старости подъ сѣнью алтарей,
Въ трепещущихъ сердцахъ и жертвъ въ потокахъ кровныхъ,
Усердно вопрошалъ боговъ: вездѣ безмолвныхъ,
Вездѣ суровости ихъ встрѣчалъ Калхаса взоръ,
И небеса съ землей отвергли разговоръ.
Конечно нѣкое сокрыто преступленье
Подвигло грозное безсмертныхъ оскорбленье,
И никогда еще ни боги, ни Калхасъ
Въ подобный мракъ ума не погружали насъ.

ПИРРЪ.

Добычей обдѣленъ Ахиллъ, богамъ любезной:
И удивляетесь вы ярости небесной!
Боготворимъ въ живыхъ, забвенъ отъ Грековъ мертвъ,
Оставленъ прахъ его безъ почестей и жертвъ.
Но за него теперь могущіе мстятъ боги
И, въ тишинѣ морей являяся намъ строги,
Къ отечеству претятъ путь Греческимъ судамъ,
Примкнувъ кормами ихъ къ несчастнымъ симъ брегамъ,
Къ брегамъ, гдѣ всюду видъ разрушенной природы,
Гдѣ дышимъ смрадъ отъ тѣлъ, гдѣ пьемъ кровавы воды
И гдѣ, упорствуя въ нечестіи сердецъ,
Мы надъ добычею погибнемъ наконецъ.
О Гречески сыны, загладимъ преступленье,
Почтимъ героя прахъ, и жертвоприношенье
Пусть съ нами примиритъ Ахилла и боговъ!
Хотя уста жреца осталися безъ словъ,

И въ преисподнихъ погружаясь,
Выходитъ съ полной быстриной:
Народъ Мемфійскій удивляетъ,
Поля обильно напаяетъ,
И чтимъ за бога той страной.

О геній, духъ святый, предвѣчный!
Даруя умственный восторгъ,
Огонь твой пылкій, скоротечный
Есть сердца пламенна чертогъ:
Оттоль исходитъ изступленье,
И алчное его стремленье
Съ людьми столѣтія влечетъ;
Такъ электрическимъ ударомъ
Мгновенна искра въ бѣгѣ яромъ
Всея вселенной цѣпь зажжетъ.

Зажгла та искра Галилея,
Когда онъ вновь устроилъ свѣтъ:
И, съ мѣста землю двигнуть смѣя,
Велѣлъ не въ центрѣ быть планетъ.
Нютонъ, владыка сферъ небесныхъ,
Летитъ въ странахъ, другимъ безвѣстныхъ,
И дышетъ славой дѣлъ своихъ.
Уже гремящій Зевсъ робѣетъ:
Франклинъ перунами владѣетъ
И тупитъ вредно жало ихъ.

Всѣ души, жаждущія славы,
Ни въ чемъ, нигдѣ не зряшъ препонъ
И, преступя судебъ уставы,
Вмѣняютъ дерзостъ за законъ.
Чудесны Александра свойства
Сушь изступленіе геройства:
Онъ свѣтъ отвагой побѣдилъ,
Предъ нимъ палъ Дарій и фортуна,
И онъ послѣдняго Нептуна
Своимъ приходомъ удивилъ.

Такъ Юлій - Цезарь знаменитый
Для Рима жизни не щадилъ;
Щитомъ Палладинымъ покрытый,
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.
Но, вдохновенный огнь имѣя
И зря соперникомъ Помпея,
Онъ съ нимъ равенства не терпѣлъ:
Въ поляхъ Фарсальскихъ побѣждая,
Отвагой славу упреждая,
Себѣ послушной быть велѣлъ.

Къ безсмертью жаркое стремленье,
Зерно, всажденное въ душахъ!
Твое полезное растенье
Есть вождь въ невѣдомыхъ стезяхъ:
Тобой Колумба четверть свѣта,

Тобой Уранова планета
Открыты умственнымъ очамъ;
Великій Петръ, гремя Полтавой,
Румянцовъ, облаченный славой,
Грозятъ пребытственнымъ вѣкамъ.

У насъ свои есть Өермопилы
И Мараөонскія поля:
Поправъ враждебны Россамъ силы
И добычь въ части раздѣля,
Поставимъ множество трофеевъ.
Своихъ имѣемъ мы Орфеевъ:
Подай, твою мнѣ, муза, кисть!
Впишу въ безсмертну книгу Россовъ,
Кто былъ великій Ломоносовъ!
Онъ рекъ: да будетъ свѣтъ... и бысть.

КОНЕЦЪ ОДЪ.

БАСНИ.

БАСНИ.

I.

ОСЕЛЪ И СОБАЧКА.

Не будемъ, вопреки способностямъ природнымъ,
Искать несвойственныхъ намъ къ счастiю путей!
Природа не равно ущедрила людей:
Одинъ родится въ свѣтъ къ художествамъ свободнымъ,
Другой къ простому ремеслу.
Пусть каждый съ долею своею остается,
И онъ не ошибется,
Какъ то случилося ослу.

Однимъ хозяевамъ съ потѣшницей большою,
Съ собачкою, оселъ служилъ.
Сравнивъ ея судьбу съ своею онъ судьбою,
Въ лукавый часъ неловко разсудилъ:
Зачто собачка такъ мила всему здѣсь дому?
Съ тарелки кушать ей, изъ чашки пить дають,
А мнѣ лишь жалуютъ овсяную солому,
И въ барыши меня за службу только бьютъ.
Когда на заднiя собачка ножки станетъ
И лапочку хозяину протянетъ,
Хозяинъ такъ ей радъ, беретъ ее съ собой;

Когда жъ хозяюшку она лизнетъ разочикъ,
Хозяйка сахарцу ей удѣлитъ кусочикъ:
А сахаръ ныньче дорогой!
Собачка ластится: вотъ тутъ и вся причина.
Такъ выберу веселый день
И приласкаюсь самъ: улучшится судьбина,
Пойдетъ и мнѣ тогда ячмень,
И, можетъ быть, мою понѣжатъ лѣнь.
Въ сей мысли крайне безтолковой,
Завидѣвъ издали хозяина съ обновой,
Оселъ бѣжитъ, и, передъ нимъ
Ставъ дыбомъ, онъ ему кладетъ тяжелу ногу
На правое плечо, горланьемъ же своимъ
На весь наводитъ дворъ и пущую тревогу.
Хозяинъ закричалъ: что сдѣлалось съ тобой?
Какая ласка и потѣха!
Иль сталъ ты скотъ ужъ прямо круговой?
Гей... дайте плеть сюда для смѣха!
Явилась плеть; оселъ перемѣнилъ напѣвъ
И отшагалъ смиренно въ хлѣвъ.

II.

ВОЛКИ И ОВЦЫ.

У племени волковъ и племени овецъ
Велась война чрезъ тысячныя лѣта.
Соскучившись, они рѣшились наконецъ
Миръ вѣчный заключить. Не собиравъ совѣта,
По обстоятельствамъ, чтобъ время не терять,
Сошлись вожди, велѣли написать
На гербовыхъ листахъ подробны договоры,
И приложить большую къ нимъ печать,
И по обряду размѣнять.
Притомъ, чтобы впередъ у нихъ не вышло ссоры,
Одни для вѣрности въ закладъ
Волчонковъ отдали, своихъ любезныхъ чадъ;
А овцы, сущи простофили,
Въ залоги отпустили
Собакъ, своихъ друзей
И старыхъ сторожей,
Которыя, какъ миръ дѣла окончилъ ратны,
Остались праздны и захватны.
И такъ во всемъ краю настала тишина;
Свобода рѣзвая на пажитяхъ видна;
Ужъ волки на овецъ вдали лишь скалятъ зубы,
И пастухи волковъ не ходятъ бить на шубы:
Казалось, что сошелъ на землю вѣкъ златой.

Волчонки между тѣмъ повыросли мастеры;
Въ умѣ у нихъ одинъ разбой,
И стали, какъ отцы, прямые живодеры.
Лишь только пастуховъ спустили со двора,
Сіи залоги клятвъ и договоровъ мирныхъ
Какъ съ словомъ: намъ домой пора,
Напали на ягнятъ на лучшенькихъ, на жирныхъ,
И пастію ихъ мчатъ подъ тѣнь глухихъ лѣсовъ.
Тамъ волчій весь народъ принятъ ихъ былъ готовъ.
Собаки лишь, о томъ не знавъ и безъ печали
Надѣявшись на миръ, спокойно почивали
(Гдѣ нѣтъ заботъ, тамъ крѣпокъ сонъ);
И волки ихъ оттюдь не разбудили,
А, подведя сильнѣйшаго законъ,
Ихъ просто сонныхъ задавили.

Безъ устали, друзья, пойдемъ войной на злыхъ!
Залоги пагубны и ложны клятвы ихъ.
Когда тамъ миръ бываетъ прочнымъ,
Который заключенъ съ безсовѣстно-порочнымъ?

III.

ОРАТОРЪ И БОЛВАНЪ.

Былъ нѣкій человѣкъ,
Который цѣлый вѣкъ
Отъ краснорѣчія не зналъ себѣ покою:
Ученіе текло изъ устъ его рѣкою.
Блисталъ мой говорунъ,
Подобно, какъ перунъ,
И, бѣгая головъ упрямыхъ,
Старался находить судей покорныхъ.
Въ дубраву онъ зашелъ. Стоялъ въ дубравѣ той
Болванъ. Подъ тѣнью древъ, витія мой
Гремитъ съ воспламененнымъ духомъ
Передъ болваньимъ ухомъ
И чванится, какъ будто Цицеронъ,
Какъ за Лигарія вступился онъ.

Кто риторъ, кто болванъ: узнай, читатель!
Ораторъ мой писатель,
Которому не могутъ быть сруки
Прямые знатоки,
И любитъ, чтобъ ему дивились дураки.

IV.

ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА.

Имѣла нѣкая ворона вкусъ:
Любила музъ;
И говоритъ Орфею,
Порусски, соловью:
Исполни просьбу ты мою,
О чемъ просить тебя я смѣю!
Имѣю
Лишь одного
Я сына;
Онъ въ старости отрада мнѣ едина;
Пожалуй, ты его
Наставь такъ пѣть, какъ самъ поешь ты нѣжно!
Онъ скоро перейметъ, лишь поучи прилѣжно.
А соловей въ отвѣтъ: голубушка моя,
Готовъ бы оказать тебѣ услугу я;
Но знай, не только я, да если съ Геликона
Сынка сведешь учить всѣхъ музъ и всѣхъ боговъ,
Не будетъ онъ въ числѣ пѣвцовъ:
Не можетъ соловьемъ быть никогда ворона.

Вовѣкъ того не дастъ искуству мастерство,
Чего лишило насъ къ несчастью естество.

КОНЕЦЪ БАСЕНЬ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА *къ Кассандрѣ.*

Скажи, дочь грустная, къ какимъ опять бѣдамъ
Твой мрачный зракъ велитъ приготовляться намъ?
Или ужъ день насталъ предчувствованной муки,
И вѣтръ подулъ съ бреговъ, предвѣстникъ намъ разлуки?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, связаны еще стихіи тишиной.
Но передъ тѣмъ, какъ съ сей разстанемся страной
И, подходя къ судамъ на вѣчную разлуку,
Впослѣдни подадимъ между собою руку
И здѣсь въ послѣдній разъ родимыхъ обоймемъ,
Быть можетъ, новыхъ слезъ источникъ мы найдемъ.

ГЕКУБА.

Источникъ новыхъ слезъ намъ долженъ здѣсь открыться,
Когда и первыя не могутъ истощиться,
Когда и въ шумѣ дня, и въ тишинѣ ночей,
Не осушаю я отъ слезъ моихъ очей...
О сколь ужасенъ даръ, который открываетъ
Тѣ бѣдства, кои намъ судьба приготовляетъ!
Какъ роковый вѣщунъ, всегда Кассандры гласъ
Печали разсѣвалъ и ужасъ между насъ.
Едва отрады лучь блеснулъ въ душѣ Гекубы,
И возвѣщаешь ей ты горести сугубы.

КАССАНДРА.

Кляну и я давно несчастливый тотъ даръ,
По коему могу предвидѣть лишь ударъ,

Но, какъ ударъ отвесть, предвидѣть не умѣю.
Спокойнѣе сама была бы я душею,
Когда бъ мнѣ данный духъ не проницалъ премѣнъ,
Сокрытыхъ въ будущемъ завѣсою временъ:
Не видѣла бъ вдали погибели сужденной
И ждущія меня въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ сѣти хитрыя супругу сплетены
Коварною рукой невѣрныя жены
И гдѣ Агамемнонъ.... Но вашего вниманья
Собою не займу. Довольно здѣсь рыданья
Троянкамъ вообще принесть сей долженъ день:
На холмѣ гробовомъ Ахилла страшна тѣнь
Въ сію явилась ночь отъ смерти возбужденна.

ПОЛИКСЕНА.

Что говоришь ты? Тѣнь супруга?

КАССАНДРА.

Поликсена,
Въ часъ гибели съ тобой онъ обрученнымъ былъ!
Не знаю, что вѣщалъ явившійся Ахиллъ;
Но горъ верхи едва блѣднѣли отъ разсвѣта,
Когда Агамемнонъ былъ призванъ для совѣта;
Вожди сбиралися по близости шатровъ,
Гдѣ Пирръ, толь духомъ гордъ и сердцемъ толь суровъ,
Питаетъ ненависть къ остаткамъ Иліона.
Я устрашилася, узрѣвъ Агамемнона,
Какъ возвратился онъ оттоль къ своимъ шатрамъ.
По мрачному челу, сверкающимъ очамъ,
По быстротѣ во всѣхъ его движеньяхъ видной,
Я заключить могла, что гнѣвъ, на сердцѣ скрытной,

И жалость явная волнуютъ душу въ немъ.
Иди, сказалъ онъ мнѣ, въ присутствіи твоемъ
Гекуба, можетъ быть, днесь нужду возымѣетъ:
Какой безжалостный о ней не пожалѣетъ!
Сіи слова царя, его смущенный взоръ
И все являетъ мнѣ, что смерти приговоръ
Межъ насъ еще одной изрекъ совѣтъ убійства,
Что самъ Агамемнонъ замолкъ противъ витійства
Улисса хитраго, искуснаго въ рѣчахъ.

ГЕКУБА.

Какой по сердцу мнѣ распространяешь страхъ!
Ахиллъ... совѣтъ вождей... и смерть... Я цѣпенѣю
И мыслей смѣшанныхъ остановлять не смѣю.

КАССАНДРА.

Увы, познаемъ все: Улиссъ идетъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И УЛИССЪ.

ГЕКУБА *къ Улиссу.*

Коль стонъ страдающихъ возмогъ, Улиссъ, когда,
Тебя разжалобить, внемли своей рабынѣ!
Скажи, какую скорбь готовите мнѣ нынѣ?
То правда ль, что Ахиллъ въ молчаніи ночномъ
Явился къ ужасу на холмѣ гробовомъ?
Что симъ явленіемъ всѣ Греки устрашенны
Противъ Троянокъ вновь подвиглись раздраженны?
Что смерть здѣсь носится надъ нашею главой?
Когда бъ ея ударъ низвергся надо мной;

Пріамовой земли подъ глыбы сокровенна,
Я бъ отдохнула тамъ отъ горести и плѣна!

УЛИССЪ.

Твой плѣнъ окончился.

ГЕКУВА.

Ты плѣнъ кончаешь мой?
Что слышу я! Но кто, кто щедрою рукой
Мой выкупъ заплатилъ?

УЛИССЪ.

Несчастія и старость,
Гнетущія тебя, подвигнули на жалость
Великодушіе собравшихся царей:
Сердца спокоилъ ихъ я вольностью твоей.
Свободна, можешь ты мой станъ въ сей день оставить,
Въ страны союзныя свой трудный путь направить,
Искать пристанища въ дому друзей твоихъ.

ГЕКУВА.

Друзей... несчастные когда находятъ ихъ?
Имѣла нѣкогда и я друзей усердныхъ;
Но всѣ истреблены рукой немилосердыхъ:
Стремительный вашъ гнѣвъ, лѣтъ десять безъ премѣнъ,
Разсѣялъ кости ихъ вокругъ Троянскихъ стѣнъ.
Союзники, друзья, супругъ и дѣти милы,
Подъ Троей всѣ легли, всѣ снѣдію могилы,
Или въ оковахъ днесь у воя иль царя
Рабами отплывутъ за дальнія моря.

(Указывая на Поликсену.)

Вотъ другъ единый мнѣ, оставшійся въ природѣ,
Съ которой я могу о данной мнѣ свободѣ.

Въ убогой хижинѣ веселье раздѣлять
И тамъ за оный даръ тебя благословлять!

УЛИССЪ.

Съ душевной горестью то упованье лестно
Разрушить долженъ я. Когда тебѣ извѣстно,
Что въ ночь сію Ахиллъ отъ гроба возставалъ;
То знать уже должна, что Грекамъ онъ вѣщалъ:
Онъ кровью хочетъ зрѣть могилу орошенну,
И въ жертву сонмъ царей назначилъ Поликсену.

ГЕКУВА, *бросаясь въ объятія Поликсены.*

Дочь милую!

КАССАНДРА.

Сестру!

ПОЛИКСЕНА.

О боги!

УЛИССЪ.

Ахъ, я самъ
Скорбь вашу чувствую, и горестнымъ слезамъ
Вы можете еще предаться на свободѣ:
Я оставляю васъ. Отдайте долгъ природѣ
И нужной твердости просите отъ боговъ!
Чрезъ часъ приду; вашъ духъ чтобъ былъ тогда готовъ
Разлуку перенесть, сужденную закономъ
Отъ торжествующихъ надъ павшимъ Иліономъ.

(Улисеъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

И сострадаетъ онъ!

ПОЛИКСЕНА.

Жестокій человѣкъ!

(Къ Гекубѣ.)

О матерь скорбная!

ГЕКУБА, *возставая изъ обьятій Поликсены.*

Ушелъ ли хитрый Грекъ,
Коварствъ исполненный, Улиссъ немилосердой?
Онъ смертью поразилъ, и мнѣ велитъ быть твердой...
Быть твердою въ часы, когда хотятъ лишать
Послѣдней дочери, для коей дышитъ мать;
Какъ сокрушенная погибелью супруга,
Погибелью семьи, послѣдняго я друга
Увижу Греками влекомаго на смерть.
Ахъ, руки мнѣ къ кому просительны простерть!
Кто внемлетъ моему отчаянному стону?
Кассандра, поспѣши, бѣги къ Агамемнону!
Онъ сострадающимъ явился нынѣ къ намъ:
Преклонится къ твоимъ лiющимся слезамъ
Надъ скорбной матерью, надъ горестной сестрою.
Моли его; рожденъ онъ съ сильною душою;
Ему принадлежитъ принять подъ свой покровъ
Гонимыхъ отъ людей, забытыхъ отъ боговъ,
На коихъ мертвые возстали изъ гробницы,
И кои ждутъ его спасительной десницы.

КАССАНДРА.

Иду; услышитъ онъ гласъ горести моей.
Но что? Въ рукѣ боговъ сердца и слухъ царей.
О боги, не прошу отъ васъ рѣчей искуства;
Но дайте нынѣ мнѣ языкъ души и чувства,
Которому бы внявъ въ сей день, Агамемнонъ
Возсталъ и опровергъ губителей законъ,
Гласящій дѣвы смерть, разящій скорбну старость

(Указывая на Гекубу.)

И долженствующій подвигнуть вашу ярость!
О матерь, слезный токъ коль можно осуши;
А ты, сестра, умѣрь уныніе души!

(Кассандра уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕКУБА и ПОЛИКСЕНА.

ГЕКУБА, *обнимая Поликсену.*

Такъ, успокоимся и оживемъ къ надеждѣ!

ПОЛИКСЕНА.

Къ надеждѣ? Нѣтъ, она давно уже и прежде
На сердцѣ замерла у дочери твоей.
Но я не плачу здѣсь надъ смертію моей:
Не тѣ несчастливы, которы умираютъ,
Но тѣ, которые любезныхъ переживаютъ.
О матерь, я теперь лью слезы надъ тобой:
Какой свирѣпою гонима ты судьбой!
Какая въ ярости боговъ неутомимость!
Но предпоставь ты имъ души неколебимость;

Утѣшься мыслію, что дочь твоя въ сей день
Супруга своего увидитъ милу тѣнь!
Вообрази себѣ, когда я смерть пріемлю,
Что въ дальную меня ты опустила землю,
Гдѣ избранный женихъ, гдѣ вѣрный мнѣ Ахиллъ
Всю прежнюю любовь къ невѣстѣ сохранилъ;
Что мечь губительный свершитъ союзъ нашъ брачный,
Что ложемъ радостей мнѣ гробъ предстанетъ мрачный,
Что я отъ бурь мірскихъ укрылася туды,
Гдѣ настаетъ покой, гдѣ кончатся труды!

ГЕКУВА.

Ты, дочь жестокая, мнѣ сердце раздираешь:
Такъ, вижу я теперь, что смерти ты желаешь;
Что, тлѣя внутренно отъ страстнаго огня,
Покинуть на землѣ желаешь ты меня.
Покинуть... Но, увы, что станется со мною!
На старости должна скитаться сиротою.
Печальную главу къ кому я преклоню,
Къ отрадѣ временной съ кѣмъ слезы я пролью,
Кто слезы приметъ тѣ, кто ихъ уразумѣетъ,
И утѣшеніемъ кто грудь мою согрѣетъ?
Ты плачешь? Ахъ, прости, несправедлива я!
Нѣтъ, не покинешь ты прискорбную меня.
Но коль Агамемнонъ... Сомнѣніе ужасно!
Минуты быстрыя теряю здѣсь напрасно;
Свободна, я сама къ нему должна спѣшить.
Кто лучше матери то въ силахъ изъяснить,
Что сердце чувствуетъ, теряя дочерь милу!
Пойдемъ: отчаянье даетъ мнѣ нову силу.

Онъ стонъ услышитъ мой; онъ жалостливъ, отецъ,
Онъ долженъ чувствовать священну связь сердецъ,
Которая меня съ тобою съединяетъ.
Какой отецъ въ сей день мнѣ здѣсь не сострадаетъ!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Происходитъ въ шатрѣ Агамемнона.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АГАМЕМНОНЪ и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Нѣтъ, нѣтъ, Агамемнонъ, докучный стонъ виня,
Ты тщетно убѣгать стараешься меня!
Просительный мой гласъ услышишь ты повсюду:
Какъ тѣнь твоя тебя преслѣдовать я буду,
Доколѣ жалости не возбужу твоей
Къ невинно-гибнущей въ сей день сестрѣ моей.
Но что я говорю? Одна ли Поликсена
Отъ Грековъ будетъ здѣсь несчастно умерщвленна?
До сердца матери ударъ достигнетъ тотъ;
Отчаянье ее безвременно убьетъ:
И волѣ Пирровой Агамемнонъ послушный
Убійство стерпитъ то, какъ зритель равнодушный!

АГАМЕМНОНЪ.

Чего желаешь ты? Довольно я рѣчей
Безъ пользы расточилъ въ собраніи царей
На защищеніе твоей сестры несчастной.

КАССАНДРА.

Ты рѣчи расточилъ! Но въ день для насъ ужасной,

Какъ мечь въ рукахъ убійцъ, какъ ярость въ ихъ сердцахъ,
Какъ Греки ни во что къ богамъ вмѣняютъ страхъ,
Не время прибѣгать къ рѣчамъ или витійству:
Верховну власть свою ты предпоставь убійству.
Народовъ храбрыхъ вождь и царь обширныхъ странъ...
Тебѣ безсмертными дарованъ оный санъ
На то, чтобъ силою обуздывать строптивость,
Невинность защищать, карать несправедливость.
Цари даны землѣ въ залогъ суда боговъ.
Оружіе прими, когда не внемлютъ словъ!

АГАМЕМНОНЪ.

Чтобъ Грековъ кровію я оросилъ Троаду...
Сію ли я воздамъ ихъ ревности награду,
Награду имъ за то, что, по слѣдамъ моимъ,
Оставя женъ, дѣтей, къ брегамъ стремились симъ,
Гдѣ мстили десять лѣтъ преступному Париду
За нанесенную моей семьѣ обиду?
Имѣлъ бы право я ихъ ярость обуздать,
Когда ихъ мечь тебѣ дерзнулъ бы угрожать.
Ты, мной избранная при раздѣленьи плѣна,
Моей любовію должна имъ быть священна,
Любовью, коей я хочу тебя возвесть
На мѣсто той жены, которую мнѣ честь
Изъ моего одра изгнать повелѣваетъ,
Которая и бракъ и должность оскорбляетъ.
Грозивъ тебѣ, меня бъ обидѣли они,
И горе было бъ имъ! Но Поликсены дни
Оружьемъ защищать съ какаго буду права?

КАССАНДРА.

Коль нынѣ мыслишь ты, что собственная слава
И склонный къ жалости великодушный нравъ
Не подаютъ тебѣ еще довольно правъ,
Чтобы оружіемъ остановить злодѣйство,
Губящее мое плачевное семейство;
То самая любовь, о коей говоришь
И коей моему тщеславію ты льстишь,
Любовь, къ прерванію и слезъ моихъ и стона,
Давно вооружить должна бъ Агамемнона.
Но нѣтъ, не любишь ты; и ясно вижу я,
Что ищешь обольстить лишь только ты меня.
Не такъ твой братъ, супругъ невѣрныя Елены,
Пылалъ любовью къ ней среди ея измѣны.
Элладу цѣлую его подвигнулъ гласъ;
Стѣсненный понтъ извергъ смерть грозную на насъ;
Фригійскихъ рѣкъ струи вознеслись потокомъ крови,
И Трою пеплъ покрылъ во слѣдъ его любови.
А ты, холодный другъ въ самой любви своей,
Покинешь мать, сестру возлюбленной твоей,
Когда къ защитѣ ихъ лишь стоитъ ополчиться,
Чтобъ Пирръ былъ принужденъ отъ жертвы отступиться,
Чтобы Ахиллова вотще вопила тѣнь.

АГАМЕМНОНЪ.

Не льстись, Кассандра, тѣмъ! Не Пирръ одинъ въ сей день
Алкаетъ жертвы сей: всѣ Греки ослѣпленны
Свое спасенье зрятъ въ убійствѣ Поликсены,
Мечтая, что Ахиллъ, отмщеніемъ горя,
Къ пути безвѣтріемъ сомкнулъ для нихъ моря.

На чуждыхъ берегахъ свою утративъ младость,
Грекъ каждый вѣтра ждетъ, какъ вождѣленну радость,
Чтобы скорѣй отплыть подъ кровъ своихъ отцовъ,
Гдѣ средь семьи найдетъ спокойство отъ трудовъ.
И мыслишь ты, что мнѣ лишь стоитъ ополчиться,
Чтобъ Грековъ къ жалости заставить обратиться?
Нѣтъ, нѣтъ, они мечемъ свой защитятъ позоръ,
И кровію тогда нашъ кончится раздоръ:
Ахеянъ знаю я духъ пылкій и строптивый.

КАССАНДРА.

Ты лучше объяви, что взоръ нетерпѣливый
Ты обращаешь самъ къ Аргосской сторонѣ,
Къ чертогу пышному, къ оставленной женѣ,
Гдѣ миръ съ ней, рушенный давнишнимъ подозрѣньемъ,
Ты купишь, можетъ быть, моимъ уничиженьемъ.
Спѣши въ отечество, лети, стремись къ судьбѣ,
Тамъ Клитемнестрою назначенной тебѣ!
Но ты не ожидай, чтобъ робкой я рабою
Предъ гордою женой предстала за тобою!
Когда моя сестра погибнуть здѣсь должна,
Коль матерь за собой во гробъ сведетъ она;
То не разстанусь я съ землею сей унылой:
Ихъ гробъ жилище мнѣ. И коль захочешь силой
Отсель меня извлечь, на свой корабль пренесть
И съ торжествомъ въ Аргосъ невольницею весть;
То вспомни, что нашъ путь лежитъ черезъ пучину,
Въ которой я найду бѣдамъ моимъ кончину;
Что усыпить могу стрегущихъ воевъ взоръ
И въ безднѣ волнъ сокрыть плѣненія позоръ!

То помня, совершить дай Грекамъ преступленье!

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандра, что за мысль, какое изступленье?
И такъ, ты требуешь въ залогъ моей любви,
Чтобъ руки обагрилъ въ Ахейской я крови
И клятву на главу навлекъ себѣ отъ Грековъ,
Неблагодарнѣйшимъ явясь изъ человѣковъ?
Какъ знаешь власть свою надъ пламенной душей!
Но если дорожишь ты честію моей
И если за нее молвы страшишься свѣта;
То время дай ты мнѣ потребовать совѣта
И нужной помощи отъ брата моего!
Коль буду подкрѣпленъ оружіемъ его,
Могу тогда простерть покровъ мой Поликсенѣ,
И не посмѣетъ міръ винить меня въ измѣнѣ.
Успѣхъ иль неуспѣхъ, рѣша вселенной судъ,
Однимъ дѣяніямъ различный видъ даютъ.
О мѣрахъ совѣщать спѣшу я къ Менелаю.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ, ГЕКУБА и ПОЛИКСЕНА.

ГЕКУБА, *останавливая идущаго Агамемнона и упадая къ его ногамъ.*

О царь, къ твоимъ ногамъ съ моленьемъ припадаю:
Спаси отъ гибели плачевну дочь мою!

АГАМЕМНОНЪ, *поднимая Гекубу.*

Гекуба горестна, печаль дѣля твою,
Иду къ принятію надежнѣйшаго средства,

Которымъ бы я могъ васъ всѣхъ спасти отъ бѣдства
И ярость Ахеянъ въ пути злодѣйствъ препкнуть.
Межъ тѣмъ въ шатрѣ моемъ ты можешь отдохнуть,
И, мысль о дочери исполнивъ упованьемъ,
Ты сердце успокой, томимое страданьемъ!

(Агамемнонъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА.

Скажи, Кассандра, мнѣ: симъ вѣришь ли словамъ,
И точно ль онъ покровъ даруетъ нынѣ намъ?

КАССАНДРА.

Колеблемъ чувствами, рѣшиться самъ не зная,
Онъ требованъ спѣшитъ совѣтовъ Менелая
И помощи его.

ГЕКУБА.

Что слышу я? Увы,
Совѣты тѣ падутъ намъ вѣрно на главы,
И Поликсены смерть осталась неизбѣжна!

КАССАНДРА.

Почто жъ въ совѣтахъ сихъ ты столько безнадежна?

ПОЛИКСЕНА.

Ахъ, преждевременно въ душѣ не унывай!

ГЕКУБА.

Или не знаеше, что слабый Менелай,
Невѣрныя жены свиданьемъ восхищенной,
Свой разумъ покорилъ Еленѣ ухищренной,

Что управляетъ имъ и дѣйствуетъ она!
Благій ли дастъ совѣтъ развратная жена?
Душа, погрязшая въ кривыхъ путяхъ порока,
Теряя чувствіе, становится жестока.
Воспомните, какъ стыдъ Еленина чела
Изображалъ ея сокрытыя дѣла:
Вотще сіе чело блистало красотою.
Воспомните и то, какъ нравовъ чистотою,
Когда о чести' женъ вели мы разговоръ,
Вы принуждали вдругъ ее потупить взоръ.
Съ тѣхъ дней, враждой на насъ въ ней сердце возкипѣло.
Прощаютъ ли тому, предъ кѣмъ чело краснѣло?
А нынѣ наша жизнь и смерть въ ея рукахъ:
Судите по сему, напрасенъ ли мой страхъ!

(Увидя Улисса.)

Но что я говорю? Мои всѣ рѣчи тщетны.
Улиссъ идетъ, и насъ покинули безсмертны.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И УЛИССЪ.

УЛИССЪ.

Гекуба, признаюсь, что думать я не могъ,
Чтобъ изъ шатровъ моихъ ты извела залогъ,
Который я вручилъ тебѣ на срочно время;
Чтобъ всюду съ дочерью тоски влачила бремя,
Во зло употребя свободу, данну мной.
Но скорби матери прощу проступокъ твой.
Въ шатрѣ ль Улиссовомъ, въ шатрѣ ль Агамемнона,

Повсюду и равно власть дѣйствуетъ закона.
И я сюда пришелъ, надѣяся теперь,
Что ты безъ ропота свою мнѣ выдашь дщерь.

КАССАНДРА.

Но вспомнитъ ли Улиссъ, когда помыслитъ болѣ,
Что здѣсь покорно все Агамемнона волѣ;
Что здѣсь, въ шатрѣ его, вашъ дѣйствуетъ законъ
Тогда, какъ самъ приметъ его разсудитъ онъ?
Помедли, государь, до царскаго прихода!

УЛИССЪ.

Предъ холмомъ жертвы ждетъ собраніе народа
И свѣтлый сонмъ вождей, и всѣ они горятъ
Нетерпѣливостью священный зрѣть обрядъ,
Обрядъ, котораго алкаетъ прахъ героя,
Какъ жаждетъ водъ земля, томимая отъ зноя.
Могу ль часы терять, Агамемнона ждавъ?
И оскорбляться симъ съ какихъ онъ можетъ правъ?
Вотще въ совѣтѣ онъ гремѣлъ противъ Ахилла;
Вся Греція на то чрезъ Пирра возопила:
Предъ воплями ея гласъ жалости замолкъ,
И Поликсены смерть совѣтъ призналъ какъ долгъ,
Ахилла доблестямъ отъ Греціи платимой.
Гекуба, покорись судьбѣ неумолимой
И къ холму дочь свою со мною отпусти!

ГЕКУБА.

Неистовый Улиссъ, жестокій!... Ахъ, прости,
Прости моимъ словамъ! Въ несчастьи забываюсь,
Отъ лютой горести разсудка я лишаюсь,
И, рѣчь просительну не зная какъ начать,

Я начала тебя словами оскорблять!
Но помнишь ли, Улиссъ, минувшее то время,
Какъ полной славою цвѣло Трояньско племя,
Какъ соглядатаемъ ты вшелъ въ нашъ крѣпкій градъ?
Подъ рубищемъ тебя узналъ Еленинъ взглядъ:
Она мнѣ скрытаго Улисса указала,
И смерть уже тебя за хитрость ожидала.
Ты, бывъ введенъ ко мнѣ, къ ногамъ моимъ упалъ,
Дрожащею рукой моей руки искалъ,
Уста твои безъ словъ казались онѣмѣлы,
И слезный токъ кропилъ ланиты помертвѣлы.

УЛИССЪ.

Такъ, помню оный день, и жалости твоей
Обязанъ былъ тогда я жизнію моей.

ГЕКУБА.

Въ свою чреду, Улиссъ, ко мнѣ почувствуй жалость!
Зри немощь ты мою, плачевную зри старость,
Не удручай меня, вступися ты за насъ,
Иди къ вождямъ, возвысь краснорѣчивый гласъ!
Искуство языка давно въ тебѣ извѣстно.
Представь ты, славѣ ихъ какъ будетъ то безчестно,
Когда узнаетъ міръ, что гнѣвъ простерли свой
На дѣву слабую и яростной рукой
Ее во цвѣтѣ лѣтъ зарѣзали безщадно,
Чтобъ Пирра утолить отмщенье кровожадно!
Отмщенье! Но за что? И Поликсена въ чемъ
Виновной быть могла предъ грознымъ симъ вождемъ?
Она ль возжгла войну, народамъ толь тяжелу?
Она ль направила ту роковую стрѣлу,

Которою погибъ славнѣйшій вашъ герой?
Елены красота всему тому виной:
И Грековъ и Троянъ, раздвинутыхъ морями,
Враждой содвинула подъ нашими стѣнами,
Враждой толикихъ лѣтъ, отъ коей наконецъ
И Пирра лютаго великій палъ отецъ.
Когда жъ вселенная винитъ въ бѣдахъ Елену,
Почто наказывать хотите Поликсену?
Ей память и теперь Ахиллова мила;
И болѣ слезъ она надъ нею пролила,
Чѣмъ вашъ жестокій Пирръ пролилъ Троянской крови
На память мстительной сыновнія любови.
О вы, которые въ погибельную ночь,
Какъ съ смертью въ градъ втекли, мою щадили дочь,
Уже ль теперь ее погубите безбожно?

УЛИССЪ.

Гекуба, за нее вступиться мнѣ не можно,
Не измѣняя днесь и Грекамъ и богамъ.
Такъ, боги жертву въ ней указываютъ намъ,
Позволивъ, чтобъ Ахиллъ, свои собравши силы
И адъ преодолѣвъ, возникнулъ изъ могилы
И яркимъ голосомъ весь воздухъ вдаль потрясъ.
Божественный Ахиллъ, славнѣйшій мужъ изъ насъ,
Примѣръ геройства намъ и временамъ грядущимъ,
Останется ль вотще о жертвѣ вопіющимъ?
И славой будетъ ли нашъ воинъ вспламененъ,
Когда Ахилловъ прахъ увидитъ не почтенъ?
Ослабнутъ и падутъ и запустѣютъ грады,
Гдѣ мужъ съ заслугами оставленъ безъ награды

И гробомъ поглощенъ безъ почестпей и слезъ.
Великій человѣкъ народамъ даръ небесъ:
Полезна жизнь его и смерть и гробный камень,
Могущій возродить въ сердцахъ геройскій пламень.
Таковъ Ахиллъ намъ въ даръ безсмертными былъ данъ!
Лишь жертва изъявитъ признательность гражданъ:
Достойну жертву зрятъ они въ его невѣстѣ,
И смерти сей желать я долженъ съ ними вмѣстѣ,
Какъ гражданинъ прямый и такъ какъ вѣрный Грекъ.

ГЕКУВА.

Но, гражданиномъ бывъ, иль ты не человѣкъ?
Или желаніе угоднымъ быть народу
Способно заглушить въ душѣ твоей природу?
Иль Греки хвалятся жестокостью сердецъ?
Нѣтъ, нѣтъ: ты сжалишься, самъ будучи отецъ.
Любовь родителей къ изчадью повсемѣстна;
Свирѣпѣйшимъ звѣрямъ она въ лѣсахъ извѣстна:
И львица дѣтище стремится оберечь.
Представь себѣ, Улиссъ, когда бъ убійства мечь
Взнесеннымъ видѣлъ ты надъ сердцемъ Телемака
И блѣдность смертную его бъ увидѣлъ зрака:
Межъ сына и убійцъ стремился бъ вѣрно ты...
Но содрогаешься единыя мечты!
Ахъ, сыномъ сколько симъ ни дорожишь душею,
Могла ли бъ грусть твоя сравненной быть съ моею?
Лишившися его, твоя печальна грудь
Нашла бы съ кѣмъ еще отъ грусти отдохнуть;
Во славѣ и въ вѣнцѣ и лѣтъ блистая силой...
Коснуться до тебя не смѣлъ бы духъ унылой:

По сердцу счастливыхъ смерть ближняго скользитъ.
Но мнѣ ужъ дочери ничто не замѣнитъ:
Лишенная всего и сира во вселенной,
Останусь нищею въ разлукѣ съ Поликсеной;
И, можетъ быть, увы, надолго отъ небесъ
Скитаться суждено мнѣ въ сей юдоли слезъ!
Нѣтъ, горести еще не знала толь тяжелой
Ни въ тотъ ужасный день, какъ Гекторъ помертвѣлой,
Влекомъ чрезъ поприще своихъ предъ тѣмъ побѣдъ,
На нивахъ оставлялъ кровавый тѣла слѣдъ,
Ни въ ту безбожну ночь, въ котору Пирръ суровый
На грудь Пріамову низвергъ алтарь домовый
И въ сихъ развалинахъ убитаго сокрылъ:
Нѣтъ, рокъ меня тогда не столько поразилъ!

УЛИССЪ.

Теряю время здѣсь, внимая воплямъ тщетнымъ.
Гекуба, выдай дочь и жалуйся безсмертнымъ!

КАССАНДРА.

Жестокосердый Грекъ!...

ГЕКУБА *къ Кассандрѣ.*

Оставь просить меня:
Не раздражай его! *(Къ Улиссу.)* Въ отчаяньи стеня,
Къ твоимъ ногамъ, Улиссъ, съ слезами упадаю,
Отцемъ твоимъ, женой и сыномъ заклинаю,
И всѣмъ, что на землѣ ты любишь отъ души:
Лишеньемъ дочери меня не сокруши!
Она меня живитъ, покоитъ, утѣшаетъ;
При ней мой духъ бѣды часами забываетъ;
Отрада въ горести, защита слабыхъ дней,

Опора древнихъ лѣтъ... въ ней свѣтъ моихъ очей,
Въ ней жизнь моей души: услыши сиротливу!...
Но ты не внемлешь мнѣ, и руку торопливу
Рукою хладною ты хочешь оттолкнуть...
Ахъ, лучше поражай мою прискорбну грудь!
Будь жалостливъ еще среди ожесточенья
И съ жизнью тягостной скончай мои мученья!

ПОЛИКСЕНА, *оборотясь къ Гекубѣ и поднимая ее.*

О матерь, духъ сбери, и отъ колѣнъ возстань,
И унижать себя предъ Грекомъ перестань!
Какъ боги ни гнетутъ насъ гнѣвною десницей,
Воспомни, что была ты нѣкогда царицей,
Вдова Пріамова, кѣмъ Гекторъ былъ рожденъ,
Который лишь однимъ Ахилломъ побѣжденъ!
Докажемъ мы въ сей день предъ Греческой толпою,
Что Гектору ты мать, что я сестра герою,
Что бѣдства твердости съ души не могутъ стерть,
Что униженію предпочитаемъ смерть!
Смерть... ужасъ для всего, что бытіе имѣетъ,
Отъ мысли коей духъ и чувство цѣпенѣетъ!...
Улиссъ, иду съ тобой: указывай мнѣ путь
Туда, гдѣ я подъ ножъ должна подставить грудь!
Но чтобъ дорогою, котора мнѣ осталась,
Отнюдъ ничья рука ко мнѣ не прикасалась;
Свободной рождена, чтобы въ мой смертный часъ
Свободной я была оставлена отъ васъ.

(Къ Гекубѣ, становясь предъ нею на колѣна.)

Благослови меня послѣднимъ цѣлованьемъ!

Но духа моего ты не смущай рыданьемъ,
Слезами, коихъ я не въ силахъ отерепть!
Повѣрь, не стоитъ жизнь, чтобы о ней жалѣть.
И Гекторъ и Пріамъ и смертный сердцу милой,
Всѣ ждутъ меня ужъ тамъ, за темною могилой;
Тамъ мы увидимся. О матерь, отпусти,
Прости въ послѣдній разъ, и ты, сестра, прости!

ГЕКУВА, *обнимая и удерживая Поликсену.*

Ахъ, нѣтъ, не отпущу; съ тобой не разлучаюсь.

УЛИССЪ.

Васъ силой разлучить стеная принуждаюсь.
Вступите, воины!

(Нѣсколько воиновъ Улиссовыхъ входитъ.)

КАССАНДРА.

Что вижу!

ГЕКУВА *къ Улиссу.*

Повели,
Чтобы обѣихъ насъ на смерть они влекли;
Не выдамъ дочери.

ПОЛИКСЕНА.

Щади свою ты старость!
Упорствомъ только симъ ихъ оправдаешь ярость.
Не дай увидѣть мнѣ твоихъ терзаній, мукъ,
На раменахъ твоихъ иноплеменныхъ рукъ!

ГЕКУВА.

Не выдамъ я тебя.

ПОЛИКСЕНА.

Услышь хоть дочь смущенну!

ГЕКУБА.

Нѣтъ, нѣтъ: не выдаю.

УЛИССЪ *къ воинамъ.*

Возмите Поликсену!

(Воины бросаются и разлучаютъ Гекубу съ Поликсеною.)

ГЕКУБА.

О Гекторъ, о мой сынъ, гдѣ ты, гдѣ ты въ сей часъ!
Ахъ, мертвъ... далеко ты... теряется мой гласъ!

(Упадаетъ въ объятія Кассандры.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И АГАМЕМНОНЪ.

АГАМЕМНОНЪ, *входя поспѣшно.*

Что слышу, что за вопль... Улиссъ! *(Къ воинамъ.)* Остановитесь
И далѣе вести добычу устрашитесь!
А ты скажи, Улиссъ, мою забывшій честь,
Какъ смѣлъ ты въ мой шатеръ толпу сихъ воевъ ввесть
И буйну наглость ихъ противъ меня подвигнуть?
Какъ самъ осмѣлился доселѣ ты достигнуть
Въ отсутствіе мое, гдѣ жены лишь однѣ,
И возмущать покой прибѣгнувшихъ ко мнѣ?
Въ обидѣ отъ тебя я требую отвѣта.

УЛИССЪ.

Ты знаешь, государь, что съ общаго совѣта
Гекубы дочь отъ насъ быть жертвой суждена
И смертью увѣнчать Ахилловъ гробъ должна.
Мнѣ Пирромъ порученъ...

АГАМЕМНОНЪ.

Лаэршовъ сынъ, довольно!
Я Пирра узнаю насильство своевольно.
Онъ швой премудрый умъ дарами ослѣпилъ,
И съ воли шы его въ шашеръ ко мнѣ вступилъ.
Благоразуміемъ Улиссъ ведомый вѣчно,
Возврата моего дождался бы конечно,
Когда бы Пирровъ духъ не дѣйствовалъ надъ нимъ.
И, можетъ быть, тогда симъ воинамъ твоимъ
Рѣшился бъ выдать я несчастну Поликсену,
Зря всѣхъ противъ нея: народъ, вождей, Елену,
И браша моего, кого супруги рѣчь
Удерживаетъ днесь принять защитный мечь.
Но послѣ наглости, толико мнѣ обидной,
Подумаетъ весь станъ, что слабостью постыдной
Я принужденнымъ былъ вамъ жертву отпустить.
Сей дерзновенный Пирръ предъ симъ мнѣ смѣлъ грозить,
Что и Кассандру онъ изъ рукъ моихъ отниметъ:
Пускай сестру ея онъ взять отсель предприметъ!

(Взявъ Поликсену отъ воиновъ, отдаетъ ее Гекубѣ.)

Прерви, Гекуба, плачь! Я днесь защитникъ вашъ.

КАССАНДРА.

Великодушный царь!

ГЕКУБА.

Благій спаситель нашъ!

УЛИССЪ.

Помысли, государь, что, сей обрядъ надгробный
Остановивъ, возжешь раздоръ междоусобный;
Не Пирра оскорбишь, но прахъ его отца:

Къ нему и мертвому всѣ преданы сердца;
Ахиллъ ихъ божество, и раздраженны Греки
За честь его въ сей день прольютъ кровавы рѣки.

АГАМЕМНОНЪ.

Не убоюсь грозы; хотя бы самъ Ахиллъ,
Изъ гроба нынѣ вставъ, мятежнымъ предводилъ,
Я буду ждать его и вспять не обращуся:
Съ живымъ я распрю велъ, и тѣни ль устрашуся!
Иди, Улиссъ, къ вождямъ: ты можешь имъ донесть,
Что жертву отпустить мнѣ запрещаетъ честь!

УЛИССЪ.

Предвижу бѣдственны сей новой распри дѣйства.

(Улиссъ и воины уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, кромѣ УЛИССА.

АГАМЕМНОНЪ *къ Троянкамъ.*

Остатки горестны Пріамова семейства,
Спокойтесь наконецъ и ободрите духъ!
Я нынѣ докажу, что вамъ остался другъ,
И, бывъ виновникомъ паденья Иліона,
Хочу заставить васъ любить Агамемнона.
Кассандра, проводи ко своему шатру
И матерь слабую и юную сестру;
А я межъ тѣмъ иду отряды войскъ устроить,
Чтобъ Пирру, коль придетъ, здѣсь встрѣчу приготовить.

ГЕКУБА *къ Агамемнону.*

Благословенъ, о царь, безсмертными ты будь!

КАССАНДРА *къ Агамемнону.*

Великодушіе вѣрнѣйшій къ сердцу путь.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Происходитъ во станѣ Агамемнона передъ его шатрами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛИКСЕНА и КАССАНДРА, *выходя изъ шатра.*

КАССАНДРА.

Межъ тѣмъ, какъ въ семъ шатрѣ, сномъ тихимъ осѣненна,
Забылась временно Гекуба утомленна,
Скажи ты мнѣ, сестра, почто прискорбный видъ
Средь свѣтлыхъ намъ надеждъ чело твое мрачитъ?
Унынія души примѣты молчаливы
Страшнѣе мнѣ въ тебѣ, чѣмъ горести порывы,
Являютъ болѣе отчаянье твое.
Иль сомнѣваешься, чтобъ слово могъ свое
Агамемнонъ сдержать предъ яростью Ахейской
И отъ главы твоей отвесть ихъ мечь злодѣйской?

ПОЛИКСЕНА.

Нѣтъ, въ царской благости не сомнѣваюсь я;
Но болѣ благость та страшитъ теперь меня.
Предвижу, какъ Улиссъ... несчастный рядъ послѣдствій...
И должно ожидать отъ распри новыхъ бѣдствій.

КАССАНДРА.

На что же сѣтуешь? Пусть Греки въ распрѣ сей
Усѣютъ трупами пространство сихъ полей,
И пусть симъ зрѣлищемъ убійства межъ собою

Упѣшашь наконецъ въ огнѣ спенящу Трою!

ПОЛИКСЕНА.

Ахъ, спрастью мщенія и нѣжностью къ роднымъ
Ты днесь ослѣплена съ предвидѣньемъ твоимъ!
Война, въ которую влечемъ Агамемнона,
Въ сей день послѣднихъ чадъ поглотитъ Иліона,
Послѣдней кровью ихъ упьется здѣшній брегъ,
По коему простеръ пустыню лютый Грекъ.
И оставшихъ Троянъ погибели виною...
Я жизнь мою куплю кровавой сей цѣною!
Сестра, достойная тому, чья буйна страсть
Свершила до конца отечества напасть,
Я уподоблюся виновному Париду,
И такъ какъ онъ во гробъ съ проклятіями сниду!
Нѣтъ, лучше смерть, какъ мысль объ оной ни страшна!
Но что я говорю? Страшиться ли должна,
Когда я смерть мою угодной зрю Ахиллу,
Когда женихъ зоветъ меня въ свою могилу?
Такъ нѣкогда, во дни надеждъ твоей сестры,
Онъ звалъ меня въ свои торжественны шатры.

КАССАНДРА.

Но чудомъ въ ночь сію Ахиллъ гласившій мертвой,
Назначилъ ли тебя надгробною быть жертвой?
Троянки требовавъ, онъ имя умолчалъ,
И Пирръ, жестокій Пирръ, тебя на смерть избралъ.
Престань мечтою сей крушиться добровольно!

ПОЛИКСЕНА.

Троянки требовалъ: сего ли не довольно,
Чтобъ выборъ жениха мнѣ сердцемъ предузнать?

По комъ изъ насъ въ гробу онъ можетъ воздыхать?
Въ живыхъ еще ему суждена быть супругой...
Кому, когда не мнѣ, быть мертвому подругой?
Кто болѣе меня любить его могла?
Кто болѣе меня поднесь ему мила?

КАССАНДРА.

Ему мила... и, въ знакъ любови несомнѣнной,
Онъ хочетъ слышать стонъ невѣсты обрученной,
Послѣдній, тяжкій вздохъ, что острый долженъ мечь
Изъ груди съ жизнію возлюбленной извлечь,
Изъ груди, кою ты по немъ тоской томила:
Вотъ нѣжный знакъ любви свирѣпаго Ахилла!

ПОЛИКСЕНА.

Не осуждай его! Изъ гробной глубины
Онъ зритъ, что на землѣ мнѣ нѣтъ ужъ тишины,
Мнѣ нѣтъ уже отрадъ и нѣтъ надежды болѣ;
Что долѣе мнѣ жить, страдать лишь только долѣ,
Сгарая отъ огня снѣдающей любви,
Ліющейся въ моей волнуемой крови.
Сей огнь, сей даръ благій живительной природы,
Сушитъ безвременно мои весенни годы,
И отъ него, увы, ни тихій вечеръ дня,
Ни утро раннее не прохладятъ меня!
Ахиллъ, ты видишь то, и, самъ стеня въ разлукѣ,
Дѣля мою тоску, томяся въ равной мукѣ,
Ты отверзаешь мнѣ гробницу на покой,
Гдѣ бъ смерть вѣнчала насъ изсохшею рукой!
Но рокъ, намъ брачну пѣснь перемѣнившій въ стоны,
Къ союзу смерти вновь воздвигнулъ намъ препоны

И, новымъ ужасомъ мою смущая грудь,
Во гробъ отрадный твой мнѣ заграждаетъ путь.

КАССАНДРА.

И такъ, къ Ахиллу ты стремяся мыслью страстной,
Не остановишься надъ матерью несчастной?

ПОЛИКСЕНА.

Что говоришь? Увы, и въ сей печальный часъ
Ея просительный отчаянія гласъ
Еще въ моей душѣ стенаньемъ раздается!
Въ волненьи разныхъ чувствъ на части сердце рвется.
О матерь нѣжная, о названный супругъ,
Вы раздираете колеблемый мой духъ!
Съ Ахилломъ я зову моей кончины время,
Чтобы скорѣй сложить тоскливой жизни бремя;
Хочу на холмъ его главу мою отнесть,
Смиренно тамъ ее предать въ надгробну честь,
Сей смертью жертвенной въ потомствѣ холмъ прославить,
И память тяжкую любви на немъ оставить.
Но коль воображу стенящую въ слезахъ
Гекубу предо мной по смерти: хладный страхъ
Въ мои преносится трепещущія жилы;
Весь ужасъ и весь мракъ моей глухой могилы
Вкругъ скорбной матери я вижу въ тѣ часы,
И надъ челомъ моимъ вздымаются власы.
О матерь, чья любовь мое растила дѣтство,
Покину ль я тебя, какъ немощи и бѣдство
Печалью облекли дни старости твоей,
Что льстилась ты провесть средь радости дѣтей!
Ихъ нѣтъ, ихъ всѣхъ унесъ вѣтръ бурный злополучій:

Такъ валъ сердитый рветъ брегъ слабый и сыпучій,
О матерь, на землѣ одна теперь съ тобой,
Покинувши ль тебя, укроюсь на покой?
Нѣтъ, нѣтъ... Но если Пирръ, алкая токовъ кровныхъ,
Обрушитъ нынѣ гнѣвъ надъ сонмомъ безпокровныхъ
И погруженныхъ въ плачь Троянскихъ дѣвъ и женъ,
Надъ Гектора вдовой, котору строгій плѣнъ
Къ колесамъ приковалъ кровавой колесницы
Сего жестокаго Пріамова убійцы,
Могу ли жизнь сносить и слышать вопль вдали
Невинныхъ оныхъ жертвъ Фригійскія земли,
Которыхъ за меня суровый Пирръ погубитъ?
Ахъ, мысль сія во мнѣ отчаянье сугубитъ!

КАССАНДРА.

Не плачь, не плачь, сестра, о Гектора вдовѣ!
Готовятъ боги въ ней казнь Пирровой главѣ
И, Андромахи видъ ущедривъ красотою,
Скрываютъ въ сей женѣ ихъ мщеніе за Трою,
Коль должно вѣрить мнѣ предчувствіямъ моимъ.
Но шумъ... Се царь идетъ, и Пирръ и Несторъ съ нимъ;
Укроемся въ шатеръ!

(Поликсена и Кассандра уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АГАМЕМНОНЪ, ПИРРЪ и НЕСТОРЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Съ почтеньемъ къ древнимъ лѣтамъ
Всегда я, Несторъ, слухъ склонялъ къ твоимъ совѣтамъ,

И съ сожалѣніемъ въ сей первый нынѣ разъ
Я мудрости твоей отвергнуть долженъ гласъ,
Отъ имени вождей вотще меня просящій.
Атреевъ свѣтлый родъ, отъ Зевса исходящій,
Не унижался ввѣкъ прощеніемъ обидъ,
Нѣтъ, и чело мое покроетъ вѣчный стыдъ,
Когда, просительницъ права межъ насъ священны
Наруша, выдамъ жизнь несчастной Поликсены.
Обида, кою въ ней дерзнули мнѣ нанесть,
Съ ея спасеніемъ мою связуетъ честь.

НЕСТОРЪ.

Я знаю, что съ души могущаго Атрида
Одною местію стирается обида,
И оному примѣръ, и оному слѣды
Потомки поздные искать придутъ сюды;
Они увѣрятся надъ пепломъ Иліона,
Какъ сокрушителенъ былъ гнѣвъ Агамемнона!
Но тѣ ли, государь, которы помогли
Опустошеніемъ Фригійскія земли
Знаменовать сей гнѣвъ и мщенье справедливо,
Которы за тебя сносили терпѣливо
Чрезъ десять лѣтъ труды и бѣдствія войны
Предъ гордой твердостью Троянскія стѣны,
Мечтавшей о себѣ быть ввѣкъ неодолимой,
Которы, удалясь отъ родины любимой,
Стремилисъ кровь свою на сихъ брегахъ пролить,
Тѣ ль могутъ помышлять Атрида оскорбить?
Улиссъ, въ твои шатры отрядъ приведшій воевъ,
Усердіе тебѣ не разъ являлъ средь боевъ,

И въ думахъ преданъ былъ тебѣ его языкъ;
Того ль обидитъ днесь, кого онъ чтить привыкъ?
Но Пирра ты винишь: и Пирръ великодушный,
Къ прошенію вождей склонившійся, послушный,
Для оправданія предсталъ передъ тебя.

ПИРРЪ.

Не буду я, Атридъ, оправдывать себя;
Кто по дѣяніямъ неробкій духъ измѣритъ,
Кто знаетъ лишь меня; конечно не повѣритъ,
Чтобъ, истинно кого замысливъ оскорбить,
Другому бы я могъ обиду поручить.
Не удержала бы ни власть твоя, ни сила:
Отъ Зевса крови ты, но я, я сынъ Ахилла
И, славой облеченъ, оставленной отцемъ,
Не трепеталъ еще предъ смертнаго лицемъ;
Съ оружіемъ въ рукахъ и съ войскомъ въ слѣдъ за мною,
Къ обидѣ бы пришелъ бесѣдовать съ тобою.
Но съ кроткимъ Несторомъ и безоруженъ я,
Какъ мирный гражданинъ, предсталъ передъ тебя.
Предлога, о Атридъ, ты не имѣешь болѣ,
Съ чего бъ противиться всеобщей Грековъ волѣ,
И ту Троянску дщерь скрывать въ своихъ шатрахъ,
Которую на смерть зоветъ Ахилловъ прахъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Не ты ль, безстрашный Пирръ, хвалился предо мною,
Что и сестру ея насильственной рукою
Отымешь у меня? Такъ кто жъ повѣритъ здѣсь,
Что мудрый вашъ Улиссъ, толь скромный бывъ доднесь,
Не съ словъ твоихъ привелъ толпу вооруженну,

Въ намѣреньи отсель исхитить Поликсену,
На смерть жестокую влачить ее чрезъ станъ,
И взорамъ доказать дивящихся гражданъ,
Что Пирровой руки не избѣжать несчастны,
Что и мои шатры для нихъ не безопасны,
Что не даешь нигдѣ имъ время отдохнуть?

ПИРРЪ.

Или твои шатры, какъ храмы, святы суть,
Отколь нельзя извлечь ко смерти осужденныхъ?

АГАМЕМНОНЪ.

Шатеръ или чертогъ, гдѣ бѣдствомъ удрученныхъ
Покоитъ и хранитъ царь благостью своей,
Пріемлютъ съ скорбными всю святость алтарей;
Ихъ кровъ быть долженъ чтимъ, какъ кровъ священный храма.

ПИРРЪ.

Ты въ правѣ ль былъ принять подъ кровъ сей дочь Пріама,
Которой смерть должна спасти Ахейску рать?

АГАМЕМНОНЪ.

Ты былъ ли въ правѣ самъ ее на смерть избрать?
Какій небесный гласъ, какое прорицанье
Предписываютъ намъ царевны сей закланье?
Но и хотя бъ они глаголами жреца
Велѣли твоего умершаго отца
Прахъ кровью упоить и неповинну дѣву
На жертву несть его неугасиму гнѣву;
То и тогда бы, Пирръ, я усомниться могъ,
Что въ сихъ словахъ жреца скрывается подлогъ.
Не боги въ благости ко смертнымъ безконечной
Могли намъ повелѣть обрядъ безчеловѣчной.

ПИРРЪ.

Невѣрующій царь! Какихъ же отъ небесъ
Для подтвержденія ты требуешь чудесъ,
Когда здѣсь всѣ мѣста ихъ чудесами полны?
Когда затихшій вѣтръ и спящи въ морѣ волны
Съ ихъ воли путь претятъ къ отчизнѣ намъ своей
И сочетали насъ съ пустынной сей землей;
Когда по волѣ ихъ Ахиллъ, возставши мертвой,
Велитъ свой славный гробъ почтить Троянки жертвой;
Когда природы всей нарушенъ нынѣ чинъ:
Невѣрующимъ здѣсь останешься ль одинъ?
Героя ли забывъ и доблесть и заслуги,
Ему откажешь въ даръ тѣнь избранной супруги?

АГАМЕМНОНЪ.

Къ заслугамъ ли причесть число Ахилла дней,
Которы онъ провелъ средь черныхъ кораблей,
Въ дремотѣ праздности, героя недостойной,
Свой упражняя духъ во звукахъ лиры стройной? *)
Въ которы Гекторъ дни, какъ съ горъ низшедшій левъ,
Крушительной стопой носилъ по нивамъ гнѣвъ,
Тѣснилъ Ахеянъ рать въ своемъ стремленьи яромъ
И Грекамъ угрожалъ обьять суда пожаромъ **)
(Едва онъ не покрылъ обломками судовъ
Моря, пролитыя до Греческихъ бреговъ,
Которы бъ окружилъ печалью и позоромъ);
Но къ намъ безъ жалости и равнодушнымъ взоромъ
Ахиллъ тѣ бѣдства зрѣлъ: Патрокла смерть одна

*) Иліады пѣснь IX.
**) Тамъ же пѣснь XVI.

Могла въ немъ мужество воздвигнуть ото сна;
За друга вышелъ мстить, не за сыновъ Эллады.
Такъ пусть заслугамъ симъ онъ требуетъ награды
Отъ спарцевъ Греціи и отъ сиротъ и вдовъ,
Оплакивающихъ супруговъ, чадъ, отцовъ,
Которыхъ Гекторъ здѣсь повергъ на ратномъ полѣ!

ПИРРЪ.

Но Греція кого должна винить въ томъ болѣ?
Не ты ли самъ призвалъ въ Ахейскій станъ раздоръ?
Не ты ль, завистливый къ Ахиллу бросивъ взоръ,
Предъ цѣлымъ воинствомъ явилъ ему обиду,
Похитивъ у него прекрасну Бризеиду,
И тѣмъ прервалъ въ поляхъ его геройскій бѣгъ?
Не лична месть влекла отца на здѣшній брегъ.
Троянинъ, вышедшій отъ пристаней Фригіи,
Дерзалъ ли приставать къ тѣнистымъ скаламъ Фтіи?
Дерзалъ ли увозить чрезъ шумну зыбь морей
Прельщенныхъ нашихъ женъ, иль слабыхъ дочерей?
Ахиллъ за честь твою, въ Еленѣ оскорбленну,
Пришелъ въ сію страну, для насъ иноплеменну;
Пришелъ въ крови Троянъ омыть Атридовъ стыдъ,
Что въ Спартѣ по себѣ оставилъ вамъ Паридъ.
Кто, болѣе отца, нанесъ врагамъ ударовъ,
Пролилъ на нихъ убійствъ, распространилъ пожаровъ,
И градовъ низпровергъ и храбрыхъ низложилъ?
На выю Гектора кто съ смертью наступилъ?
Но подвиги его самъ тайно въ сердцѣ числишь,
Хоть явно унижать ты ихъ предъ нами мыслишь,
И тщетно думаешь лишить его въ сей день

Той чести, коей здѣсь его алкаетъ тѣнь.
Безсмертной славою поклялся я Ахиллу
Троянки кровію почтить его могилу;
Великій Юпитеръ обѣтъ услышалъ мой,
И жертву я найду и долгъ исполню свой.

АГАМЕМНОНЪ.

Великій Юпитеръ мольбамъ убійцъ не внемлетъ
И кровожадныхъ клятвъ отъ смертныхъ не пріемлетъ;
Но лучше онъ въ сей часъ услышитъ мой обѣтъ:
Клянуся, что, доколь зрѣть буду солнца свѣтъ,
Доколѣ не сойду къ сырой землѣ въ утробу,
Не допущу влачить Гекубы дочь ко гробу,
И пусть могущій Зевсъ залогомъ приметъ въ томъ
Дѣтей, которыми благословилъ мой домъ.
Свершай, коль смѣешь, Пирръ, свой долгъ неправосудной!

ПИРРЪ.

Удержишь ли меня сей клятвой безразсудной?
Коль должно, кровью вновь залью сіи мѣста.

НЕСТОРЪ.

О какъ, Агамемнонъ, могли твои уста
Произнести обѣтъ, для Грековъ толь ужасной?
Ты жизнь дѣтей связалъ со днями той несчастной,
Чья смерть возвратный путь судамъ отверзть должна.
Прости, о праотцевъ священная страна!
Вотще вершины горъ огнями возвѣстили,
Что подвигъ съ славою сыны твои свершили;
Вотще твой алчный взоръ, съ ликующихъ бреговъ
Простертый по водамъ, ждетъ радостныхъ судовъ:
Бреговъ тѣхъ счастливыхъ уже мы не достигнемъ

И здѣсь въ землѣ чужой безвременно погибнемъ.

ПИРРЪ.

Нѣтъ, не погибнемъ мы; но горе тѣмъ однимъ,
Которы надъ отцемъ ругаются моимъ;
И горе плѣнницамъ, оставшимся отъ Трои,
И коихъ въ ночь убійствъ мои щадили вои!
Пойдемъ, Пилосскій царь, на тотъ надгробный холмъ,
Гдѣ ожидаетъ насъ вождей усердныхъ сонмъ:
Тамъ возвѣщу я имъ отказъ Агамемноновъ
Чрезъ общій плачь и вопль и чрезъ смѣшенье стоновъ,
Которы извлеку закланьемъ плѣнныхъ женъ.
Пускай Ахилловъ холмъ, тѣлами отягченъ,
Воспламенитъ сердца враждой къ Троянамъ новой;
Пусть Грекамъ возвратитъ ихъ прежній духъ суровой,
Чтобъ не щадилъ ихъ мечь ничьей въ сей день главы!
Убійства тамъ начну я съ Гектора вдовы,
И Ѳессалійску рать, сей кровью обагренну,
Я приведу искать сокрыту Поликсену.

(Уходитъ.)

НЕСТОРЪ.

О призри, Юпитеръ, на Греческихъ сыновъ!

(Уходитъ.)

АГАМЕМНОНЪ *во слѣдъ имъ.*

Идите: васъ принять я буду здѣсь готовъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

АГАМЕМНОНЪ и ГЕКУБА.

ГЕКУБА.

Къ твоимъ ногамъ опять мои несу я слёзы.
Изъ глубины шатра я слышала угрозы,
Которы Пирру здѣсь внушилъ порывный гнѣвъ.
О государь, спаси Троянскихъ женъ и дѣвъ,
И Гектора вдову: пошли меня ко гробу!
Пускай Ахилловъ сынъ свою насытитъ злобу
Моею кровію, отъ коей былъ рожденъ
Неистовый Паридъ, причина всѣхъ измѣнъ,
Источникъ слезъ Троянъ, виновникъ бѣдствій Грековъ,
И возбудившій месть боговъ и человѣковъ;
Пускай ко мнѣ въ сей день достойно Пирръ суровъ
Отмщаетъ надо мной за смертныхъ и боговъ!
Не дай ты мнѣ дожить до горести сугубой,
Какъ воины его, представъ передъ Гекубой,
На копьяхъ принесутъ отторженны главы
Закланныхъ дѣвъ и женъ и Гектора вдовы;
Какъ придутъ, чтобъ меня рукой окровавленной
Навѣки разлучить съ печальной Поликсеной!

АГАМЕМНОНЪ.

За Поликсену ты спокойна сердцемъ будь!
Для Пирра въ станѣ семъ устроенъ мною путь
Чрезъ тысячи мечей: пусть оные притупитъ
Предъ тѣмъ, какъ съ воинствомъ до сихъ шатровъ доступитъ,
И, можетъ быть, что самъ ту смерть найдетъ скорѣй,
Которою грозитъ онъ дочери твоей.

Надѣюсь твердо я на воиновъ усердныхъ,
А болѣ на боговъ, къ несчастнымъ милосердыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

АГАМЕМНОНЪ, ГЕКУБА и нѣсколько военачальниковъ агамемноновыхъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВЪ.

Явися, государь, и удержи гражданъ,
Которы Пирру въ слѣдъ твой покидаютъ станъ
И устремляются на оный холмъ надгробный,
Подъ коимъ сокровенъ Ахиллъ богоподобный.
Межъ тѣмъ, какъ съ Несторомъ и съ Пирромъ здѣсь одинъ
Ты думу продолжалъ, Лаэртовъ хитрый сынъ,
Пришедшій къ воинамъ Аргоса и Микены,
Возколебалъ въ нихъ духъ сомнѣніемъ измѣны;
Представилъ, что Ахиллъ, оставленный безъ жертвъ,
Пылаетъ яростью, хотя давно ужъ мертвъ;
Что въ ярости его участвуютъ и боги
И къ отческой землѣ сомкнули намъ дороги.
Несите, имъ вѣщалъ, на холмъ свои мольбы,
Чтобъ премѣнилъ Ахиллъ къ намъ гнѣвныя судьбы,
Соединитесь тамъ на жертвоприношенье,
Которымъ хочетъ Пирръ загладить преступленье,
Когда желаете отцевъ увидѣть градъ,
Обнять своихъ супругъ, лелеять вашихъ чадъ!
Отъ сихъ рѣчей въ рядахъ возникнулъ ропотъ шумной;
Большая воевъ часть въ ретивости безумной
Бѣжитъ на гробъ, чтобъ зрѣть кровавый тамъ обрядъ,

И ужъ немногіе свой долгъ къ тебѣ хранятъ.

АГАМЕМНОНЪ.

И сихъ немногихъ я туда жъ вести намѣренъ.
Пусть слѣдуютъ за мной, кто мнѣ остался вѣренъ!
Намъ ждать ли, чтобы Пирръ, къ вѣнчанью дерзкихъ дѣлъ,
Въ покинутый мой станъ съ оружіемъ пришелъ,
Извлекъ изъ сихъ шатровъ дрожащу, полумертву,
Безбожно имъ самимъ назначенную жертву,
И тѣни надо мной представилъ торжество!
Нѣтъ, нѣтъ: остановлю кроваво празднество,
Разрушу жертвенникъ и до подошвы срою
Сей холмъ, воздвигнутый свирѣпому герою.
Пойдемъ, о храбрые, слѣды гробницы стерть!
Гекуба, можетъ быть, отмщу Пріама смерть.

(Агамемнонъ и военачальники уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГЕКУБА *одна.*

Куда стремится онъ? О вы, могущи боги!
Иль не престанете къ несчастливой быть строги?
Иль, старость тяжкую составивъ мнѣ изъ бѣдъ,
Ихъ всюду проливать за мной хотите въ слѣдъ?
Едва я здѣсь: и зрю вокругъ царя измѣну.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ГЕКУБА и КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Приди уговоришь печальну Поликсену,
Ея отчаянье любовію развлечь;
Увы, послѣдняя Агамемнона рѣчь,
Намѣренье срыть холмъ, подъ коимъ прахъ любезный,
Сугубятъ грусть ея и токъ сугубятъ слезный!
Спѣши, о матерь, къ ней! Боюся, чтобъ сестра
Не сокрушила насъ побѣгомъ изъ шатра
И не ушла спасать и гробъ и честь Ахилла.

ГЕКУБА.

О смерть, почто меня ты на землѣ забыла!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Происходитъ близъ могильнаго холма, при которомъ происходило первое дѣйствіе; передъ холмомъ поставленъ жертвенникъ; на немъ лежитъ ножъ закланій.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГРЕЧЕСКІЕ ВОЖДИ, ЖРЕЦЫ И ГРАЖДАНЕ.

ХОРЪ ГРАЖДАНЪ.

Ахиллъ, богини дивный сынъ!
Достойну честь прими въ сей тризнѣ,
Смягчи суровый гнѣвъ судьбинъ
И разрѣши намъ путь къ отчизнѣ!

*

Не допусти въ пустынѣ сей
Твоихъ сподвижниковъ погибнуть;
Но дай намъ съ славою твоей
Бреговъ отеческихъ достигнуть!

*

Пусть, славѣ сей отъ насъ внемля,
Ростутъ въ геройствѣ чада Грековъ,
И пусть пребудетъ ихъ земля
Землей великихъ человѣковъ!

ОДИНЪ ИЗЪ ВОЖДЕЙ.

Граждане, къ симъ мѣстамъ Ахилловъ сынъ идетъ;
Но, горе, жертвы онъ сужденной не ведетъ!

Рис. П. Иванов — Гр. М. Иванов

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕЖНІЕ, ПИРРЪ, НЕСТОРЪ И ТОЛПА НАРОДА.

ПИРРЪ.

Нѣтъ, Греки, не веду я жертвы вамъ завѣтной,
И вы надеждою ласкались нынѣ тщетной,
Считая, что Атридъ, смиря свой гордый духъ,
Троянку выдастъ мнѣ, котору ждетъ супругъ
Во гробѣ, жаждущій ея потоковъ крови
И пламенемъ томимъ отмщенья и любови!
Но мало, что Атридъ въ шатрахъ сокрылъ теперь
Ахиллу данную самимъ Пріамомъ дщерь,
Поднесь еще къ нему храня вражду неправу;
Великихъ дѣлъ его умалить хочетъ славу:
Заслугъ не признаетъ, бездѣйствіемъ винитъ,
И празднымъ наконецъ Эллады сыномъ чтитъ.
Ахъ, это болѣе мою сугубитъ ярость!
Когда родитель мой, презрѣвъ глубоку старость,
Средь неизвѣстности въ дому своихъ отцовъ
Сужденную ему пророчествомъ боговъ,
Отважно предпочелъ полетомъ скоротечнымъ
Путь жизни сократить, и въ памяти быть вѣчнымъ,
И смертью раннею дни краткіе вѣнчать,
Придавъ дѣлами имъ безсмертія печать;
Когда залога ждетъ сей славы лучезарной:
Порочитъ оную Атридъ неблагодарной.
Едва отъ ярости предъ вами слезъ не лью.
Но нѣтъ, родитель мой, за честь въ сей день твою
Не слезы долженъ лить, но крови токъ обильный;

И въ спрахъ швоимъ врагамъ хочу сей холмъ могильный
Кострами обложишь изъ грудъ закланныхъ шѣлъ
Троянокъ, коихъ плѣнъ подъ власшь мою привелъ.
Прими шы оныхъ жершвъ кроваво приношенье,
Доколѣ грудь мою палящее отмщенье
Изъ рукъ Апридовыхъ не выревшъ жершвы шой,
По коей праведно здѣсь прахъ шоскуешъ швой;
Доколь симъ накажу Апридовъ духъ кичливой.
Хошя бы въ яросши, шоль нынѣ справедливой,
Мнѣ довелося здѣсь брань новую возжечь
И снова упоишь убійсшвами мой мечь:
Безъ жершвы сей въ мой домъ не ошплыву спокойный.

НЕСТОРЪ.

Ошважный, храбрый Пирръ, родишеля досшойный!
Кшо между Греками осудишъ нынѣ месшь,
Снѣдающу шебя? Тошъ сынъ, кошорый чесшь
Умершаго ошца въ презрѣнье попускаешъ,
Подъ клятвою боговъ до срока погибаешъ.
Апpriду ошомщай, хошя сердца гражданъ
И возсшенаюшъ днесь, Ахейскій видя сшанъ
Междоусобіемъ на часши раздѣленной
И ушопающій въ крови одноплеменной!
Но пылкій юноша, уже ль просшрешь свой гнѣвъ
На плѣнныхъ женъ Троянъ, на ихъ невинныхъ дѣвъ?
Жесшокосшь безъ границъ души свирѣпой свойсшво,
И милосердіемъ красуешся геройсшво.

ПИРРЪ.

Надменной Трои дщерь несчасшною виной
Погибели ошца подъ здѣшнею сшѣной,

И месть еще его не изцѣлил ану;
А я Троянску кровь щадить предъ вами стану?
Къ Пелею повезу остатки тѣхъ племенъ,
Межъ коихъ сынъ его былъ жертвою измѣнъ?

(Указывая на ножъ, лежащій на жертвенникѣ.)

Ахъ, нѣтъ, сей долженъ ножъ, священный ножъ закланій,
Вкругъ холма воздухъ весь наполнить ихъ рыданій,
Чтобы ихъ смерти вопль раздался и въ гробахъ,
И съ радостью ему внималъ Ахилловъ прахъ!

(Видя Троянокъ, выводимыхъ воинами.)

Но плѣнницъ ужъ ведутъ къ судьбѣ опредѣленной.

НЕСТОРЪ.

Съ другой страны Атридъ спѣшитъ вооруженной.

ПИРРЪ, *переходя въ ту сторону театра, съ которой видѣнъ его шатеръ.*

Оружье дайте мнѣ: оно рѣшитъ нашъ споръ.

НЕСТОРЪ.

Прерви, о Троя, плачь, зря нынѣ сей раздоръ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, АГАМЕМНОНЪ, ВОИНЫ АГАМЕМНОНОВЫ, ПЛѢННЫЯ ТРОЯНКИ И ВОИНЫ ПИРРОВЫ.

АГАМЕМНОНЪ.

Что мыслите начать, о Греки малодушны?
Иль, гласу Пиррову въ безуміи послушны,
Невинныхъ, слабыхъ женъ губить хотите вы
И, призывая громъ небесный на главы,
Злодѣйствомъ увѣнчать вашъ подвигъ, полный славы,

И человѣчества нарушить нынѣ правы?

ПИРРЪ.

Отвѣта требуя, самъ Грекамъ дай отчетъ!
Скажи, Агамемнонъ, что право подаетъ
Тебѣ удерживать обручницу Ахилла,
Которую на бракъ зоветъ сія могила,
И коей смерть рѣшилъ всеобщій судъ вождей?
Предъ ними повтори обиду тѣхъ рѣчей,
Которыми отца ты поносилъ при сынѣ;
И дерзостію словъ ты ихъ увѣрь въ причинѣ,
Повелѣвающей мнѣ взять отмщенья мечь
И дальный нашъ раздоръ сраженіемъ пресѣчь!

АГАМЕМНОНЪ.

Не можешь знать еще въ твои младыя лѣта,
Что и Ахиллу въ жизнь я не давалъ отвѣта
Въ моихъ дѣяніяхъ; такъ сыну ли его
Причины обьясню поступка моего?
Пускай пріемлетъ мечь твоя рука толь смѣла:
Во мнѣ не встрѣтишь ты Пріама престарѣла.
Но прежде оный холмъ быть долженъ мною срытъ;
Напоминаетъ онъ Ахилла смерть и стыдъ,
Его простертаго предъ юной Поликсеной,
Хвалящагося ей своею намъ измѣной
И упоеннаго очей ея огнемъ.
О Греки, сей ли гробъ вамъ служитъ алтаремъ?
И устрашенные видѣніемъ ничтожнымъ
Хотите празднествомъ почтить его безбожнымъ!
Ахъ, жалости внемли часть мудрая граждань,
И сроемъ памятникъ союзника Троянъ!

ПИРРЪ, *принявъ оружіе отъ воина, принесшаго мечь и щитъ, устремляется на холмъ.*

Приди же, и, гробницъ ругаяся святынѣ,
Карателя во мнѣ найдешь своей гордынѣ;
И боги мстительны, блюстители гробовъ,
Оружью моему даруютъ свой покровъ!

АГАМЕМНОНЪ.

Усердны воины, разрушить холмъ стремитесь,
Межъ тѣмъ какъ съ Пирромъ я сражусь!

(Хочетъ съ воинами стремиться на холмъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И ПОЛИКСЕНА.

ПОЛИКСЕНА, *вбѣгая, останавливаетъ Агамемнона и его воиновъ.*

Остановитесь!
Ахилла чтите гробъ, и надъ моей главой,
О Греки яростны, вы гнѣвъ обрушьте свой!

ПИРРЪ.

Гекубы дочь!

АГАМЕМНОНЪ *изумленный.*

Кого я зрю!

НЕСТОРЪ.

О рокъ чудесной!
Смирись, Агамемнонъ, предъ волею небесной!
Безсмертны видимо стрегутъ Ахилла честь,
И жертву къ намъ могла лишь ихъ рука привесть.

АГАМЕМНОНЪ.

Опредѣленіямъ покорствую судьбины.

ПИРРЪ, *сшедъ съ холма и отдавъ оружіе воину, къ Поликсенѣ.*

Умри, виновница Ахилловой кончины,
Безвременно отца лишившая меня!
Дождался наконецъ твоей я казни дня.
Давно уже во мнѣ пылаетъ духъ желаньемъ
Насытиться твоимъ предъ смертію страданьемъ,
По хитрому челу простертый видѣть хладъ,
И угасающимъ прельстительный тотъ взглядъ,
Изъ коего Ахиллъ любви испилъ отраву,
И уловленный палъ къ убійцамъ въ сѣть кроваву.

ПОЛИКСЕНА.

Надъ жертвою своей мученья истощай,
Убійства зрѣлищемъ свирѣпство насыщай,
И въ полной мѣрѣ взоръ утѣшь своей ты мести;
Но не дерзай при томъ моей порочить чести!
Не унижай во мнѣ царей Троянскихъ дщерь,
И даръ, который ты отцу несешь теперь!
Такъ, смерти я его безвинною причиной,
Иль лучше, я была враждебною судьбиной
Къ погибели его орудьемъ избрана;
Но хитрость мнѣ, о Пирръ, природой не дана,
И никогда мой взглядъ не обольщалъ Ахилла.
Вся хитрость въ томъ была, что я его любила,
Что мой языкъ и взглядъ, согласные съ душей,
Твердили передъ нимъ о сей любви моей,
Которая мой умъ и сердце занимала,

Которая меня надъ мною возвышала.
О Греки, не стыжусь въ торжественный сей часъ
О страсти сей вѣщать еще въ послѣдній разъ;
Поднесь питая духъ, она дала мнѣ силы
Страхъ смерти побѣдить; къ спасенью сей могилы
Я, все преодолѣвъ, бѣжала изъ шатра,
Гдѣ плачущая мать, гдѣ нѣжная сестра,
Удерживать меня въ обьятіяхъ мечтали;
Пришла, и смерти жду, конца моей печали.

ПИРРЪ.

Приди на холмъ: готовъ тамъ брачный твой вѣнецъ;
Изъ рукъ моихъ тебя пріиметъ мой отецъ,
И въ гробѣ съ нимъ твой прахъ воздремлетъ скоро вмѣстѣ.

(Хочетъ подойти къ Поликсенѣ, чтобъ вести ее на холмъ.)

ПОЛИКСЕНА.

Постой и слухъ склони къ Ахилловой невѣстѣ;
Хоть мало умягчи свирѣпство къ ней свое:
Не подымай ты рукъ на слабу жизнь ее,
На грудь, гдѣ властвуетъ родитель твой донынѣ,
Но произвольной быть ты дай моей кончинѣ
И смертнаго часа несчастной не тревожь!

(Видя, что Пирръ хочетъ опять къ ней подойти.)

Ахъ, ты безжалостливъ!

(Въ отчаяніи хватаетъ ножъ, лежащій на жертвенникѣ.)

Закланій вижу ножъ....

ПИРРЪ.

Что дѣлаешь?

ПОЛИКСЕНА.

Взирай, какъ умирать умѣю;

Сама иду на холмъ.

(Приближаясь къ холму, приходитъ въ изступленіе.)

Но отъ чего робѣю?...
Простертую жену я вижу предо мной!
Ты ль, матерь, хочешь путь мнѣ заградить собой?
Почто же ты въ слезахъ? Почто лице печально?
Утѣшься, дочь твою веселье ждетъ вѣнчально,
Куда тебя на пиръ я скоро призову.
О, призри кто нибудь дошоль ея главу,
Коль въ мірѣ есть еще чувствительный къ несчастнымъ!

(Всходя на холмъ.)

Какимъ окружена я зрѣлищемъ ужаснымъ!
Зрю градъ родительскій весь пламенемъ обьятъ,
Окрестъ въ пустынѣ зрю гробницъ простертый рядъ;
Здѣсь Гекторъ палъ сраженъ, тамъ прахъ лежитъ Пріама:
Что шагъ, убійства слѣдъ; что шагъ, могильна яма.
Спокойтесь, храбрые Троянскія земли!
Вы за отечество во гробы полегли,
Счастливы, не видавъ во злой его неволѣ!
Но сколько кратъ, увы, я васъ несчастна болѣ!
Во цвѣтѣ самомъ лѣтъ кончая жизнь мою,
Надъ Троей падшею, надъ вами слезы лью.
Лью слезы... Но мнѣ смерть Ахилла образуетъ;
Тѣнь блѣдная его кровъ тихій указуетъ.
Прими меня, супругъ, ты ласковой рукой
И утоли мой плачь, и въ гробѣ успокой!

(Закалается, и вдали раздастся громъ.)

АГАМЕМНОНЪ.

Вы милость или гнѣвъ вѣщаете вселенной,

О боги сильные?

ПИРРЪ.

Граждане! Изумленной,
Недвижимъ остаюсь здѣсь въ вашихъ я очахъ;
Нѣтъ, твердости такой не полагалъ въ женахъ.
О тѣнь родителя, будь нынѣ ты спокойна:
Избранная тобой любви твоей достойна.

(Къ жрецамъ.)

Вы жертву на кострѣ очистите огнемъ
И прахъ ея потомъ съ почтеньемъ соберемъ.

(Жрецы всходятъ на холмъ и становятся подлѣ павшей Поликсены.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ, ГЕКУБА и КАССАНДРА.

ГЕКУБА.

Избавьте дочь мою: меня примите въ жертву!

(Останавливается при холмѣ.)

Иль поздно, и ее нашла уже я мертву? *)
»Иль, утомленная подъ тягостію лѣтъ,
»Ужъ поздно я сюда пришла за нею въ слѣдъ?
»Молчанье на устахъ... на лицахъ зрю смущенье!
»Увы, исполнилось конечно преступленье!
»О, дайте дочь мою хоть мертвую узрѣть,
»И мнѣ отчаянной надъ тѣломъ умереть!
»На холмѣ вашъ ударъ долженствовалъ свершаться...

(Хочетъ итти на холмъ.)

*) Стихи, слѣдующіе за симъ до окончанія явленія, въ представленіи выпускаются.

ПИРРЪ.

»Не допускай, народъ, до жертвы прикасаться!

(Народъ движеніемъ останавливаетъ Гекубу; между тѣмъ жрецы скрываютъ тѣло Поликсены.)

ГЕКУБА *къ Пирру.*

»И въ сей отрадѣ ты отказываешь мнѣ!
»О бичь, ниспосланный отъ неба сей странѣ,
»Губитель моего несчастнаго семейства,
»Надъ мною доверши свои теперь злодѣйства!
»На жертвенникѣ убійство меня влеки ты самъ,
»И тою же рукой, которою Пріамъ,
»И мой послѣдній сынъ безщадно убіенны,
»Которою ты жизнь похитилъ Поликсены,
»Той самою рукой рази меня въ сей день!
»Другою жертвою отца порадуй тѣнь!
»Рази изъ ярости, или изъ сострадавья!...
»Но у меня въ груди стѣсняются рыданья...
»Теряю лучь дневной... Мой исчезаетъ гласъ...
»О, если бы сей былъ послѣдній жизни часъ!»

(Упадаетъ безъ силъ къ Кассандрѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ВСѢ ПРЕЖНІЕ И УЛИССЪ.

УЛИССЪ.

Что, Греки, медлите надъ принесенной жертвой?
Иль воплемъ заняты Гекубы полумертвой,
Межъ тѣмъ, какъ Юпитеръ съ Ахилловой мольбы
Къ намъ ярость умягчилъ разгнѣванной судьбы

И, сонны возбудивъ валы пучины водной,
Намъ разрѣшаетъ путь изъ сей земли безводной?
Ужъ туча надъ горой восточною взошла
И чревомъ тягостнымъ на воздухъ налегла,
Скатился дальный громъ, исторгся вихрь бурливый,
И парусъ на судахъ развѣялся игривый.
Спѣшите къ кораблямъ, готовымъ васъ принесть
Въ отечество, гдѣ ждетъ спокойство, радость, честь!

КАССАНДРА.

Такъ, Греки, обагрясь вновь кровію невинной,
Спѣшите покидать Троянскій брегъ кручинной!
Но чашу здѣсь на насъ пролитыхъ вами бѣдъ
Должны вы за собой влачить повсюду въ слѣдъ.
Есть боги мстители за скорби Иліона:
Въ томъ увѣряюсь я внушеньемъ Аполлона.
Внемлите, онъ во мнѣ пророчаній духъ возжогъ,
Блеснулъ моимъ очамъ временъ грядущихъ токъ,
И предстоятъ судьбы и царствъ и человѣковъ:
О, сердце, радуйся, несчастья видя Грековъ!
Большую часть вождей, которы брань вели,
Безвременная смерть сорветъ съ лица земли;
Одни ужъ никогда отчизны не увидятъ;
Другіе, къ ней приставъ, ее возненавидятъ
И, царства удалясь, умрутъ въ странѣ чужой;
Сей Пирръ, Ахилловъ сынъ, свирѣпый вашъ герой,
Предъ мирнымъ алтаремъ зарѣзавшій Пріама,
Самъ въ младости падетъ, зарѣзанный средь храма;
Но позавидуешь сей смерти ты, Улиссъ!
Къ Итакѣ по волнамъ чрезъ десять лѣтъ носись;

За новыя моря, за бѣдствія несчетны,
Твой островъ отъ тебя отдвигнули безсмертны;
Виновникъ хитростный Троянской нищеты,
Всѣ оной горести въ пути претерпишь ты;
Достигнешь родины, но, спутниковъ лишенный,
Одинъ придешь въ свой домъ, едва не расхищенный.
Такъ, Грека каждаго домъ будетъ расхищенъ,
Иноплеменника мечемъ порабощенъ,
Доколѣ не придетъ народъ отъ странъ полночныхъ,
Чтобъ снять оковы съ рукъ Ахеянъ маломощныхъ:
И боги, въ поздный родъ продлявъ чадъ вашихъ стонъ,
Отмстятъ за жертву вамъ, отмстятъ за Иліонъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Кассандра, что за гнѣвъ безсмертныхъ возвѣщаешь?

КАССАНДРА.

Почто, несчастный царь, меня ты вопрошаешь?
О, горе и тебѣ! Не будешь средь торжествъ
Внимать веселья пѣснь въ хвалу твоихъ торжествъ,
И въ домѣ не найдешь спокойнаго ужъ мѣста;
Едва окончишь путь и обоймешь Ореста,
Едва омоешь ты трудовъ кровавый потъ:
И смерть тебя крыломъ съ сей нивы пожeнетъ.
Брегись сотканнаго супругой покрывала:
Соткано для тебя надъ остріемъ кинжала.
И въ день и въ часъ одинъ прибывшая съ тобой,
Погибну я сама подобною судьбой.

АГАМЕМНОНЪ.

О страхъ!

УЛИССЪ.

Виновныхъ насъ, о боги, накажите;
Но въ милосердіи чадъ Грековъ пощадите! *)

ПИРРЪ.

»Симъ вѣрите ль словамъ? Къ чему напрасный страхъ!
»Мы мстили праведно; отмщенъ Ахилловъ прахъ.

НЕСТОРЪ.

»Какой постигнетъ умъ боговъ совѣты чудны!
»Жестоки ль были мы, иль были правосудны?
»Среди тщеты надеждъ, среди страстей борьбы,
»Мы бродимъ по землѣ игралищемъ судьбы.
»Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится;
»Счастливѣе сто кратъ, кто къ жизни не родится!»

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

*) Всѣ слѣдующіе за симъ стихи въ представленіи выпускаются.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Пятое изданіе, дополненное и сверенное по рукописямъ автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА ГЛАЗУНОВА И ЕГО ИЖДИВЕНІЕМЪ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. 28 генваря 1828 года.

Цензоръ Василій Семеновъ.

ЯРОПОЛКЪ И ОЛЕГЪ,

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

Представлена въ первый разъ на Санктпетербургскомъ придворномъ театрѣ 16 маія, 1798 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ЯРОПОЛКЪ, великій князь Кіевскій.

ОЛЕГЪ, князь Древлянскій.

ПРЕДСЛАВА, княжна Болгарская.

ЗАИДА, наперсница Предславы.

СВѢНАЛЬДЪ, первый вельможа Ярополковъ.

ИЗВѢДЪ, тысячникъ войска Ярополкова.

Посолъ Печенѣговъ.

Сотенникъ стражи Ярополковой.

ВѢРНЕСТЪ, тысячникъ войска Олегова, не говорящее лице.

Вельможи.

Стража Ярополкова.

Воины Олеговы.

Заложникъ Печенѣговъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ въ чертогахъ великаго князя.

ЯРОПОЛКЪ И ОЛЕГЪ,
ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ чертоги великаго князя Кіевскаго.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СВѢНАЛЬДЪ и ИЗВѢДЪ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Не ложенъ слухъ, Извѣдъ: въ бояхъ всегда счастливый,
Древлянскій князь мечемъ смирилъ народъ строптивый;
Опять подвластенъ намъ мятежный Печенѣгъ,
И къ брату своему спѣшитъ уже Олегъ.
Но вѣсть сія, скажи, какъ принята народомъ?

ИЗВѢДЪ.

Весь Кіевъ восхищенъ Олеговымъ приходомъ:
Пловцу не можетъ быть пріятна столь заря,
Котора послѣ бурь, всходъ солнца предваря,
Колеблемымъ волнамъ спокойство обѣщаетъ.
Приходъ Олеговъ къ намъ раздоры окончаетъ.
Народу памятны еще тѣ смутны дни,
Въ которы зрѣлись здѣсь военные огни;
Въ которы Ярополкъ, питая къ брату злобу,
Низвесть его хотѣлъ, иль самъ сойти ко гробу.

Олегъ Древлянъ своихъ взаимно вооружалъ:
Какой ужасный рокъ Россіи угрожалъ!
Едва раздѣлена, и раздѣленьемъ вскорѣ
Должна была страдать въ несчастливомъ раздорѣ,
Растерзанною быть отъ собственныхъ сыновъ.
Междоусобна брань верхъ гнѣва есть боговъ.
Но небеса еще къ намъ были милосердны,
И внѣшнею войной насъ соблюли безсмертны.
Отрекся Печенѣгъ обычну дань платить;
Намъ помощь нужную спѣшилъ Олегъ явить;
И покорилъ враговъ тѣмъ самымъ ополченьемъ,
Которымъ намъ грозилъ, пылая первымъ мщеньемъ.
Но чрезъ сраженія прославится ль герой?
Случайности однѣ рѣшатъ нерѣдко бой.
Но кроткимъ въ счастіи, въ злосчастіи быть твердымъ,
И, случай мстить имѣвъ, явиться милосердымъ:
Вотъ истинный герой; великъ вездѣ, всегда;
И непремѣненъ онъ, какъ боги, никогда.
Таковъ Древлянскій князь, намъ мирныхъ дней содѣтель.

СВѢНАЛЬДЪ.

Древлянскій князь... Олегъ... Россіи благодѣтель!
Не вѣрь: коваренъ онъ и въ немъ геройства нѣтъ.
Когда бы смѣлый мой услышанъ былъ совѣтъ,
Когда бы Ярополкъ на брата шелъ войною;
Давно бъ погибъ Олегъ, столь ненавидимъ мною.

ИЗВѢДЪ.

Что слышу я! Свѣнальдъ врагомъ Олега слыветъ?

СВѢНАЛЬДЪ.

Врагомъ... и съ нимъ меня ничто не примиритъ.

Могу ли позабыть, что имъ лишенъ я сына!

ИЗВѢДЪ.

Несправедливая вражды твоей причина:
Твой сынъ преступникъ былъ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Но я его отецъ...
Я, лившій кровь мою за Россійскій сей вѣнецъ,
Который съ братьями князь нынѣ раздѣляетъ:
Меня заслуга сверхъ законовъ поставляетъ.
Олегъ былъ долженъ чтить Свѣнальдовъ славный родъ;
Закономъ пусть страшитъ ничтожный онъ народъ.

ИЗВѢДЪ.

Заслуги почестьми цари вознаграждаютъ;
Но строгость гдѣ свою законы потеряютъ,
Тамъ обществу всему послѣдуетъ напасть.
На правосудіи лежитъ верховна власть:
Оно спокойствія твердѣйшая опора.

СВѢНАЛЬДЪ.

Увы, оно виной Свѣнальдова позора!
Но стыдъ омоется въ Олеговой крови.

ИЗВѢДЪ.

Прости мнѣ искренность моей къ тебѣ любви!
Извѣдъ былъ воспріятъ тобою вмѣсто сына,
Черезъ тебя моя возвысилась судьбина,
И возведенъ я сталъ и въ степени, и въ честь;
Но знаешь, что всегда я ненавидѣлъ лесть:
Я лучшей правды былъ, Свѣнальдъ, въ тебѣ свидѣтель,
Когда и самъ ты чтилъ Олега добродѣтель,
И сына наставлялъ подвластнымъ быть ему.

Иди изъ Кіева, ты сыну рекъ сему,
Оставь печальный градъ, будь подданный Олега;
Здѣсь слабость царствуетъ, здѣсь развращаетъ нѣга:
Тамъ властвуетъ герой; его незыблемъ тронъ,
Коль храбрость щитъ ему, подножіемъ законъ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Олегова душа, хранилище притворства,
Умѣла временно принять геройски свойства,
Мой легковѣрный духъ умѣла обмануть,
И къ сердцу моему умѣлъ найти онъ путь.
Но нынѣ грудь моя исполнена мученьемъ;
Не дружбой болѣе, горю къ нему отмщеньемъ;
Не мститъ лишь только тотъ, кто духомъ малъ и слабъ,
Или кто чувствъ лишенъ, какъ угнетенный рабъ:
Но самъ Перунъ, Перунъ во гнѣвѣ громы мещетъ;
Когда онъ мститъ землѣ, вселенная трепещетъ.
Познай, что межъ князей я поселилъ раздоръ;
Что къ замысламъ моимъ служилъ невинно взоръ
Предславы, сей княжны съ Дуная привезенной,
Изъ Болгарской страны, тогда намъ покоренной.
Олегъ и Ярополкъ прельщенны сей княжной:
Пылавшей брани здѣсь любовь была виной.
Но ты не льстися зрѣть конецъ сихъ дней несчастныхъ!
Сей миръ, какъ ясный лучь средь облаковъ ненастныхъ...
И съ братомъ Ярополкъ являясь примиренъ,
Съ страстями дремлетъ лишь; но, вскорѣ возбужденъ,
Онъ, въ слабости своей, томяся и смущенный,
Представитъ намъ тростникъ отъ бури наклоненный,
Спокойный лишь тогда, какъ вѣтръ престанетъ дуть.

Я вскорѣ возмущу его непверду грудь.
Но онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЯРОПОЛКЪ, СВѢНАЛЬДЪ, ИЗВѢДЪ и СТРАЖА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.

ЯРОПОЛКЪ.

Вдали уже пшѣ видны войски,
Копорыхъ подвиги увѣнчаны геройски,
Копорыми смиренъ мяшежный Печенѣгъ,
И коимъ счаспливый предшесшвуешъ Олегъ.
Извѣдъ, иди къ нему: скажи, чпобъ за спѣнами
Онъ воинспво свое расположилъ полками;
Чшобъ шумъ оружія съ собою не вводилъ,
И свой съ послами входъ во Кіевъ ускорилъ;
Чшо съ нешерпѣніемъ его я ожидаю,
Героя, брапа въ немъ обняпь въ сей день желаю.
Иди на срѣшенье!

(Извѣдъ уходитъ, и Ярополкъ даетъ знакъ стражѣ, чтобы удалилась.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЯРОПОЛКЪ и СВѢНАЛЬДЪ.

ЯРОПОЛКЪ.

Свѣнальдъ, шы здѣсь пребудь:
Опъ дружбы ждешъ шьвоей моя покоя грудь!
Въ сей день приходипъ брапъ, доселѣ мной гонимый,

Во славѣ и любви соперникъ мой счасшливый.
Недавно съ нимъ хошѣлъ весши кроваву брань;
И вмѣсшо осшрыхъ сшрѣлъ несешъ онъ въ Кіевъ дань
Мяшежныхъ Печенѣгъ, его рукой смиренныхъ.
Чшо дѣлашь мнѣ шеперь, и въ чувсшвіяхъ смущенныхъ
На чшо рѣшишься мнѣ, и чшо могу начашь?
Олегову любовь мнѣ должно ль увѣнчашь,
Когда онъ увѣнчалъ Россію новой славой?
Разсшануся ль навѣкъ съ прекрасною Предславой,
Съ Предславой, кою самъ вручилъ ему ошецъ,
И брачный обѣщалъ ей возложишь вѣнецъ,
Кошорой взоръ одинъ, любовью оживленной,
Дороже для меня владычесшва вселенной?

СВѢНАЛЬДЪ.

Когда бъ Олегъ подъялъ оружье за шебя,
Или бъ враговъ смирилъ, ошечесшво любя;
Тогда бъ вѣщалъ шебѣ: защишнику державы
И другу швоему дай руку шы Предславы;
Сшрадавши, будь великъ; вошъ мой шебѣ совѣшъ!
Побѣда надъ собой славнѣйша изъ побѣдъ.
Но нынѣ, государь, почшо шебѣ разлуки
Напрасныя шерпѣшь великодушно муки?
Почшо шеряшь княжну и съ нею свой покой?
Почшо за слабу дань плашишь ея рукой?
Олегъ не для шебя, не для швоей онъ славы
Сражался, побѣдилъ, но для одной Предславы.
Вручи ему княжну: познаешь шы его.
Иль неизвѣсшенъ мнѣ нравъ браша швоего?
Иль замыслы въ душѣ его сокрышы люшы?

Повѣрь, что мстить тебѣ способной ждетъ минуты;
Подъ сѣнью кротости его горитъ вражда.

ЯРОПОЛКЪ.

Притворства, о Свѣнальдъ, душа его чужда:
Когда бъ исполненъ былъ желаніемъ отмщенья,
Онъ случай бы имѣлъ во время возмущенья;
Не противъ Печенѣгъ, сражался бы за нихъ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Хитрѣе, государь, онъ въ замыслахъ своихъ:
Съ врагами Кіева соединясь войною,
Всѣхъ бѣдъ отечества онъ тѣмъ бы былъ виною;
По справедливости отъ сихъ отверженъ стѣнъ,
Предславу бъ зрѣть тогда надежды былъ лишенъ.
Но пусть толико въ немъ блистательно геройство,
Чтобъ оскорбленіе забыть имѣлъ онъ свойство:
То почему тобой обиженъ будетъ онъ,
Когда ты Кіевскій княжнѣ предложишь тронъ;
Когда, любя ее, ты изыскалъ искуство
Родить въ ея душѣ къ себѣ взаимно чувство?
Отъ насъ ли собственно зависитъ нѣжна страсть?
Любить, любимымъ быть: на все боговъ есть власть
Что Ярополку въ томъ, что волей Святослава
Олегу нѣкогда назначена Предслава?
Во гробъ съ отцемъ твоимъ прешла и власть его,
И счастье отъ тебя зависитъ одного.
И если чувствами Предславы ты владѣешь,
То болѣе, чѣмъ братъ, и правъ надъ ней имѣешь.

ЯРОПОЛКЪ.

Увы, терзаюсь я сомнѣніемъ моимъ!

Не знаю, о Свѣнальдъ, противенъ иль любимъ:
Понынѣ я не могъ открыться передъ нею.
Не зря ея, рѣшусь; увижу, и не смѣю;
Нѣмѣетъ мой языкъ, тѣснится томна грудь;
Боясь встрѣтишь взоръ, боюсь предъ ней вздохнуть.
Я мнилъ, что, въ сиротствѣ оставленной судьбиной,
Лишенной матери недавнею кончиной,
Могу Предславѣ я о страсти изъяснить:
Почтенна грусть ея претила говорить.
Но, тествіемъ теперь соперника рѣшенный
И дружбою твоей въ надеждѣ утвержденный,
Открою ей, Свѣнальдъ, жестокій пламень мой:
Пускай разитъ, или даруетъ мнѣ покой.
Я жду ея сюда. И въ ней смятенье взора,
Иль равнодушіе во время разговора,
Когда я объявлю, что братъ идетъ во градъ,
Дадутъ мнѣ смерти знакъ, иль сладостныхъ отрадъ.
Но вотъ она: Свѣнальдъ, оставь меня ты съ нею!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯРОПОЛКЪ, ПРЕДСЛАВА и ЗАИДА.

ЯРОПОЛКЪ.

При общей радости, княжна, я льститься смѣю,
Что къ утѣшенію ты склонишь нынѣ слухъ;
Что нужной твердостью твой обновится духъ.
Лишенье матери чувствительна потеря...
Слезами долгъ отдавъ и грусть свою умѣря,
Престань оплакивать всеобщій намъ удѣлъ!

Счастливый, можетъ быть, Предславѣ день пришелъ.
Предай надеждѣ духъ, и съ Кіевскимъ народомъ,
Со мною веселись Олеговымъ приходомъ!
Побѣду, славу, миръ онъ нынѣ къ намъ несетъ.

ПРЕДСЛАВА *въ сторону.*

Благополучный день... Олегъ сюда идетъ!

(Къ Ярополку.)

Передъ тобою, князь, я чувствъ моихъ не скрою:
Смерть матери мой духъ исполнила тоскою.
Бывъ сирой въ Кіевѣ, безъ кровныхъ, безъ друзей,
Могу ль когда престать лить слезы я о ней?
Но горестной душѣ пріятно утѣшенье
Между князьями зрѣть сердечно примиренье:
Межъ братомъ и тобой пылавшая война
Была страданію мнѣ новая вина.
Прости мнѣ рѣчь сію... Печальная Предслава
Хранитъ еще въ душѣ всю милость Святослава,
И въ сыновьяхъ его участвовать должна.

ЯРОПОЛКЪ.

Увы, ты имъ была престола лишена!

ПРЕДСЛАВА.

Но благостью ко мнѣ онъ послѣ обратился;
Чтобъ возвратить мнѣ тронъ, со Греками сразился:
Несчастливо разбитъ и обращенный въ бѣгъ,
На берегахъ Днѣпра убитъ отъ Печенѣгъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Великодушное тобой обидъ забвенье
Не можетъ привести меня во удивленье:
Душа, рожденная для царскаго вѣнца,

Не такъ и чувствуетъ, какъ прочія сердца.
Твоя судьба, повѣрь, прелестная Предслава,
Не премѣнилася кончиной Святослава:
Исполнишь то клянусь, чего не сдѣлалъ онъ;
Изъ хищныхъ Грека рукъ я твой исторгну тронъ,
Или паду мечемъ. Но счастливъ той судьбою,
Коль въ гробѣ буду я оплакиванъ тобою.

ПРЕДСЛАВА.

Почто, о государь, для горестной княжны
Ты хочешь испытать жестокости войны?
Почто бѣдамъ моимъ ты хочешь быть причастенъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Коль за тебя паду, умру я не безчастенъ.

ПРЕДСЛАВА.

Но Ярополка жизнь для подданныхъ нужна.

ЯРОПОЛКЪ.

Всю жизнь я посвятить готовъ тебѣ, княжна!

ПРЕДСЛАВА.

Усердію сему достойной нѣтъ награды.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ, есть: согласна будь... и верхъ моей отрады!
О, сколько времени отрады сей ищу!
Въ молчаніи томлюсь, открыться трепещу,
Когда взоръ пламенный и вздохи и смятенье...
Коль я нечаянно твое встрѣчаю зрѣнье,
Которыго страшусь, которое ловлю;
Все измѣняетъ мнѣ, являетъ, что люблю,
Являетъ, что готовъ принесть къ ногамъ Предславы
Сіяніе вѣнца и власть моей державы,

Наградой льстясь одной, чтобы передъ алтарь
Ты съ Ярополкомъ шла...

ПРЕДСЛАВА.

Не жди, о государь!
Я обольщу тебя, коль за твое княженье
Здѣсь обѣщаюся дать руку въ награжденье.
Безъ сердца даръ руки печальный будетъ даръ
И слабо наградитъ твой страстный нынѣ жаръ.
Олегу будучи супругою сужденна...
Съ младенчества мой долгъ любить я пріученна.

ЯРОПОЛКЪ.

Что слышу... люта вѣсть... и столько презрѣнъ я,
Что не скрываетси къ Олегу страсть твоя!
И предо мною ты свою являешь душу!

ПРЕДСЛАВА.

Открывшися тебѣ, твою надежду рушу
Я возбудить хочу гласъ должности твоей,
Разсудкомъ погасить сей огнь твоихъ страстей.

ЯРОПОЛКЪ.

Ругательствомъ своимъ усугубляй презрѣнье,
Но трепещи: на все рѣшусь въ моемъ стремленьѣ!
Еще отъ рукъ моихъ твоя зависитъ часть:
Чего нельзя любви, свершить то можетъ власть.

ПРЕДСЛАВА.

Не унижай, о князь, своей верховной власти!
Предъ твердостью моей ничтожны всѣ напасти.
Коль умереть должна, иль чести измѣнить,
Познай, что съ нею въ гробъ готова я сойтить.

(Предслава съ Заидою уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЯРОПОЛКЪ *одинъ*.

Не льстись, свирѣпая, съ Олегомъ съединиться!
Не буду я одинъ любовію томиться...
И всѣ мученія несчастной страсти сей,
Жестокая, душѣ я пренесу твоей.
Любимаго тобой ты вѣчно не увидишь,
Твой истомится духъ, ты жизнь возненавидишь,
И горестью твоей моя отдохнетъ грудь.
Иду сопернику закрыть во Кіевъ путь.
Коль безъ надежды я терзаться долженъ мукой;
Чета противная, и ты страдай разлукой!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ тронную комнату.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЯРОПОЛКЪ и СВѢНАЛЬДЪ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Принявши ревности стремительный совѣтъ,
Какихъ, о государь, ты ждать былъ долженъ бѣдъ!
Препивъ во градъ вступить Олегу и посольству,
Ты могъ привесть народъ къ опасному крамольству.
Олегу намъ нельзя противостать войной,
Когда онъ съ войсками подъ нашею стѣной,
Когда и силою себѣ пути откроетъ,
И чтобы въ градъ войти, и самы стѣны сроетъ.
Ты ярости его какой явишь оплотъ?
Къ нему уже давно привѣрженъ здѣсь народъ.
Олегъ, подъ кротостью скрывая сердце злобно,
Россіянъ искреннихъ прельстить возмогъ удобно.
Сія страна гласитъ: Олегъ намъ всѣмъ отецъ,
Онъ слава Россіянъ и нашихъ царь сердецъ.
Коль съ нимъ ты вступишь въ брань, страшись тогда измѣны!

ЯРОПОЛКЪ.

Соперника ль введу во здѣшнія я стѣны?

СВѢНАЛЬДЪ.

Необходимости прими въ сей день законъ!

Излишней твердостью теряютъ часто тронъ.
Ты знаешь, государь, какъ жду я браней время:
Ни истощенье силъ, ни лѣтъ печально бремя
Не возмогли еще изъ рукъ исторгнуть мечь.
И такъ не страхъ войны мою внушаетъ рѣчь,
Но страхи за тебя, за честь твоей державы.
Вступивъ съ Олегомъ въ брань, лишишься ты Предславы.
Не отвратитъ бѣды твоихъ друзей любовь,
И за тебя въ бою прольемъ мы тщетно кровь.

ЯРОПОЛКЪ.

Такъ счастья сей четы я буду здѣсь свидѣтель?

СВѢНАЛЬДЪ.

Притворство, государь, полезна добродѣтель.
Притворствуй временно, и бракъ ихъ отлагай,
И случая отмстить въ терпѣньи ожидай!

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ, такъ: народу мстить, и мстить хочу ужасно!
Познаешь, градъ, меня какъ прогнѣвлять опасно!
Твоимъ владыкой я, коль твой Олегъ герой;
Оплачешь ропотъ ты кровавою слезой.

СВѢНАЛЬДЪ.

Не столько, государь, сей винен градъ престольный,
Сколь твой виновенъ братъ тщеславный и крамольный:
Вездѣ и всѣхъ вѣковъ народъ разсудкомъ слабъ,
Обманутъ хитростью слѣпый коварства рабъ.
Ты видишь, что за тронъ былъ страхъ мой ненапрасенъ:
Для власти и любви Олегъ равно опасенъ.
Почтобъ онъ въ градѣ семъ искалъ себѣ друзей,
Когда бы не желалъ короны онъ твоей?

Уже симъ происκомъ виновенъ предъ державой.

ЯРОПОЛКЪ.

Виновенъ онъ: увы, злодѣй любимъ Предславой!

СВѢНАЛЬДЪ.

Когда бъ позволилъ ты мнѣ предложить совѣтъ,
Престалъ бы сей Олегъ быть ревности предметъ.
Здѣсь будетъ отъ тебя зависимъ онъ судьбою...

(За театромъ слышна воинская музыка.)

Но шествіе его возвѣщено трубою.

ХОРЪ НАРОДНЫЙ *за театромъ.*

Славься, Кіевъ, градъ счастливой:
Храбрый къ намъ идетъ Олегъ.
Ты струею торопливой,
Днѣпръ, теки до Печенѣгъ;
Имъ вѣщай: вашъ побѣдитель,
Громъ сложивъ, сердецъ плѣнитель!

СВѢНАЛЬДЪ.

Ты слышишь, Ярополкъ, какъ здѣсь твой братъ любимъ,
Какую радость ввелъ съ пришествіемъ своимъ!

ЯРОПОЛКЪ.

О радость пагубна! Князей печальна доля!
Въ ихъ сердцѣ часто грусть, въ дѣяніяхъ неволя;
И нынѣ, какъ въ тоскѣ хотѣлъ бы слезы лить,
Я долженъ на челѣ веселіе явить,
И облещи себя въ наружное сіянье,
Когда въ душѣ лишь мракъ, когда въ душѣ страданье.

(Возсѣвъ на тронъ, къ Свѣнальду.)

Вельможи Кіевски, дѣлящіе мой трудъ,

Мое величество дѣлить пускай придутъ!

(Свенальдъ вводитъ вельможъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЯРОПОЛКЪ, СВѢНАЛЬДЪ, вельможи *сидящіе,* ОЛЕГЪ, посолъ печенѣговъ, ИЗВѢДЪ, ВѢРНЕСТЪ и отрядъ войска олегова.

(Передъ посломъ несутъ даръ, передъ Олегомъ дани, знамена и воинскіе доспѣхи.)

ОЛЕГЪ *стремится въ объятія къ Ярополку.*

О Ярополкъ, о братъ, любимый мною нѣжно!
Какое счастіе вкушаю безмятежно,
Въ семъ градѣ наконецъ увидѣвши себя!
Въ объятіяхъ моихъ днесь чувствую тебя.
Три лѣта протекли, и нынѣ щедры боги
Позволили мнѣ зрѣть родительски чертоги,
Гдѣ юности моей текли пріятны дни,
Гдѣ были чувствія съ тобой у насъ одни,
Гдѣ будетъ каждый шагъ душѣ напоминанье...
Но ты смущаешься и хочешь скрыть вздыханье.
Предайся радости, и чтобъ природы гласъ
Одинъ услышанъ былъ въ сей сладостный мнѣ часъ!

ЯРОПОЛКЪ.

Какъ смѣю почитать сей день себѣ счастливымъ,
Когда я, можетъ быть, къ тебѣ несправедливымъ...

ОЛЕГЪ.

Почто, о Ярополкъ, ты обращаешь взоръ
На время грустное, на прежній нашъ раздоръ?
Я не виню тебя. Увы, всѣхъ смертныхъ болѣ

Въ инныхъ пресшишельны сѣдящи на преспюлѣ:
Ихъ окружаешъ шронъ ласкашельсшво и ложь;
Корысшная рука присшрасшливыхъ вельможъ
Отъ шрона исшину ошринушь часшо шщишся,
Къ кошорой пылкая душа царей сшремишся.
Вельможа нѣкій здѣсь, свою скрывая сшрасшь,
Всшревожишь восхошѣлъ швою верховну власшь
И на меня навлекъ обиды подозрѣнья.
Сей неизвѣсшный врагъ не сшоишъ и презрѣнья.
Я имени его и вѣдашь не хочу:
Дѣлами, чувсшвами неправду обличу.
Къ опроверженью злыхъ моей довольно славы.
Кшо я, чшобы желалъ когда шовей державы,
Чшобы измѣною я шронъ хошѣлъ обрѣсшь?
И мыслишь не могу, чего не шершишъ чесшь.
Уже имѣю шронъ ошца благословеньемъ.
Другой, когда бъ искалъ, нашелъ не пресшупленьемъ,
Мечемъ; но не хочу преслѣдовашь мечшу,
И не въ числѣ вѣнцевъ мое блаженсшво чшу.
Пещись о подданныхъ едина мнѣ ошрада:
Любовь народная царямъ въ шрудахъ награда;
И славы сей хошь шихъ, но шѣмъ пріяшнѣй свѣшъ.
На обвиненія несу шебѣ ошвѣшъ. *(Своимъ воинамъ.)*
Вѣрнесшъ и воины, повергнише вы дани,
Знамена и мечи, добышые на брани!
Пусшь видишъ воинсшво, вельможи, цѣлый градъ,
Какъ даней и земель шовой мало ищешъ брашъ,
И днесь, какъ въ градъ меня ввели съ побѣдой боги,
Чшо я покорносши принесъ шебѣ залоги!

Но сколь противъ враговъ я въ полѣ былъ счастливъ,
Къ Олегу столько же братъ будетъ справедливъ.
Въ супруги мнѣ отцемъ назначена Предслава:....

ЯРОПОЛКЪ, *перебивая рѣчь Олега.*

О ты, кѣмъ лавромъ вновь моя вѣнчанна слава,
Конечно можешь ты всѣхъ требовать наградъ,
Конечно справедливъ къ тебѣ твой будетъ братъ!
Я цѣну чувствую заслугъ, побѣдъ Олега.
Возсядь, и внемлемъ мы прошенью Печенѣга!
Возставъ противу насъ мятежною войной,
Чѣмъ оправдаетъ онъ строптивость предо мной?

ПОСОЛЪ.

Великій Россовъ князь, конечно сами боги
Отверзли Кіеву Днѣпровскіе пороги,
И брата твоего могущею рукой
Народъ нашъ привели опять подъ скипетръ твой.
Покорствуемъ судьбѣ, коль снова побѣжденны;
Но смѣло говоримъ, хотя и униженны.
Ты вспомни, государь, сколь нашъ премѣненъ рокъ:
Сего дня счастливъ онъ, а завтра намъ жестокъ!
Побѣдой возгордясь и упоенный славой,
Брегись обременять своею насъ державой!
Родитель храбрый твой и мужественный дѣдъ
Примѣромъ подкрѣпятъ сей нашъ тебѣ совѣтъ.
Подобно счастливъ имъ, по ихъ не шествуй слѣду;
Налоговъ тягостью брегись мрачить побѣду!
Бывъ алчны воевать, сбирать съ народовъ дань,
Одинъ съ Древлянами вступилъ въ неправу брань,
И въ полѣ мертвымъ палъ подъ мстящими мечами;

Другой хотпь много лѣтпъ и властвовалъ надъ нами,
Но наконецъ его разбилъ въ Болгарахъ Грекъ,
И бренность счастія его представилъ вѣкъ.
Спасаясь отпъ врага, другими палъ врагами;
Его мы слили кровь съ Днѣпровскими струями,
А черепъ намъ служилъ въ народныхъ торжествахъ,
Когда богамъ вино лилъ жрецъ при алтаряхъ.
Такъ кедръ, за облака вознесшійся въ полвѣка,
Въ единый часъ падетпъ рукою дровосѣка.
Съ сей данью, кою съ насъ собралъ теперь Олегъ,
Дары тебѣ шлетъ князь покорныхъ Печенѣгъ:
Колчанъ съ стрѣлами, лукъ, копье, и шлемъ, и латы,
Свой мечь, которато страшились супостаты;
И для ловитвъ тебѣ ведется статный конь,
Въ бѣгу какъ легкій вѣтръ, и яровъ какъ огонь.
Покорства нашего прими въ залогъ ты дани,
И съ трона милостей простри свои къ намъ длани!

ЯРОПОЛКЪ.

Когда побѣду далъ намъ бранный Свѣтовидъ,
Побѣду удержатпь онъ дастъ намъ мечь и щитъ.
Почто вѣщаешь мнѣ о злыхъ премѣнахъ рока?
Тотъ смертный, въ комъ душа безстрашна и высока,
Премѣной счастія не будетъ униженъ,
Ни яркой молніей безсмертныхъ устрашенъ.
Онъ смертью можетъ пасть, но сама смерть ужасна
Великости души колебнуть въ немъ не властна.
Не Печенѣги днесь законъ предпишутъ намъ,
Какую дань платить отпынѣ должно вамъ.
Я дань опредѣлю иль менѣ, или болѣ,

Коль право защитить не возмогли вы въ полѣ.
Но, дань отъ васъ приявъ, я не приму даровъ:
Они суть пагубны несенны отъ враговъ.
Отецъ и воинство, въ порогахъ побіенны,
Всей кровью вашею еще не отомщенны.
Доколѣ Рюриковъ владѣть здѣсь будетъ родъ,
Дотоль врагами Россъ вашъ будетъ чтить народъ.
Съ дарами вашими обратно вы идите
И князю своему велѣнія несите:
Чтобъ каждые луной свершенны шесть путей
Онъ присылалъ пословъ съ покорностью своей;
Чтобъ Росски паруса въ ихъ ходѣ не держались
И передъ ними впредь пороги преклонялись!
Заложниковъ прими, Изведъ, и, взявъ отрядъ,
Во безопасности веди пословъ за градъ!

(Послы уходятъ, сопровожденные Изведомъ и частію Ярополковой стражи.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЯРОПОЛКЪ, ОЛЕГЪ, СВѢНАЛЬДЪ и всѣ бывшіе въ предыдущемъ явленіи, исключая печенѣговъ и ИЗВѢДА.

ЯРОПОЛКЪ *къ Олегу.*

Пойдемъ, Олегъ, во храмъ: пусть жертвоприношенье
Тамъ изъявитъ въ сей день богамъ благодаренье,
Что счастливый конецъ раздоровъ нынѣ зримъ!

ОЛЕГЪ.

Согласна мысль твоя съ желаніемъ моимъ:
Пойдемъ и совершимъ сей долгъ необходимой!

Къ побѣдѣ былъ ведомъ рукой непобѣдимой,
Могущею боговъ и нѣжныя любви,
И, мужественный жаръ она проливъ въ крови,
Желаньемъ славнымъ быть мои наполнивъ чувства,
Доставила въ бояхъ побѣду безъ искусства.
Ахъ, сердцу нашему любезнѣйшій предметъ
Какое мужество и силу придаетъ!
Такъ, истинна любовь ведетъ къ блестящей славѣ.
Иду съ тобой во храмъ, потомъ къ моей Предславѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Къ Предславѣ... ярость... ахъ, и гнѣвъ я долженъ скрыть!
Народу моему спѣши себя явить!
Не проникаетъ онъ причину нашихъ дѣйствій:
Лишь тотъ великъ предъ нимъ, кто спасъ его отъ бѣдствій.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СВѢНАЛЬДЪ *одинъ.*

О дерзостный Олегъ, твоя надменна рѣчь
И твой любовный жаръ мой изощряетъ мечь!
Когда своей княжны ты имя произносишь,
Душѣ соперника мученье, смерть наносишь.
И такъ ты въ Кіевѣ, ты здѣсь, въ моихъ рукахъ;
И брату твоему внушенный мною страхъ
Открылъ тебѣ пути къ сему престольну граду.
Когда бы могъ тебѣ пути открыть и къ аду!
Но что? Иль въ сердцѣ мнѣ уже вселилась лесть?
Обманомъ я возмогъ въ сей градъ Олега ввесть;
Свѣнальдовъ гордый духъ забылъ законы чести!

Ахъ, нѣтъ: то честно все, служитъ что можетъ къ лести.
Отмщеніемъ могу мою обиду стерть:
И жизнь позорная всечасная есть смерть.
Пойдемъ и удалимъ отъ Кіева Вѣрнеста,
А мщенья будемъ ждать отъ времени и мѣста!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ переходную комнату къ княжнѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРЕДСЛАВА и ЗАИДА.

ЗАИДА.

Печальной мыслію свой болѣ духъ не мучь:
Да озаритъ тебя надежды ясный лучь!
Олегъ во Кіевѣ, и съ братомъ онъ согласенъ:
Ты зришь, сколь за него весь страхъ твой былъ напрасенъ.

ПРЕДСЛАВА.

Свирѣпый Ярополкъ владѣетъ въ сихъ стѣнахъ,
А ты мнѣ говоришь, что мой напрасенъ страхъ!
Когда бъ среди враговъ въ бою Олега зрѣла,
Такаго бъ за него я страха не терпѣла:
Своимъ бы мужествомъ онъ могъ себя спасти.
Но скрытный здѣсь ударъ какъ можно отвести!
Въ сей день открыла я источникъ бѣдъ опасный:
Раздоровъ ложный миръ предшественникъ несчастный.

ЗАИДА.

Открытая любовь могла опасна быть,
Когда бы Ярополкъ отважился забыть,
Чѣмъ долженъ брату онъ. Къ тому жъ Свѣнальдъ...

ПРЕДСЛАВА.

Заида,

Сносить я не могу сего вельможи вида:
Или сраженій богъ ему далъ взоръ жестокъ,
Иль бѣдствій отъ него велитъ мнѣ ждать мой рокъ,
Не знаю, нѣкій страхъ мои въ немъ видятъ очи,
Который подтвержденъ мнѣ сномъ прошедшей ночи.
Мечта конечно сонъ, но боги иногда
Насъ предваряютъ сномъ, коль намъ грозитъ бѣда.
Князь добрый долженъ быть самимъ богамъ любезенъ:
Какъ смертнымъ, такъ и имъ онъ благостью полезенъ,
И, подданныхъ своихъ храня блаженну часть,
Онъ добродѣтели установляетъ власть.
Олега славны дни стрегутъ конечно боги.
Чтобъ отвратить судьбы опредѣленья строги,
Въ молчаньи нощи мнѣ они послали сонъ:
На возвышеніи увидѣла я тронъ;
Предъ трономъ жертвенникъ; на тронѣ царь, но бранный,
Не Ярополкъ то былъ, а нѣкій образъ странный...
Онъ пламенемъ дышалъ, скрывала взоры бровь,
И съ рдяныхъ ризъ его точилась черна кровь.
Я ужаснулася и очи отвратила.
Богиня нѣжныхъ чувствъ Олега мнѣ явила;
Минуту радостну имѣла я во снѣ.
Увѣнчанъ лаврами, стремился онъ ко мнѣ,
Онъ руку простиралъ, и я къ нему стремилась,
Какъ грянулъ громъ и твердь земная разступилась,
Изшло чудовище... Свѣнальдъ... его былъ взглядъ,
Но вмѣсто власъ змѣи вздымаяся шипятъ;
Вступивъ онъ къ тартару въ путь мрачный, искривленной,
Съ собой Олега влекъ рукой окровавленной.

Блѣдна, отчаянна ему летѣла въ слѣдъ...
Но сонъ прервался мой, и съ нимъ явленье бѣдъ.

ЗАИДА.

Коль защищенъ Олегъ могущими богами,
Спасется ихъ рукой, не суетными снами.
Тревожны мысли въ день, тебя смутили въ ночь,
И страховъ горестныхъ мечта злосчастна дочь.
Доколѣ твой Олегъ внѣ стѣнъ сего былъ града,
Его прихода ждать была твоя отрада;
Ты говорила: съ нимъ минетъ смертельный страхъ;
Теперь трепещешь ты, его въ сихъ зря стѣнахъ:
Какой же духъ въ тебѣ?

ПРЕДСЛАВА.

Любовницы духъ страстной,
За милый свой предметъ трепещущій всечасно,
Который за него средь нѣжной суеты
Не только явныхъ бѣдъ, страшится и мечты.
Еще съ младенчества судьбы ко мнѣ суровы:
Рожденна къ скиптру, носила я оковы,
И Россовъ съ Греками союзною рукой
Вѣнецъ съ главы упалъ, и тронъ низверженъ мой.
Къ неустрашимости мы бѣдствами ведомы:
Не столь боимся бурь, коль часто слышимъ громы;
Не ужаснуся я, увидя смерти часъ:
Но страхи за любовь чѣмъ исцѣлятся въ насъ?

ЗАИДА.

Но гдѣ опасности? Олегъ любимъ въ народѣ.

ПРЕДСЛАВА.

Или злодѣевъ нѣтъ въ несчастномъ смертномъ родѣ?

На преступленье князь опредѣли свой вѣкъ;
Страстямъ его служитъ найдется человѣкъ:
И у царей въ рукахъ сокровищъ ослѣпленье.
Къ добру ведетъ насъ вѣкъ, къ злодѣйству мгновенье.
Одинъ злодѣй сыщись: Олегу смерть грозитъ.

ЗАИДА.

Во градѣ семъ Вѣрнестъ: иль онъ не защититъ?...

ПРЕДСЛАВА.

Вѣрнестъ во градѣ семъ? Онъ здѣсь? О щедры боги!
Я чувствую, что вы ко мнѣ не столько строги.
Сей вѣстью страхъ прошелъ, спокоилася кровь.
Вѣрнестъ Олегу другъ, а дружба какъ любовь;
Въ ней тѣ же чувствія, тѣ жъ нѣжныя старанья;
Любви вся прелесть въ ней, лишь нѣтъ ея страданья.
И другъ онъ бѣдствія Олега сохранитъ.
Но шумъ... Олегъ идетъ, мнѣ сердце говоритъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕДСЛАВА, ОЛЕГЪ и ЗАИДА.

ОЛЕГЪ.

Тебя ли зрю, княжна! О радостны минуты!
О боги! Кончились мои терзанья люты:
Олегъ теперь счастливъ; у ногъ Предславы онъ.

ПРЕДСЛАВА.

Прешла моя печаль, и кончился мой стонъ!
Олега вижу я, Олегомъ я любима;
Предслава престаетъ судьбою быть гонима.

ОЛЕГЪ.

Любима ты... твой взоръ, какъ искра божества,
Есть жизнь Олеговой души и существа.
И если бъ образъ твой забыть я былъ удобенъ,
Тогда мой хладный вѣкъ былъ смерти бы подобенъ.
Ахъ, нѣтъ, ничѣмъ, никакъ не истребится страсть;
Ее лишь съ жизнію боговъ окончитъ власть.
Во градахъ ей дышалъ, и ей питался въ полѣ;
Твой видъ мнѣ предстоялъ въ бояхъ и на престолѣ;
Когда былъ подданный судомъ моимъ счастливъ,
Ему вѣщалъ, что я тобою справедливъ;
Коль низлагался строй моимъ мечемъ въ сраженьѣ,
Я всѣмъ гласилъ: любовь руки ведетъ движенье.
Такъ, именемъ твоимъ блаженствовалъ народъ,
Сражалися враги: и если смертныхъ родъ
Я превзойти хотѣлъ, и въ путь стремился славы;
Желалъ достойнымъ быть руки моей Предславы.

ПРЕДСЛАВА.

Ахъ, какъ взаимна страсть питала здѣсь меня!
Средь тишины ночей и въ самомъ шумѣ дня
Одинъ твой образъ былъ предметъ воображенья;
Ты былъ виной души малѣйшаго движенья;
Въ Олегѣ для меня весь заключался свѣтъ;
Всегда и всюду мысль тебѣ летѣла въ слѣдъ:
Когда представится страдающимъ въ разлукѣ,
Стенящимъ жалобно въ тоскѣ, въ любовной мукѣ,
И вспоминающимъ прощанья грустный часъ;
Стѣснится грудь моя, пробьются слезы съ глазъ.
Когда жъ воображу любезный видъ Олеговъ,

Среди мечей и стрѣлъ, средь грозныхъ Печенѣговъ:
Какой жестокій часъ для нѣжныя любви!
Я сердцемъ трепещу, въ волненіи крови
Хочу бѣжать къ тебѣ, въ ряды стремиться смѣлы,
Прикрыть твою главу отъ тучь несущихъ стрѣлы,
И смертію моей спасти Олега дни.
Увы, когда бъ ты зналъ, сколь дороги они;
Такимъ опасностямъ не подвергалъ ихъ болѣ!

ОЛЕГЪ.

Сколь дни мнѣ дороги, я испыталъ то въ полѣ.
Не смерть была страшна. Я зрѣлъ ее въ бояхъ,
Я часто зрѣлъ ее, и не коснулся страхъ.
Средь боя умереть не столь еще несчастно;
Но, смертью чувствъ лишась, престать любить, ужасно.

ПРЕДСЛАВА.

Когда любовь тебѣ твоихъ дороже дней;
Ахъ, знай, что жизнь твоя дороже мнѣ моей!
Какъ матери моей я смертію лишилась;
Оставить жизнь и ей послѣдовать рѣшилась,
Въ отчаяньи себя увидѣвъ сиротой:
Ты утѣшителемъ явился предо мной.
Тогда, сказала я, имѣю я супруга;
Конечно въ немъ найду заступника и друга.
И сколь ударомъ симъ мой рокъ мнѣ ни суровъ;
Жить должно для любви: снесенъ ударъ боговъ.

ОЛЕГЪ.

Увы, какъ горести твои часы смущали,
Олегъ не могъ съ тобой тѣ раздѣлить печали,
Спокоить грудь твою, и слезы отереть!

И такъ любовію ты отклонила смерть?
Ты для меня живешь? Какой даришь отрадой!
Ахъ, коль мою любовь ты можешь чтить наградой,
Всѣ званія приму: твой пламенный супругъ
Заступникъ будетъ твой, надежный будетъ другъ.
И все, что на землѣ и нѣжно и священно.
Въ суровостяхъ своихъ ужъ небо къ намъ премѣнно.
Хотя желанна дня и не назначилъ братъ,
Но я надѣюся оставить здѣшній градъ,
Сопровожденъ тобой, любовію счастливой.
Уже Древлянскій край давно нетерпѣливой
Владычицу принять готовитъ торжество,
И срѣтитъ онъ тебя какъ свѣтло божество.
Ко воинству Вѣрнестъ сей часъ отправленъ мною...

ПРЕДСЛАВА *съ смущеніемъ.*

Что слышу я? Олегъ, Вѣрнеста нѣтъ съ тобою?

ОЛЕГЪ.

Онъ въ градъ со мной вошелъ; но Ярополкъ желалъ,
Чтобъ къ воинству его съ отрядомъ я послалъ.
Не хочетъ видѣть онъ оружія во градѣ,
И станъ отступитъ мой отъ стѣнъ къ его отрадѣ.

ПРЕДСЛАВА.

Отступитъ воинство... и здѣсь Олегъ одинъ!
Твой братъ того желалъ; но для какихъ причинъ?
Почто онъ требовалъ Вѣрнеста удаленье?

(Свѣнальдъ входитъ.)

(Въ сторону.)

Свѣнальдъ... жестокій видъ! Какъ скрыть мое смущенье!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРЕЖНІЕ, СВѢНАЛЬДЪ и ВОИНЫ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Ведите, воины, княжну въ ея чертогъ!

ОЛЕГЪ.

Что слышу!

ПРЕДСЛАВА.

Небеса!

ОЛЕГЪ.

Свѣналдъ, кто дать возмогъ
Такой приказъ тебѣ? Кто столько дерзновенный...

СВѢНАЛЬДЪ.

Бесѣдой здѣсь твоей соперникъ раздраженный,
Твой братъ.

ОЛЕГЪ.

Любовію мой братъ горитъ къ княжнѣ!

ПРЕДСЛАВА.

Или мучительствомъ любезнымъ будетъ мнѣ!

ОЛЕГЪ.

Сей рѣчью пораженъ, какъ громовой стрѣлою;
Остановилась кровь; свѣтъ меркнетъ предо мною.
Измѣна страшная!

СВѢНАЛЬДЪ *воинамъ.*

Ведите вы княжну!

ОЛЕГЪ.

Постой, пусть Ярополкъ всю вооружитъ страну;
Пускай приходитъ съ ней лишать меня Предславы:
Одинъ я защищу мои надъ нею правы!

Когда, мечемъ сраженъ, ногой его попрать,
Я буду мертвъ; тогда ее возметъ тиранъ.

СВѢНАЛЬДЪ *воинамъ.*

Вы князя своего исполните веленье!

ОЛЕГЪ *хочетъ обнажить мечь и стремится къ воинамъ.*

Нѣтъ, трепещите вы!

ПРЕДСЛАВА *бросается между Олега и воиновъ, которые обнажили свои мечи.*

О пагубно стремленье!
Постой, Олегъ! Тебѣ разставлена здѣсь сѣть.
Что можешь?

ОЛЕГЪ.

За тебя могу я умереть.

ПРЕДСЛАВА.

Ты хочешь умереть! Не должно жить мнѣ болѣ,
Или меня Олегъ оставитъ здѣсь въ неволѣ!

ОЛЕГЪ.

Иль безъ тебя могу я жизнь свою влачить!

ПРЕДСЛАВА.

Живи, чтобъ за себя и за Предславу мстить!
Твой станъ у градскихъ стѣнъ: иди, спѣши ко стану,
Вступи въ свои полки и стрáхъ неси тирану!
Но если рокъ къ тебѣ несправедливъ, суровъ;
Безстрашна и тверда я буду средь оковъ.
Тебя любитъ Олегъ, тирана ненавидѣть
Престану я тогда, какъ свѣтъ престану видѣть,
Прости!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОЛЕГЪ и СВѢНАЛЬДЪ.

ОЛЕГЪ.

Ведутъ ее... и неподвиженъ я;
За свой берусь мечь... безъ силъ рука моя,
И страшный, смертный хладъ въ мои преходитъ члены:
Такъ, нѣтъ и чувства въ насъ, коль люто оскорбленны!

СВѢНАЛЬДЪ *въ сторону.*

Есть чувствія во мнѣ; тѣ чувства: гнѣвъ и месть.

ОЛЕГЪ.

За дружбу, Ярополкъ, ты брату могъ нанесть,
Ударъ мучительный и язву толь глубоку!
Не испыталъ бы я такую грусть жестоку,
Лишаясь навсегда и трона и вѣнца...
Не въ нихъ отраду зрятъ чувствительны сердца:
Но потерять княжну... лишеннымъ быть Предславы!...

СВѢНАЛЬДЪ *въ сторону.*

Я наслаждаюся.

ОЛЕГЪ.

Нѣтъ, честности уставы
Толико позабыть не можетъ Ярополкъ!
Онъ страстью ослѣпленъ: но коль услышитъ долгъ,
Природу, честь; пройдетъ постыдно ослѣпленье.

(Къ Свѣнальду.)

А ты, принесшій мнѣ жестокое смущенье,
Мнѣ бывшій другъ всегда, пойдемъ! Отъ нашихъ словъ...
Но блѣденъ, трепещенъ, ты мещешь взоръ суровъ.
Уже ли ты, Свѣнальдъ, не другъ Олегу болѣ?

СВѢНАЛЬДЪ.

Друзьями можно быть лишь тѣмъ, кто въ равной долѣ;
Ты князь, я подданный: мнѣ ль другомъ быть тебѣ?

ОЛЕГЪ.

Что княземъ я рожденъ, угодно то судьбѣ.
Тебя возвысили достоинство, заслуга.
Въ вельможѣ истинномъ князь долженъ видѣть друга.

СВѢНАЛЬДЪ.

Ахъ, такъ, твоимъ отцемъ я отличаемъ былъ;
Я кровію моей отличіе купилъ,
И больше лавръ въ бояхъ пожато сей рукою,
Чѣмъ солнечныхъ путей свершилось надъ тобою;
На семъ челѣ враги могли свой страхъ прочесть:
Но чрезъ тебя, Олегъ, моя померкла честь;
Мой сынъ тобой казненъ, мой родъ покрытъ позоромъ;
Какимъ же на тебя взирать мнѣ должно взоромъ?

ОЛЕГЪ.

Какъ другъ, Свѣнальдъ, взирать ты долженъ на меня:
Я сына осудилъ, въ душѣ моей стеня.
Но сынъ твой, о Свѣнальдъ, гордясь моей любовью,
Гордяся текшей въ немъ твоею славной кровью,
Законы, правы, честь ногою попиралъ;
Неистовъ... отъ него мой весь народъ страдалъ.
Я правосудіемъ обязанъ былъ народу.
Князь долженъ позабыть и дружбу и породу,
Когда вѣсы и мечь предстанятся предъ тронъ;
Небесный судъ боговъ изображаетъ онъ;
И долженъ строгимъ быть, безсмертны сколько строги,
И столько жъ справедливъ, какъ справедливы боги:

Судъ должность первая носящаго вѣнецъ.
Но сына злобнаго величественъ отецъ;
Я, сына наказавъ, къ отцу храню почтенье.

СВѢНАЛЬДЪ *въ ярости.*

Престань, Олегъ, престань сугубить огорченье!
Когда бъ не подданнымъ Свѣнальдъ родился въ свѣтъ,
Сразиться бы съ тобой одинъ мой былъ отвѣтъ;
Но знай, противъ тебя храня на сердцѣ злобу,
Что я клялся сойти въ моей враждѣ ко гробу!

ОЛЕГЪ.

Вражда несчастіе, мученіе сердецъ.
Я зрю, что страждешь ей. Прощаю: ты отецъ;
И я не оскорбленъ и дерзость позабуду:
Несчастливъ ты, Свѣнальдъ!

(Олегъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СВѢНАЛЬДЪ *одинъ.*

Иль отомщенъ не буду!
Страшись, Олегъ, страшись! Приближился твой часъ,
И въ Ярополкѣ днесь слабѣетъ крови гласъ.
Когда томился онъ твоимъ съ княжной свиданьемъ,
Когда его душа была полна страданьемъ;
Въ немъ ревность большую къ терзанью вспламенилъ
И ѣдкой страсти сей отраву всю излилъ.
Съ совѣта моего постигло разлученье.
Пойду, усугублю любовное мученье.
Олегъ кичливостью мой подкрѣпитъ навѣтъ.

Въ послѣдній, можетъ, день, мой врагъ, ты видишь свѣтъ!
Вселися, Чернобогъ, ты въ душу мнѣ сурову,
Чтобы возмогъ ему придумать казнь я нову,
Текущу кровь его по капли исчитать
И въ сердцѣ трепетномъ боль смерти прочитать!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЯРОПОЛКЪ и СВѢНАЛЬДЪ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Куда идешь, о князь, среди сего смятенья!
Къ Предславѣ ль шествуешь? Ея ли ищешь зрѣнья?
Къ Олегу страстію исполненъ взоръ ея,
И онъ умножитъ лишь мученіе твое.

ЯРОПОЛКЪ.

Увы, не знаю самъ, куда иду смущенный!
Мой умъ теряется, страстями омраченный.
И ревность, и боязнь, и злоба, и любовь,
Душею овладѣвъ, мою волнуютъ кровь.
Отъ брата я бѣгу. Онъ оскорбленъ, я страстенъ;
Я презрѣнъ, онъ любимъ; онъ страждетъ, я несчастенъ:
Намъ видѣться въ сей часъ не должно межъ собой.

СВѢНАЛЬДЪ.

Къ разлукѣ сей четы хоть данъ совѣтъ и мной,
Чтобъ укротить твой духъ въ стремленіяхъ ревнивыхъ;
Но не могу сокрыть я страховъ справедливыхъ:
На брань Предславою твой былъ подвигнутъ братъ.
Иди, рекла она, когда твой станъ у вратъ,
Вступи въ свои полки и страхъ неси тирану!
Олега выпущать я запретилъ ко стану,

И къ городскимъ вратамъ поставленъ мной отрядъ.
Но мятежемъ Олегъ наполнить можетъ градъ.
Какъ твой народъ въ немъ чтитъ притворну добродѣтель,
Ты самъ, о государь, въ сей день тому свидѣтель.
Страшуся, чтобъ Олегъ, сей случай взявъ въ предлогъ,
На пагубу твою отважиться не могъ:
Не только силою похитить онъ Предславу,
Но, можетъ быть, еще и самую державу.
Ты слышалъ, Ярополкъ, его надменну рѣчь:
Престолъ, онъ говорилъ, найдетъ ему и мечь;
А гордая душа въ томъ ставитъ возвышенье,
Чтобъ смѣло посягнуть на дерзко преступленье.

ЯРОПОЛКЪ.

Меня лишь болѣе смущаешь ты въ сей часъ.
Неутѣшителенъ твоей мнѣ дружбы гласъ;
Ты мнѣ на раны льешь единую отраву.
Боявшись за любовь, страшиться ль за державу?
Что въ власти мнѣ, когда въ себѣ не властенъ духъ?
Къ совѣту твоему почто склонилъ я слухъ:
Почто Олега ввелъ во Кіевскія стѣны?
Не ужасался бы я подданныхъ измѣны.
Возсталъ бы мой народъ; моя прешла бы власть:
Но не терзалась такъ моя бъ несчастна страсть.
Похитилъ бы княжну, и, удалясь изъ града,
Не разлучился бъ съ ней у самой двери ада.
Виною мукъ моихъ твой пагубный совѣтъ.
Оставь меня, бѣги: мнѣ весь противенъ свѣтъ...
Куда идешь, Свѣнальдъ... останься... забываюсь;
Волнуемый страстьми, разсудка я лишаюсь.

Изъ пропасти, мой другъ, извлечь меня приди:
Мое отчаянье, коль можешь, упреди!

СВѢНАЛЬДЪ.

Скорѣе камень тотъ подверженъ истребленью,
Который по рѣкѣ противится стремленью.
Влекомый страстію, не стой противу ей;
Но, счастливымъ чтобъ быть, рѣшиться нынѣ смѣй!

ЯРОПОЛКЪ.

Скажи, Свѣнальдъ, вѣщай, мою чтобъ кончить муку,
Чтобъ нынѣ получить Предславы милой руку...

СВѢНАЛЬДЪ.

Не будь, о государь, какъ робкій человѣкъ,
Боящійся мечты и совѣсти упрекъ!
Олегъ въ твоихъ рукахъ: скончай его судьбину!

ЯРОПОЛКЪ.

Что смѣешь предлагать? Какую злость змѣину
Ты гласомъ дружества внушать дерзаешь мнѣ?

СВѢНАЛЬДЪ.

Смерть брата твоего единый путь къ княжнѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Олегъ въ надеждѣ шелъ на честь мою и душу:
Гостепріимства ли законы здѣсь нарушу?

СВѢНАЛЬДЪ.

Да, здѣсь, гдѣ, съ миромъ вшедъ, тебѣ готовитъ ковъ,
И гдѣ подъ твой престолъ подводитъ скрытный ровъ.
Тотъ смертный, кто царю могъ случай дать къ боязни,
Хоть не преступникъ онъ, уже достоинъ казни.

ЯРОПОЛКЪ.

Но братъ!...

СВѢНАЛЬДЪ.

Твой подданный; и чѣмъ славнѣе онъ,
Тѣмъ можетъ потрясти сильнѣе царскій тронъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но добродѣтели, и совѣсть, и природа...

СВѢНАЛЬДЪ.

Предубѣжденія, приличны для народа;
Природа, крови гласъ, привычка лишь одна;
А добродѣтелей намъ каждая страна,
Различна кровами, даетъ различны виды:
Иную Кіевъ чтитъ, иную Пропонтиды.
Властолюбивый мужъ отвергнетъ ихъ законъ,
Коль выгодамъ его противорѣчитъ онъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ, нѣтъ, чудовище, геэнной порожденно,
Такою злобою не будетъ ухищренно!
Ужасенъ, о Свѣнальдъ, неистовъ твой совѣтъ.

СВѢНАЛЬДЪ.

Доколь соперникъ твой зрѣть солнца будетъ свѣтъ,
Дотоль не утолишь свою несносну муку.

ЯРОПОЛКЪ.

Предславѣ предложу убійственную руку,
И чрезъ Олеговъ трупъ я съ ней пойду во храмъ?...
Нѣтъ, нѣтъ!

СВѢНАЛЬДЪ.

Такъ жди, чтобъ братъ все то исполнилъ самъ,
Похитилъ твой престолъ, и чтобъ рукой кровавой
Онъ погубилъ тебя, и обладалъ Предславой,
И ей принесъ бы въ даръ главы твоихъ друзей!

СВѢНАЛЬДЪ.

Ты оскорбленъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Мстить долженъ.

СВѢНАЛЬДЪ.

И отдаешь княжну.

ЯРОПОЛКЪ.

Сей миръ межъ нами ложенъ.
Совѣтъ пріемлю твой. Соперникъ долженъ пасть.
Любовь моя и честь, и оскорбленна власть,
И все велитъ... Но чья рука...

СВѢНАЛЬДЪ.

Моя.

ЯРОПОЛКЪ.

Ты примешь исполненье!

СВѢНАЛЬДЪ.

Вели, и радостно исполню повелѣнье.
Въ твоихъ чертогахъ братъ сей ночью вкуситъ сонъ;
Отъ сна безчувственно прейдетъ ко смерти онъ.
Рука, сражавшая Болгаръ и Печенѣговъ,
Недрогнувъ, поразитъ и вѣкъ прерветъ Олеговъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Сей ночью!

СВѢНАЛЬДЪ.

Ночью сей. Толь важный приговоръ
Надежнѣе свершить, коль скрытъ ударъ и скоръ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но воинство его подъ нашими стѣнами.

СВѢНАЛЬДЪ.

Пусть нападеніемъ предупредится нами.
Вели вооружить въ молчаньи рать свою,
И въ часъ, какъ ночи мракъ уступитъ слабу дню,
Я поведу ее къ противничьему стану.
Олега войско тамъ еще во снѣ застану;
Побѣда легкая надъ онымъ будетъ мнѣ;
Оно пробудится среди мечей, въ огнѣ,
И, нападеніемъ незапнымъ удивленно,
Или предастся намъ, иль будетъ пораженно:
И бой одинъ тебѣ доставитъ новый тронъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Но къ Новуграду коль дойдетъ Олеговъ стонъ;
Владиміръ, младшій братъ, содрогшись преступленья,
Не вооружится ли на правое отмщенье?

СВѢНАЛЬДЪ.

Отмщенье чувствовать еще Владиміръ младъ.
Но если на тебя онъ вооружитъ Новградъ;
Къ торговлѣ, не къ войнѣ, граждане пріученны
Удобно могутъ быть тобою побѣжденны:
Всегда богатству въ слѣдъ идетъ развратъ сердецъ.
Владиміръ, въ брань вступивъ, утратитъ свой вѣнецъ.
Тогда Россіи всей воспримешь ты державу,
Тогда тщеславіе тебѣ предастъ Предславу;
Побѣда и любовь твои вѣнчаютъ дни.

ЯРОПОЛКЪ.

Любовью мысли всѣ рѣшилися мои.
Свѣнальдъ, въ тотъ самый часъ, когда не станетъ брата,
Всѣхъ воиновъ сбери повѣсткою набата.

Сихъ звуковъ ожидашь мой алчный будешь слухъ.

(Олегъ входитъ.)

Олегъ... жестокій часъ... смущается мой духъ!
Пойдемъ: я взоровъ здѣсь его встрѣчать не смѣю;
Довольной твердости къ злодѣйству не имѣю.

(Ярополкъ и Свенальдъ уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОЛЕГЪ, ПРЕДСЛАВА и ЗАИДА.

ОЛЕГЪ.

Онъ отвращается... онъ убѣгаетъ насъ!
И благодарности не хочетъ слышать гласъ.

ПРЕДСЛАВА.

Смущенное чело и взоры потупленны...
Нѣтъ, страхи всѣ мои еще не истребленны;
Нѣтъ, страсть преступную его скрываетъ грудь.

ОЛЕГЪ.

Но онъ обѣтъ мнѣ далъ.

ПРЕДСЛАВА.

Чтобъ лучше обмануть.
Онъ слабъ, а ты могущъ: къ коварству онъ прибѣгнулъ.
Ревнивъ онъ, ты любимъ: природу онъ отвергнулъ.
Зри мой невольный страхъ и опытъ убѣдись:
Для имени любви изъ града удались!

ОЛЕГЪ.

Что предлагаешь ты!

ПРЕДСЛАВА.

Намъ нужную разлуку.

ОЛЕГЪ.

Скажи несчастіе, скажи смертельну муку...

ПРЕДСЛАВА.

Спаси ты дни свои чрезъ временный побѣгъ!

ОЛЕГЪ.

Дней бѣгствомъ никогда не сохранялъ Олегъ:
Супругомъ лишь твоимъ сіи оставлю стѣны.

ПРЕДСЛАВА.

Измѣна предстоитъ.

ОЛЕГЪ.

Не убоясь измѣны,
Не разлучусь съ тобой, храня священный долгъ.

ПРЕДСЛАВА.

Одинъ ты.

ОЛЕГЪ.

Не страшусь.

ПРЕДСЛАВА.

Мнѣ страшенъ Ярополкъ:
Погибнетъ и Олегъ, погибнетъ и Предслава.

ОЛЕГЪ.

Сей Ярополкъ мнѣ братъ, рожденъ отъ Святослава;
Я мыслить не могу, чтобъ онъ коваренъ былъ.

ПРЕДСЛАВА.

Иль преступленія его ты позабылъ?
Не въ сей ли день, какъ ты ему несъ миръ и славу,
Онъ смѣлъ мнѣ предлагать и руку и державу?
Не въ часъ ли милый намъ, свиданья въ первый часъ,
Онъ поразилъ любовь, и разлучилъ онъ насъ?
Несправедливости его когда нѣтъ мѣры,

Еще ли ждешь, Олегъ, ей новые примѣры?
Почто ушелъ отъ насъ?

ОЛЕГЪ.

Чтобъ сердце побѣдить.
Твой взоръ стремленіе опять въ немъ могъ родить.
Не осуждай его, разсѣй свои тревоги!

ПРЕДСЛАВА.

Могу ль разсѣять ихъ, когда и сами боги
Страшатся, можетъ быть, за славны дни твои.
Они внушили сномъ боязни всѣ мои.

ОЛЕГЪ.

Уже ль ты думаешь, что днесь для человѣка
Нарушится предѣлъ назначенный отъ вѣка,
И чудо для меня низпошлютъ небеса?
Вселенная боговъ являетъ чудеса;
Но, мира учредивъ единожды законы,
Не нарушаютъ ихъ для нашей обороны;
Чтобы вѣщать, къ мечтамъ не прибѣгаютъ сна:
Во снахъ судьбу читать есть слабость лишь одна.

ПРЕДСЛАВА.

Постыдно слабой быть въ бѣдѣ обыкновенной;
Лишь слезы, унывать въ оковахъ удрученной,
Страшиться умереть: позорна слабость та;
Но ты въ опасности, и смутный сонъ, мечта
Нещщетны для меня и заключаютъ важность.
Полезна слабость мнѣ; твоя грустна отважность.
Сей неподвластный градъ, чертогъ сей, ночи мракъ,
Твой братъ колеблемый, его смущенный зракъ,
Его Свѣнальдъ, на насъ метнувшій взгляды гнѣвны:

Въ Предславѣ множитъ все терзанія душевны.

ОЛЕГЪ.

Свѣнальдъ мнѣ дерзскій врагъ: я то въ сей день познаЛъ.
Рожденный сердцемъ твердъ, жестокъ годами сталъ.
Любовь твоя ко мнѣ вражду его проникла:
Ахъ, нѣжная любовь чтитать въ сердцахъ обыкла!
Но что противъ меня онъ можетъ предпринять?
Его лишь участь есть вотще враждой страдать.
Ты твердость почерпни въ своей къ Олегу страсти;
Любя безстрашнаго, боишся ли напасти!
Но наступаетъ ночь; разстанусь я съ тобой
И къ брату поспѣшу. Онъ убѣдится мной,
Чтобъ завтра соединилъ онъ наши всѣ поступки.
Предслава, удали свои предчувствіа лютыя,
Надеждой озарись, спокойною пребудь!

(Олегъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕДСЛАВА и ЗАИДА.

ПРЕДСЛАВА.

Заида, не могу мою спокоить грудь
И твердой нынѣ быть стараюсь я напрасно.
Предчувство нѣкое смущаетъ духъ всечасно.
Пойдемъ однако же, я предаюсь судьбѣ:
Быть можетъ, что къ моей преклонится мольбѣ.
Князь добрый первый даръ боговъ щедротъ несчетныхъ;
На тронѣ добрый князь подобіе безсмертныхъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Происходитъ въ ночи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЯРОПОЛКЪ *одинъ выходитъ въ смущеніи.*

Увы... нѣтъ сна! Но мнѣ и наяву мечты
Являются среди окрестной темноты.
Дымящіеся зрю мечи окровавленны,
Низпадшія главы, растерзанные члены
И кровь у ногъ моихъ, текущую рѣкой,
И тѣнь родителей, стенящихъ предо мной.

(Бросается въ кресла и по нѣкоторомъ молчаніи.)

Не убѣждаюсь я, Свѣнальдъ, твоимъ ученьемъ:
Мой слабый умъ еще сраженъ предразсужденьемъ.
Привычка ль робкая, или природы гласъ
Мнѣ вопіетъ: злодѣй, чего ждешь въ сей часъ?
Кого ты повелѣлъ низвесть во мрачность гроба?
Съ тобой Олегу жизнь одна дала утроба,
Одною кровію сердца біются въ васъ.
Но смертью узы всѣ прервутся между насъ.
Не должно ужаса мнѣ предаваться силѣ;
Мгновеніе, и мертвъ Олегъ пребудетъ въ могилѣ;
Еще единый мигъ, и будетъ все равно,
Что умеръ нынѣ онъ, иль умеръ онъ давно;
Что въ свѣтѣ былъ онъ день, иль годъ, или полвѣка:

Во безднѣ вѣчности ничто жизнь человѣка.
Но право: что даетъ прервать Олега дни?
Мое спасеніе, опасности мои,
Кичливый брата нравъ и слово дерзновенно...
Ахъ, кто размѣритъ рѣчь, коль сердце оскорбленно!
Ему родителемъ Предслава отдана.
Невиненъ онъ; моя виновна страсть одна.
Они росли, любовь питали другъ ко другу;
Я брата оскорблялъ, его любя супругу.
Но у меня Олегъ хотѣлъ похитить тронъ;
Межъ подданныхъ моихъ измѣну сѣялъ онъ.
Могу ли доказать? И кто тому свидѣтель?
Онъ здѣсь любимъ: но чтожъ? Народъ чтитъ добродѣтель;
Какъ солнце, кроткій князь по всей землѣ любимъ.
Побѣды плодъ онъ здѣсь повергъ къ ногамъ моимъ;
Его душа чужда коварнаго притворства;
Главы не склонитъ онъ, коль въ мысли нѣтъ покорства:
Откуда же Свѣнальдъ извлекъ свою боязнь?
Совѣта мнѣ его внушала ли пріязнь?
Иль брату не вражда ль готовила напасти
И къ гибели его мои подвигла страсти!

(Встаетъ поспѣшно.)

Увы, какъ молнія, въ сей часъ блеснулъ мнѣ свѣтъ!
О варваръ, ты враждой внушалъ мнѣ свой совѣтъ;
Ты, дружбой говоря, дышалъ единой местью,
И мною овладѣлъ измѣннической лестью!
Братъ къ сыну твоему былъ строгъ, но справедливъ,
А ты за сына мстишь, вельможа горделивъ!
И мстишь моей рукой, свою скрывая злобу!
*

Ахъ, брату поспѣшу пресѣчь пути ко гробу...
Набатъ не возгремѣлъ, часъ смерти не наспалъ,
И Ярополкъ еще убійцею не спалъ.

(Идетъ къ преддверію.)

Отпъ спражи сопенникъ...

(Сотенникъ входитъ.)

Спѣши къ тому чертогу,
Гдѣ кончилъ сномъ Олегъ минувша дня тревогу!
Тамъ жизнь его Свѣнальдъ готовится пресѣчь;
Бѣги, останови враждой взнесенный мечь;
Бѣги: мнѣ каждый мигъ ужасно преступленье!

(Сотенникъ уходитъ.)

О боги, времени сдержите вы стремленье!
Минута каждая ведетъ убійства часъ.
При краѣ пропасти чрезъ внутренній мнѣ гласъ
Воззвали грозно вы, и зрѣть себя не смѣю.
Какимъ путемъ я шелъ, повѣрившись злодѣю?
Я друга видѣлъ въ немъ, онъ крови лишь алкалъ...
Безумный... я въ вѣнцѣ, и друга я искалъ.
Едва ль намъ чувствовать позволено природу;
А дружба не для насъ, оставлена народу.

(Слышенъ шумъ за театромъ.)

Но шумъ... объемлетъ страхъ... увы, любезный братъ,
Что сдѣлалось съ тобой!

(Услышавъ набатъ, упадаетъ въ кресла въ отчаяніи.)

Ударили въ набатъ...
Убійство свершено: Олега нѣтъ ужъ болѣ!
И я преступникомъ, и я въ злодѣйской долѣ!

(Звонъ набата усиливается; въ преддверіе вступаютъ воины, частію вооруженные, частію несущіе свѣтильники.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЯРОПОЛКЪ, СОТЕННИКЪ, *держащій мечь окровавленный,* ВОИНЫ.

СОТЕННИКЪ.

Скрѣпи, о государь, встревоженный свой духъ!
Печальной вѣстію я поражу твой слухъ:
За дни Олеговы, за славны дни робѣя,
Вотще ты мнѣ велѣлъ остановить злодѣя;
Вотще я поспѣшалъ въ назначенный чертогъ:
Удара смертнаго я упредить не могъ.
Услышалъ дальній шумъ, изшедъ изъ здѣшня мѣста;
Иду, и шумъ престалъ; пришелъ, зрю: дверь отверста;
Свѣтильникъ уроненъ, и темный слабый свѣтъ
Меня ведетъ въ покой черезъ кровавый слѣдъ.
Вступаю съ ужасомъ, у обагренна ложа
Является мнѣ мечь, чѣмъ смерть нанесъ вельможа.
Олегъ, взываю я; и мой раздался гласъ;
Молчанье, тишина, и темный свѣтъ погасъ,
Какъ бы гнушаяся тотъ ужасъ видѣть болѣ.
И я, поднявъ сей мечь, съ трудомъ изшелъ оттолѣ.

ЯРОПОЛКЪ.

Такъ, поздно уже все... прешелъ Олеговъ вѣкъ!
Свирѣпый братъ его, я, я ту смерть изрекъ;
И я ему нанесъ ударъ и смерти муки;
Такъ, кровью братнею сіи покрыты руки!

О ужасъ, о позоръ, о яростный злодѣй!
Куда укрыться мнѣ отъ совѣсти моей!
Здѣсь шумъ, и тишина, родительскія стѣны
Мнѣ будутъ упрекать безчестіе, измѣны,
Жестокость, лютости, злодѣйство мое.
Но накажу, Свѣнальдъ, коварство я твое!

(Вырываетъ мечь изъ рукъ сотенника.)

Доколь отъ братнихъ ранъ сей мечь еще дымится,
Въ твоей груди, злодѣй, пусть оный обагрится!

(Сотеннику.)

Представь его!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ЯРОПОЛКЪ и воины.

ЯРОПОЛКЪ.

О братъ, вкусившій лютый рокъ!
На твой плачевный трупъ пролью кровавый токъ
Коварнаго врага, чьей ты погибъ рукою.
Предславу зрю... земля разверзнись подо мною!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯРОПОЛКЪ, ПРЕДСЛАВА, ЗАИДА и воины.

ПРЕДСЛАВА.

Спокой, о государь, встревоженну княжну!
Смятенья въ Кіевѣ пришла узнать вину.
Мой страхъ сугубится стенаніемъ набата.
Въ чертогахъ твоего вотще искала брата.

Скажи мнѣ, гдѣ Олегъ?

ЯРОПОЛКЪ.

Ахъ, все свершилось съ нимъ!

ПРЕДСЛАВА.

Свершилось... что... вѣщай!

ЯРОПОЛКЪ.

Злодѣйствіемъ моимъ
Надъ братомъ навсегда сомкнулись двери гроба.

ПРЕДСЛАВА.

О варваръ, о злодѣй... неслыханная злоба!

ЯРОПОЛКЪ.

Такъ, варваръ я, злодѣй, гнуснѣйшій человѣкъ!
Терзай меня, терзай жестокостью упрекъ:
Увы, достоинъ ихъ моимъ я преступленьемъ!
Вельможа хитростью, коварнымъ обольщеньемъ
Къ злодѣйству привелъ несчастнаго меня.
Страдая совѣстью, въ раскаяньи стеня,
Я самъ, самъ слезы лью въ сіи часы жестоки.
Но слезы превращу въ кровавые потоки:
Свѣнальду казнь отмститъ за брата моего.

ПРЕДСЛАВА.

Что въ плачѣ мнѣ твоемъ, что въ казни мнѣ его!
Хоть Кіевъ истреби свирѣпствомъ распаленный,
Мнѣ нужды въ ономъ нѣтъ, нѣтъ нужды во вселенной.
Кого любила я, Олега больше нѣтъ;
Безчувственна теперь, хоть рушься цѣлый свѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПРЕЖНІЕ И СОТЕННИКЪ.

СОТЕННИКЪ.

Несчастье, государь, несчастіе и горе!
Въ смущеніи народъ волнуется, какъ море;
Повсюду слышенъ крикъ, повсюду слышенъ стонъ;
Сугубитъ ужасъ сей гласъ трубъ, набатный звонъ,
И къ граду изойти я не нашелъ дороги.
Гражданами твои окружены чертоги.
Олега имя тамъ одно во всѣхъ устахъ,
Какъ бы ко мщенію его взываютъ прахъ.
Явись, владыка ихъ: падутъ крамольства щетины!

ПРЕДСЛАВА.

Такъ, смертны возстаютъ, коль дремлютъ днесь безсмертны!
Коль, зря убійствіе съ перунами въ рукахъ,
Не поразятъ тебя, и не разсыплютъ въ прахъ;
Коль боги въ небесахъ мнѣ тщетные суть боги:
Иду возжечь мятежъ, и разсѣвать тревоги,
И ярость воспалять разгнѣванныхъ сердецъ.
Ты трепещи, тиранъ: приходитъ твой конецъ!
Пойду и воззову ко воинству, къ народу:
Отмстите за любовь, отмстите за природу!

(Хочетъ итти.)

ЯРОПОЛКЪ, *ее останавливая.*

Куда стремишься ты: остановись!

ПРЕДСЛАВА.

Злодѣй!
Кто право далъ тебѣ надъ вольностью моей?

Но что вѣщаю я? Окончи преступленья!
Олега на землѣ желалъ ты истребленья:
Онъ живъ еще, такъ, живъ; живетъ онъ въ сердцѣ семъ.
Приди, рази его на сердцѣ ты моемъ;
Съ души отчаянной сотри сей видъ любезной;
Насъ смертью съедини, мой вѣкъ окончи слезной!
Иль всюду день и ночь увидишь предъ собой,
Увидишь горькій плачь и стонъ услышишь мой.
Чтобы терзать тебя и мучить повсечасно,
Мое преслѣдуетъ отчаянье ужасно,
Преслѣдуетъ тебя: коль гласъ мнѣ измѣнитъ,
Въ убійствѣ укорять тебя мой будетъ видъ;
Какъ тѣнь твоя... *(Приближаясь къ Ярополку, видитъ мечь на столѣ и поспѣшно его беретъ.)*
Что зрю? О мечь, залогъ кровавый,
Супруга смерть свершивъ, окончи жизнь Предславы!
Олегъ! *(Хочетъ поразить себя кинжаломъ.)*

ЯРОПОЛКЪ.

О страхъ!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ПРЕЖНІЕ, ОЛЕГЪ, ИЗВѢДЪ, ВОИНЫ И НАРОДЪ.

ОЛЕГЪ, *удерживая руку Предславы.*

Постой, возлюбленна княжна!

ПРЕДСЛАВА.

Олега ль зрю!... *(Упадаетъ къ Заидѣ.)*

ЯРОПОЛКЪ.

Олегъ!

ОЛЕГЪ.

Увы, безъ чувствъ она!
Мой видъ остановилъ, прервалъ ея дыханье.
Иль поздно все уже, иль новое страданье!
Предслава, голосъ мой еще услыши ты
И къ жизни возвратись!

ПРЕДСЛАВА, *приходя въ чувство.*

Не тщетныя ль мечты?
Не низошла ли я въ жилище вѣчной ночи?
Не обольщаете ль меня, мои вы очи?
Ты живъ еще, Олегъ!

ОЛЕГЪ.

Такъ, такъ, еще я живъ,
И, зря любовь твою, стократно я счастливъ.

ПРЕДСЛАВА, *бросаясь къ Олегу въ объятія.*

Я жить еще могу.

ОЛЕГЪ.

Любезная Предслава!

(Къ Ярополку.)

Несправедливый братъ, мои ты видишь права.
Они священны суть; любовь мнѣ ихъ дала:
Чтобъ ихъ меня лишить, вся власть твоя мала.
Вотще ты прибѣгалъ къ злодѣйству и тиранству:
Нельзя неволить чувствъ, подвергнуть ихъ подданству.
Ты могъ пронзить мнѣ грудь, мою пролить всю кровь;
Но ты не могъ къ себѣ склонить ея любовь.
По смерти мнѣ вѣрна, полна любовнымъ жаромъ,
Она разилася однимъ со мной ударомъ.
Безъ пользы Ярополкъ, злодѣемъ быть хотѣлъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Хвала богамъ, что я въ злодѣйствѣ не успѣлъ!
Олегъ, въ раскаяньи и посреди позора,
Я на тебя поднять въ сей часъ не смѣю взора:
Свѣнальду надъ собой возмогъ предать я власть.
Гдѣ извергъ лютый сей?

ОЛЕГЪ.

Его свершилась часть.
Онъ, будучи готовъ свое исполнить мщенье,
Открытъ и мной прощенъ, отвергъ мое прощенье.
Трикратно онъ кинжалъ во грудь свою вонзилъ
И палъ въ той храминѣ, гдѣ смертью мнѣ грозилъ.
Отъ умысла его я былъ спасенъ Изведомъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Свѣнальда взысканцемъ!

ИЗВѢДЪ.

Его пойду я слѣдомъ,
Коль должно въ полѣ мнѣ сражать твоихъ враговъ;
Но, изготовленный враждою зрѣвши ковъ,
Спасти Олега дни счелъ долгомъ гражданина:
По Богѣ чтить царя законъ Россіянина,
И жизнь ему предать его главнѣйша честь.

ЯРОПОЛКЪ.

Усердію сему какую мзду принесть?
Какою милостью воздать могу?

ИЗВѢДЪ.

Почтеньемъ.

ЯРОПОЛКЪ.

Достоинъ онаго симъ духа возвышеньемъ.

ОЛЕГЪ.

Чрезъ свѣтъ раскаянья, о Ярополкъ, въ сей день
Коль, озаренъ ты ставъ, позналъ, что счастье тѣнь
Безъ добродѣтели, среди путей разврата;
Конечно моего ты возвратишь мнѣ брата,
Свою преступну страсть достойно побѣдишь,
Отдашь Предславу мнѣ и счастье совершишь.

ЯРОПОЛКЪ.

Увы, еще любовь моей душей владѣетъ,
Воспламененный духъ не скоро охладѣетъ;
Но слабостью моей, жестокостью вины
Я недостоинъ сталъ прелестныя княжны.
Олегъ, изъ рукъ моихъ ея прими ты руку,
Но преступленіемъ мою измѣрь ты муку!
Чтобъ ей владѣть, тебѣ я смертный несъ ударъ;
Познай чрезъ то, какой я уступаю даръ!
А я, въ сей грустный день, наставленный навѣки,
Сколь близокъ къ намъ порокъ, сколь слабы человѣки,
На сердцѣ сохраню, что ложный другъ и льстецъ
Есть язва злѣйшая носящему вѣнецъ.

КОНЕЦЪ ТРАГЕДІИ.

ЭЛОИЗА КЪ АБЕЛЯРУ,

ГЕРОИДА КОЛЯРДО.

ЭЛОИЗА КЪ АБЕЛЯРУ. *)

Среди молчанія, въ жилищѣ шишины,
Гдѣ души суешы и сшрасши лишены,
Гдѣ Богу лишь сердца навѣки посвящены,
Чѣмъ чувсшва днесь мои жесшоко шоль смущенны?
Тѣснишся грудь моя, во мнѣ пылаешъ кровь...
Какая сшрасшь?... Любовь, злосчасшная любовь!
Она у алшарей меня не осшавляешъ,
Во вздохи сшрасшные молишвы премѣняешъ;
Мой Абелярь... Но нѣшъ... Супругъ... Увы, посшой,
Посшой, несчасшная, и имя шо сокрой!
Ты Богу одному супругой нареченна.
О, сколь злосчасшливо была я обольщенна!
Я мыслила, чшо здѣсь пресшану ввѣкъ горѣшь,
Чшо здѣсь спокойсшвіе въ душѣ я буду зрѣшь:
Письмо швоей руки обманъ шошъ исшребило,

*) *Этошъ переводъ былъ первымъ опышомъ поэзіи Озерова. Помѣщаемъ его съ предисловіемъ переводчика и выпискою о жизни Абеляра.*

Часшо предисловія служашъ похвальными словами сочиненіямъ, предъ коими они посшавлены. Красошы многихъ книгъ никшо бы и не зналъ, если бъ сами авшоры не имѣли предосшорожносши выказашь напередъ совершенсшва ихъ, совершенсшва, кошорыя они одни видяшъ. Я не намѣренъ говоришь здѣсь о своемъ переводѣ; шого менѣе о своихъ дарованіяхъ. Сказашь мнѣ, чшо я чувсшвую, сколь даръ мой малъ: подумаюшъ, чшо я испрашиваю помилованія отъ кришиковъ, а выписашь изъ Буало сей часшо упошребляемый сшихъ:

Подъ пепломъ скрытый огнь внезапно воспламенило.
Сто разъ зрю письмена, цѣлую тѣ черты,
Что вредны сердцу столь, разрушивъ всѣ мечты...
Но что я говорю... не вредны, но любезны,
Но услаждающи дни горестны и слезны.
Въ чертахъ сихъ образъ твой драгой мнѣ предстоитъ.
Сей образъ я люблю, мой духъ боготворитъ.
Любовникъ мой!... О стыдъ, въ убѣжищѣ священномъ
Что мыслю, что глашу, и въ сердцѣ что прельщенномъ
Въ отвѣтъ къ тебѣ писать я нынѣ здѣсь хочу?
Пишу... но нѣтъ, письмо слезами омочу;
Черты ими сотру, и словъ ты не познаешь:
Всей слабости моей ты въ нихъ не прочитаешь.
Мнѣ Богъ днесь о любви писать претитъ къ тебѣ:
Покорна... но увы, сама я не въ себѣ!
Мнѣ сердце пламенно любовь одну вѣщаетъ;
Рука ту страсть въ письмѣ дрожаще помѣщаетъ.

О мрачны храмины, гдѣ грѣхъ порабощенъ;
Гдѣ ко спасенію лишь смертный обращенъ;

La critique est aisée, et l'art est difficile,

сочтутъ меня по справедливости надменнымъ. Имѣть отъ природы даръ къ стихамъ необходимо нужно. Человѣкъ съ холодною душею, съ тусклымъ воображеніемъ, будетъ писать рифмы: но родиться искуснымъ стихотворцемъ не возможно; а чтобъ пріобрѣсть искусство, нужно время и упражненіе. Я предлагаю читателямъ первый опытъ мой въ стихахъ. У меня спросятъ: зачѣмъ для перваго опыта я выбралъ столь трудное твореніе? Съ обработаннаго и усовершенствованнаго языка предпріять перевесть лучшую героиду на нашъ языкъ, начинающійся образоваться, конечно было дерзко. Но на сіе отвѣчаю, что

Гдѣ добродѣтель зритъ обѣты приносящу,
По волѣ узницей и безъ грѣховъ стенящу;
Откуда до небесъ восходитъ томный гласъ,
И гдѣ постеніемъ страстей всѣхъ жаръ погасъ!
О хладны мраморы, о вы святыя мощи,
Предъ коими куримъ и служимъ дни и нощи!
Почто, когда я вся любови предана,
Почто, подобно вамъ, я чувствъ не лишена?
Молитвы всѣ мои, поклоны и постенья,
Оковы, тягости и тѣла удрученья,
Все тщетно для меня: и огнь мой не исчезъ,
Хоть льются по груди горьчайши токи слезъ.
Когда я, Абеляръ, письмо твое читала,
Всѣ скорби я твои съ своими вспоминала.
Любовь мнѣ дѣлала отраду при тебѣ:
Въ разлукѣ же любовь влечетъ ко злой судьбѣ.
То вижу я тебя украшенна вѣнцами,
Довольнымъ, счастливымъ: путь степлешь мнѣ цвѣтами;
Или въ пустынѣ ты мнѣ видишься согбенъ,
Со прахомъ на челѣ, подъ рясой удрученъ,

природа въ томъ виновна. Читая Колярдо, я былъ восхищенъ; мнѣ открылся путь Парнасскій, и я почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ. По окончаніи я сравнилъ переводъ свой съ прежде появившимся и напечатаннымъ въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1786 года. Неизвѣстный мнѣ авторъ или переводилъ то же письмо, но другаго сочинителя, или въ преложеніи самъ сдѣлалъ многія перемѣны. Я видѣлъ въ немъ картины, превосходящія мои описанія, но вообще болѣе ума, нежели чувства, и потому рѣшился издать свой переводъ. Знаю, что въ немъ многія мѣста подлежатъ критикѣ, и ея ожидаю, чтобъ просвѣтиться. Мнѣ должно было

Предъ алтаремъ стоящъ, въ слезахъ и воздыхая,
И дни свои во мракъ и скорби погружая.
И такъ мы жизнь должны во кельяхъ проводить,
Забыть другъ друга въ нихъ и страсть всю истребить:
Такъ вѣра ревностна въ судьбахъ опредѣлила,
Когда меня съ тобой сурово разлучила.
Но нѣтъ, пиши ко мнѣ, мнѣ чувство сообщай;
Безъ ропота терпѣть меня ты научай!
Раздѣлимъ грусть: ты плачь надъ скорбями моими;
А я начну стенать печалями твоими...
Несчастнымъ отданъ плачь отрадою одной.
Пусть эхо съединитъ свой гласъ съ моей тоской;
Оно любовниковъ въ бѣдахъ не оставляетъ;
Пускай плачевный стонъ печально повторяетъ!
Ни рокъ, враги, ничто не можетъ запретить
Томиться, рваться намъ и въ скорбяхъ слезы лить.
Но слезы, говоришь, для Бога лишь мнѣ должно:
Ахъ, нѣтъ, не можетъ быть: такъ помышлять безбожно!
Богъ смертнымъ не тиранъ, онъ милостивъ отецъ;
Зрѣть скорбь людей не есть творенія конецъ.

объявить эту мысль, чтобъ оправдаться въ смѣлости предпріятія: вотъ для чего пишу предисловіе.

Абеляръ, не столько извѣстный своими сочиненіями, сколько любовію къ *Элоизѣ*, родился въ *Бретани* 1079 году. Онъ съ молодости занимался словесными науками, и вскорѣ въ философіи и богословіи превзошелъ своихъ учителей *Шампо* и *Ансельма*. Возбужденные завистью, они возстали противъ него; но гоненія ихъ были тщетны. *Абеляръ*, пріобрѣвъ славу, былъ опредѣленъ въ *Парижѣ* къ приходской церкви, куда обратилъ весь городъ.

Пиши ко мнѣ, пиши: такое сообщенье
Любящимся сердцамъ въ разлукѣ утѣшенье.
Конечно даръ письма любовь изобрѣла,
Въ неволѣ страждущимъ любовникамъ дала.
Любовница въ письмѣ всѣ чувства обьясняетъ,
И не стыдясь весь жаръ свой страстный изьявляетъ.
Увы, союзъ предъ симъ законенъ былъ для насъ:
Но злой сразилъ ударъ... насталъ плачевный часъ;
Расторглись узы всѣ, природа возстенала.
Воспомни, какъ твой гласъ я радостно внимала,
Когда подъ дружбою ты предлагалъ любовь!
Изъ устъ твоихъ текла, въ мою лилася кровь,
Вспалила сердце мнѣ, наполнила всѣ чувства;
Твой взоръ меня плѣнять не требовалъ искуства:
Я мыслила въ тебѣ зрѣть ново божество;
Въ обьятіяхъ твоихъ теряла существо.
О, сколь казалась страсть и сладостна и нѣжна!
Я счастіе лишь въ ней обрѣсть была надежна.
Богатство, славу, честь, кумиры всѣхъ людей,
Я въ жертву принесла одной любви моей.

Вскорѣ *Абелярь* свелъ знакомство съ *Элоизою*, происходившею изъ дома *Монморанси*. Иные утверждаютъ, что она была побочная дочь шануана (бѣльца, который, по Римскому закону, также не можетъ вступать въ бракъ). *Элоиза* соединяла изящнѣйшій разумъ съ чрезвычайною красотою. Симъ двумъ превосходнѣйшимъ особамъ своего вѣка стоило другъ друга увидѣть, чтобъ другъ друга полюбить, и они нашли средство предаться безпрепятственно своей страсти. *Элоиза* жила у дяди своего шануана *Фюльбера*, человѣка простаго и скупаго. *Абелярь* выпросилъ у него себѣ жилище въ томъ же домѣ, обѣщаясь ему платить за то большія деньги и сверхъ того обучать

*

Въ прелестной страсти той вселенную забыла;
Міръ, Бога самаго въ тебѣ я находила.
То помнишь Абелярь: ты самъ мнѣ предлагалъ
Свершить обрядный бракъ; ты самъ всегда желалъ
Торжественный обѣтъ принесть предъ алтарями,
Что сильна страсть въ гробу окончится лишь съ нами:
Почто, сказала я, для насъ такой союзъ?
Свободною родясь, любовь не терпитъ узъ.
Любовь не есть порокъ, она лишь добродѣтель,
Виной бываетъ зла, но также благъ содѣтель.
Сколь часто видимъ мы, что брачные вѣнцы
Сильнѣйшей страсти суть несчастные концы.
Повѣрь, что сдѣланъ бракъ для душъ обыкновенныхъ,
И долженъ съединять любовниковъ премѣнныхъ.
Въ свидѣтели любви не призовемъ Творца,
Но внемлемъ страсти лишь, соединивъ сердца;
Всю жизнь ей посвятимъ, и ей займемъ все чувство;
Изучимъ мы любви прелестное искусство:
Даръ болѣ нравиться, въ весельяхъ утопать,
И, словомъ, лишь любовь въ любови обрѣтать.

даромъ племянницу его. *Фюльберъ* радостно согласился на это предложеніе, и позволилъ *Абеляру* учить *Элоизу* во всякое время дня и ночи, и даже наказывать ее, если она будетъ невнимательною. Любовники воспользовались такою свободою и жили совершенно счастливо. Нѣкоторое время скрывали они свой союзъ отъ любопытныхъ взоровъ домашнихъ, но мало по малу стали имѣть менѣе предосторожности, и тайное ихъ сообщеніе, сперва подозрѣваемое, сдѣлалось наконецъ всему городу извѣстнымъ. Одинъ дядя ничего о томъ не зналъ, и самъ съ прочими пѣлъ любовную повѣсть своей племянницы: однакожъ наконецъ понялъ загадку пѣсни. Взбѣшенъ будучи, что учи-

Пускай могущій царь великость повергаетъ,
Съ престола низойдя, мнѣ скипетръ предлагаетъ,
Державой за любовь наградою сулитъ;
Тѣмъ блескомъ онъ меня, ни честью не прельститъ:
Презрю, отвергну все; и скипетръ и державу
Ногами я поправъ, въ тебѣ зрѣть буду славу.
Ты знаешь, Абеляръ, въ душѣ твоей мой тронъ,
Величества и честь и пышный блескъ коронъ.
Любезной быть твоей: вотъ титло дорогое!
Скажи ты имя мнѣ, какое бы иное
Могло мою любовь сильнѣе выражать:
Тебя подъ словомъ тѣмъ я стану обожать.
О сколь, мой другъ, любить, любимой быть пріятно!
Для хладныхъ только душъ то счастье непонятно.
Сей первый есть законъ: все прочее мечта.
Счастливѣй смертныхъ всѣхъ любовниковъ чета.
Взаимны чувства въ нихъ ихъ склонность соединяетъ:
Лишь мыслитъ что одинъ, другой то исполняетъ;
Въ забавахъ и въ играхъ проходятъ всѣ ихъ дни;
Веселья совершивъ, веселій ждутъ они;

нился посмѣшищемъ всего Парижа, онъ сурово поступилъ съ *Элоизою* и выгналъ *Абеляра* изъ своего дома.

Между тѣмъ слѣдствія любви сдѣлались явными: *Элоиза* была беременна. Она увѣдомила о томъ своего любовника, который, увезши ее отъ дяди, послалъ въ *Бретань* къ сестрѣ своей, гдѣ она разрѣшилась сыномъ, который вскорѣ умеръ. Это произшествіе довершило гнѣвъ и ярость *Фюльбера*. Чтобы его успокоить, *Абеляръ* обѣщалъ ему жениться на его племянницѣ, на что шануанъ охотно согласился; но *Элоиза*, по чрезвычайной страсти и особенной нѣжности, лучше хотѣла называться любовницею *Абеляра*, нежели его женою. Долго

Въ источникѣ любви пьюшъ сладкій шокъ блаженства,
Забвенье мрачныхъ золъ и благъ несовершенства.
Мы счастья ищемъ всѣ; любовь ведетъ къ нему;
Она влечетъ сердца къ веселью одному;
Она причина благъ и чувствъ всѣхъ услажденье.
Сей участи и мы вкушали наслажденье.
Но все исчезло вдругъ. О грозна нощь!... О страхъ!...
Я зрю убійцъ твоихъ, у нихъ злой мечь въ рукахъ;
Изъ сердца твоего меня извлечь стремятся;
Ихъ души звѣрскія злодѣйства не стыдятся.
Гдѣ я тогда была? Что дѣлала тотъ часъ?
Мой плачь, мой стонъ, мой вопль смягчили бы за насъ.
Къ ногамъ злодѣевъ сихъ въ отчаяньи бъ припала;
Постойте, варвары, я бъ горестно вскричала:
Коль въ Абелярѣ вы караете любовь,
Не онъ, виновна я: мою пролейте кровь;
Разите сердце мнѣ, оно любовью страстно:
Когда же тщетенъ плачь, моленіе напрасно;
То знайте, что ударъ жестокій отвращу,
И прежде здѣсь его я умереть хочу.

противилась она, но наконецъ склонилась на сей бракъ, который съ общаго согласія долженствовалъ пребыть тайнымъ. *Элоиза* возвратилась къ *Фюльберу;* но онъ противъ своего обѣщанія разгласилъ о союзѣ племянницы съ ея учителемъ.

Абеляръ, опасаясь, чтобъ такое разглашеніе, могущее лишить его прихода и учениковъ, не было принято за достовѣрное, свезъ *Элоизу* въ женскій монастырь *Аржантёль,* гдѣ она съ прочими свѣтскими тамъ жившими дѣвицами носила монашескую одежду. *Фюльберъ,* вообразивъ, что его все обманываютъ, и что тутъ кроется новая измѣна; принялъ варварское намѣреніе отомстить одинымъ уда-

Но что... не внемлете... какое изступленье!
Мой вопль считаете за ново преступленье!
Увы, что вижу я!... Окровавленъ ужъ мечь...
Веселья рушились.., мой стыдъ кончаетъ рѣчь.

Какое же тогда настигло время злое!
Напасть одну прешедъ, злосчастье зримъ другое.
Воспомни, Абеляръ, тотъ слезный день для насъ,
Въ который мнѣ воззвалъ могущій вѣры гласъ;
Въ который предъ алтарь ты велъ меня какъ жертву;
Самъ жертвой будучи, меня влачилъ на жертву.
Дрожащею рукой ты наложилъ покровъ,
И ждалъ въ молчаніи моихъ обѣтныхъ словъ.
Но клятву лишь свою изъ устъ я испустила,
Какъ съ рѣчью скрылся вдругъ лучь дневнаго свѣтила,
Вѣтръ бурный заревѣлъ, раздался въ тучахъ громъ,
Померкъ лампадный свѣтъ, потрясся храмъ и домъ,
Весь ангеловъ соборъ той клятвой изумился,
Всевышній въ небесахъ побѣдой удивился:
Въ такомъ сомнѣніи тогда самъ пребылъ Богъ,

ровъ *Элоизѣ* и *Абеляру*. Злодѣи введены были ночью въ комнату несчастнаго учителя и привели его въ состояніе *Оригена*.

Одинъ современный писатель замѣчаетъ, что сіе плачевное произшествіе сокрушило весь *Парижъ*, особенно женщинъ. »Смерть су»пруга, или любовника, говоритъ онъ, не столько бы для нихъ была »огорчительна, какъ подобное несчастіе *Абеляра*.» Но нельзя изобразить прискорбія *Элоизы*. Однѣ нѣжныя и чувствительныя души могутъ себѣ представить отчаяніе сей горестной любовницы.

Абеляръ, излѣченный отъ своей раны, чтобъ сокрыть позоръ, заключился въ монастырь *св. Діонисія*, гдѣ произнесъ монашескіе

Чтобъ побѣдить тебя, всесиленъ бывъ, возмогъ.
Сколь праведно, увы, сомнѣніе то было!
Когда обѣтъ несла, мнѣ сердце измѣнило;
Тобой наполненна, клялася Богу *я*,
Иль лучше, *я* рекла всѣ клятвы *для* тебя.
Приди же, Абелярь, приди; чтобъ въ утѣшенье,
Осталось въ жизни мнѣ твое драгое зрѣнье.
Приди: и мы еще любви познаемъ власть.
Въ глазахъ мы будемъ зрѣть, въ сердцахъ обрящемъ страсть.
Я пламенемъ горю... жаръ сильный ощущаю...
Пускай крови твоей мой жаръ *я* сообщаю.
Въ забвеньи дай ты мнѣ прилечь на грудь твою;
Дай съ устъ твоихъ собрать отраду всю мою.
Дражайшій Абелярь, мою дѣлишь ли радость?
Вкушаешь ли, мой другъ, прелестной страсти сладость?
Обнявъ меня рукой, прижми къ груди своей;
Хоть то любви мечта, но предадимся ей.
О восхищеніе... въ весельяхъ утопаю...
И бѣдствіе твое въ восторгѣ забываю!..
Цѣлуй меня, цѣлуй... безъ чувствъ *я*, чуть дышу...

обѣты. Онъ принудилъ *Элоизу* послѣдовать своему примѣру. Она повиновалась, и при своемъ постриженіи, держала и обливала слезами послѣднее письмо *Абеляра*, въ которомъ онъ увѣрялъ ее въ вѣчной своей любви. »Подходя къ алтарю, говоритъ она, я несла съ сердцемъ моимъ вмѣстѣ сердце моего любовника, и мои обѣты принесли »въ жертву и то и другое.»

Съ сего времени жизнь *Абеляра* была стеченіемъ злополучій. Ненавидимый своими собратіями, гонимый ими, изъ монастыря изключенный, обруганный и лично и за сочиненія, онъ былъ заключенъ въ темницу. Оттуда съ трудомъ освободившись, но бывъ безъ при-

Я въ мысляхъ пламенныхъ веселье совершу...
Но что сказала я? Какое заблужденье!
Мнѣ нынѣ предстоитъ иное услажденье.
Приди: но чтобъ меня предъ жертвенникъ влачить;
Чтобъ иго вѣры несть въ терпѣньи научить;
Наставить, какъ тебѣ, коль только есть возможно,
И Бога и законъ предпочитать мнѣ должно.
Воспомни, что тебя здѣсь робки дѣвы ждутъ;
Во правилахъ твоихъ смиренну жизнь ведутъ.
Ты пастырь ихъ, приди: пусть идутъ за тобою;
Спасенья въ подвигѣ подай примѣръ собою!
Се ты далъ видъ иной симъ каменнымъ горамъ:
Жилище основавъ, на нихъ воздвигнулъ храмъ.
Твоей рукою здѣсь мѣста преобразились;
Въ пустынѣ дикой сей отрады насадились.
Ты миру создалъ домъ пріятной простоты;
Нѣтъ блеска вовсе въ немъ, нѣтъ лишней красоты;
Имѣніе сиротъ тотъ домъ не возвышало,
И злато суевѣръ его не украшало.
Богатство дома все въ смиреньи состоитъ;

странница, скитаясь и нуждаясь во всемъ, онъ удалился въ пустыню близъ города *Ножанъ при Сенѣ*, которая отъ него и Элоизы сдѣлалась извѣстною подъ именемъ *Параклетъ*. Тутъ построилъ онъ жилище, питался плодами и кореньями, и привлекъ для своего пропитанія нѣсколькихъ учениковъ, коихъ вскорѣ лишился гоненіемъ.

Наконецъ счастіе, казалось, перестало преслѣдовать *Абеляра*. Онъ былъ опредѣленъ игуменомъ надъ однимъ монастыремъ. Но тутъ претерпѣлъ онъ отъ своихъ монаховъ огорченія чувствительнѣе прежнихъ. Эти жестокіе люди, заставивъ его испытать все, что ненависть и бѣшенство могутъ изобрѣсть злѣйшаго, нѣсколько разъ по-

Невинность тихая убѣжище въ немъ зритъ,
И добродѣтель здѣсь въ покровѣ безопасномъ.
Во замкѣ мрачномъ семъ, безмолвіемъ ужасномъ
(Куда, средь свѣтила дня и небеси безъ тучь,
Проходитъ со трудомъ лишь слабый дневный лучь),
Подъ сводомъ каменнымъ, подъ сѣнью страшныхъ башенъ,
Твоимъ сіяніемъ былъ прежде домъ украшенъ:
Не столько въ полдень зритъ блестящимъ солнца кругъ.
Но ты оставилъ насъ: съ твоимъ отъѣздомъ вдругъ
Настала темна ночь., простерла покрывала,
И скорбь снѣдающа во мракѣ прелетала.
Увы, гдѣ Абеляръ: вотъ гласъ, что слышенъ днесь!
И всѣ сердца печаль дѣлятъ со мною здѣсь.

Смущенна будучи подругъ моихъ слезами,
Молю тебя: приди, соединися съ нами,
Утѣшь невинныхъ дѣвъ и скорбь ихъ прекрати,
Спокойствіе съ собой, утѣхи возврати!
О хитростный предлогъ, о ложно сострadанье!
Не грусть моихъ подругъ, не плачь ихъ, не рыданье
Ведутъ мое перо: любовь, любовь одна,

кушались на его жизнь. Сперва хотѣли его отравить; потомъ подкупили злодѣевъ, чтобы его умертвить; и наконецъ, не успѣвъ въ семъ преступномъ замыслѣ, они сами рѣшились предать его смерти. Абеляръ избавился отъ сихъ варваровъ и пошелъ искать другаго себѣ пристанища.

Элоиза, сдѣлавшись начальницею въ своемъ монастырѣ, не болѣе *Абеляра* была спокойною. Монахи *св. Діонисія* завладѣли монастыремъ *Аржантёль* и изгнали оттуда монахинь, которыя всѣ разошлись

Что я тебя зову, злосчастная вина.
Приди, внимай лишь мнѣ: одна я призываю,
Одна тоски конца съ тобою ожидаю.
Приди, любовникъ мой, отецъ, и братъ, и другъ!
Въ противность небесамъ, приди ты, мой супругъ!
Ни токъ чистѣйшихъ водъ, что съ шумомъ съ горъ стремится
И на лугахъ журча по камешкамъ катится;
Ни красота полей, ни тѣнь густыхъ древесъ,
Что съ гордостью верхи возносятъ до небесъ;
Ни тихи озера, что небо отражаютъ,
Лучь солнечный пріявъ, струями ослѣпляютъ;
Ничто ужъ безъ тебя меня не веселитъ:
Природы зрѣлище печаль не уменшитъ.
Прискорбная тоска, дщерь мрачна отвращенья,
Во слѣдъ за мной идетъ и множитъ злы мученья.
Она сушитъ траву, цвѣтъ ею увядаетъ
И, къ корню наклонясь, со стеблемъ умираетъ;
Поля стоятъ безъ жатвъ; нѣтъ зелени въ лугахъ,
И нѣтъ величества въ утесистыхъ горахъ;
Безгласно эхо здѣсь, зефиръ не вѣетъ болѣ,
И птички стонутъ лишь въ своей печальной долѣ.

по разнымъ сторонамъ. *Абелярь* предложилъ *Параклетъ* убѣжищемъ *Элоизѣ*, и она съ нѣсколькими своими подругами тамъ и поселилась. Сіи любовники послѣ долгихъ трудовъ, съ пособіемъ *графа Шампанскаго* и другихъ въ сосѣдствѣ жившихъ господъ, основали игуменство, въ коемъ *Элоиза* была первою игуменьею. Въ семъ жилищѣ *Абелярь* проводилъ нѣкоторую часть года. Но злословіе исполнило отравы и это послѣднее его утѣшеніе. Непріятели его приписали ему въ преступленіе связь его съ *Элоизою*, какъ будто плачевное состояніе,

Таковъ плачевный видъ обители твоей.
Сей видъ приличенъ днесь злой горести моей.
Во мрачной келiи, въ неволѣ, заключенна,
Въ слезахъ влачу всѣ дни и жизнью отягченна.
Но ядъ любви еще въ крови моей течетъ,
Еще къ веселiю онъ мысль мою влечетъ.
Отсутствiемъ твоимъ невинной пребываю;
Невинность тяжку ту стократно проклинаю.
Кто... я... чтобъ я могла любовь преодолѣть?
Душѣ моей нельзя толико силъ имѣть.
Предъ тѣмъ, какъ въ сердцѣ мнѣ спокойствiе вселится,
Предъ тѣмъ, какъ страсть моя разсудку покорится,
Сколькратно я, увы, еще должна любить,
Еще къ раскаянью отъ страсти преходить,
Еще надѣяться, желать, отчаяваться,
То мыслью обнимать, то сердцемъ разрываться,
Волненье чувствiй всѣхъ испытывать въ себѣ,
Но въ чувствахъ разныхъ тѣхъ лишь мыслить о тебѣ!

Непобѣдима власть, любви влiянье злое!
Обѣты я несла, а мыслю здѣсь иное;

въ коемъ онъ находился, не долженствовало избавить его отъ всѣхъ подозрѣнiй.

Сiи супруги принуждены были разстаться навсегда, и провели остатокъ дней своихъ въ слезахъ и горести. *Абелярь* скончался въ 1142 году, 63 лѣтъ отъ рожденiя; а *Элоиза* умерла такихъ же лѣтъ въ 1164 году. Они были положены въ одной гробницѣ, гдѣ смерть, соединивъ прахъ сихъ любовниковъ, сокрыла ихъ отъ зависти и злобы людей, и предала вѣчному покою.

Супругой будучи безсмертному Царю,
Я къ Абеляру вся любовію горю;
Межъ вѣры и любви я колебаться смѣю.
Смягчись, о Боже, Ты надъ слабостью моею;
Волнующимъ страстямъ законы положи,
И путь спасенія погибшей укажи!
Изъ хаоса извлекъ ты стройную вселенну:
Въ десницу днесь прими всю власть свою безмѣрну!
Ахъ, если бъ дѣйствіемъ неизреченныхъ силъ
Несчастную любовь во мнѣ Ты истребилъ!
Услыши голосъ мой: противъ врага любезна
Защиты требуетъ моя молитва слезна...
Но нѣтъ, защита та была бы зла напасть;
И сколь ни пагубна, но мнѣ потребна страсть.
Питаюсь ей одной, одной ей существую,
И буду я мертва, коль душу дашь иную.
О вы, въ сихъ храминахъ сотрудницы мои,
Въ священныхъ узахъ здѣсь влекущи дни свои,
О сколь вы счастливы: васъ страсти не смущаютъ;
Въ васъ души томные восторги ощущаютъ;
Могущей вѣрѣ вы предавшися одной,
Ни сколь не мучимы любовною тоской;
Въ единомъ Богѣ днесь источникъ благъ вы зрите
И благочестіемъ въ смиреніи горите.
Въ всегдашней тишинѣ проходятъ ваши дни;
Вашъ сонъ въ ночи прервутъ моленія одни:
А я въ любви томлюсь, когда заря восходитъ;
Горю, какъ солнца шаръ въ моря лучи низводитъ;
Не погасаетъ огнь въ прохладности ночей,

И сонъ, покойный сонъ бѣжитъ моихъ очей.
Когда же усыплюсь, то мыслямъ вспламененнымъ
Явится Абеляръ любовью оживленнымъ.
Въ немъ прежній вижу жаръ, въ немъ прежни зрю черты;
Родятся въ сердцѣ мнѣ прелестныя мечты.
Въ объятіяхъ моихъ онъ страсти отвѣчаетъ;
Любовь взаимный жаръ веселіемъ вѣнчаетъ.
Въ забвеніи моемъ исчезнетъ естество,
И небо, и земля, и само Божество...
Но сонъ, увы, пройдетъ, и злое пробужденье
Осудитъ страсть мою на новое мученье!
Нѣтъ болѣе въ тебѣ волненій таковыхъ,
Не знаешь, Абеляръ, ты сихъ мученій злыхъ.
Подобно той водѣ, что изъ ключей біется,
Кровь въ сердцѣ днесь твоемъ холодная ліется.
Отрадъ любовныхъ всѣхъ лишенный злой судьбой,
Твой нынѣ вѣкъ, какъ смерть, спалъ вѣчный лишь покой.
Душа твоя не есть любви престоломъ болѣ;
Влачишь ты жизнь свою какъ будто по неволѣ:
Съ трудомъ раскроешь взоръ при восхожденьи дня;
Не зрашъ во взорѣ томъ любовнаго огня;
Какъ слабый свѣтъ зари, лучь тихій испускаешь,
И томность сердца намъ въ глазахъ своихъ являешь.
Приди же, Абеляръ: чего страшиться днесь?
Опасный огнь любви въ тебѣ сгорѣлъ ужъ весь.
Навѣки охладѣвъ ко сладостямъ любовнымъ,
Тебѣ ль страшиться льзя быть къ слабостямъ преклоннымъ?
Могу ли льститься я, что нравлюся тебѣ?
Увы, мой Абеляръ, во злой твоей судьбѣ,

Мой страстный огнь къ тебѣ тому огню подобенъ,
Близъ мертвыхъ что горя, дать жаръ имъ не удобенъ.
Любовь твой хладный духъ не можетъ воспламенить;
Люблю тебя, а ты не можешь ужъ любить.

Ахъ, участи твоей мнѣ должно ль быть завистной!
Монашеска степень, долгъ, мною ненавистной,
И строгость званія, и келій мрачный зракъ,
Твой видъ въ душѣ моей не истребятъ никакъ.
На гробы мертвыхъ ли когда паду стеняща,
Иль ницъ предъ алтаремъ когда въ слезахъ лежаща,
Ни ужасъ межъ гробовъ, ни святость алтарей
Здѣсь мысли пламенной не развлекутъ моей.
Вездѣ я зрю тебя, и сердце сокрушенно
Лишь бьется для тебя, любовью упоенно.
Къ моленію ль когда сзовутъ во храмѣ насъ:
Въ священныхъ пѣніяхъ мнѣ слышится твой гласъ.
Служеніе ль идетъ и ѳиміамъ курится:
Сквозь взвивы дымные мнѣ образъ твой явится.
При видѣ таковомъ забуду празднество,
Священниковъ, и храмъ, и вѣры торжество;
Я вся вострепещу, преклонятся колѣни,
И руки распрострю къ твоей дражайшей тѣни.
Когда вкругъ алтаря оплотъ небесныхъ силъ
Сіяющи главы трепеща преклонилъ;
Въ тотъ таинственный часъ, какъ жертву совершаютъ,
Какъ вздохи ревнія молитвы заглушаютъ,
Какъ страхъ, священный страхъ объемлетъ всѣ сердца,
Тебѣ молюсь, тебя люблю какъ благъ творца.

Но бойся, Абелярь, власть вышня превозможетъ,
Сразитъ мой страстный духъ и отъ тебя отторжетъ.
Мой долгъ меня зоветъ, иду... Но нѣтъ; приди,
Сразися за меня и совѣсть побѣди!
Приди, дерзай ты стать между небесъ и мною:
Оставлю небеса и шествую съ тобою.
Верховнымъ благомъ ты душей моей сочтенъ,
Въ обьятіяхъ моихъ всему ты предпочтенъ...
Но что глашу?... Бѣги, оставь меня здѣсь мертву
И Богу уступи несчастнѣйшую жертву.
Бѣги, и отъ меня морями отдѣлись;
Въ противной моему край міра преселись!
Предавшись Богу днесь, жить близъ тебя страшуся;
Единымъ воздухомъ съ тобой дышать боюся.
Отъ зла къ раскаянью путь долгій предстоитъ;
Съ раскаянья на зло мгновенье совратитъ.
Къ спасенью моему слѣды твои опасны.
Бѣги, я говорю, забудь всѣ клятвы страстны!
Разрушимъ нашъ союзъ, не мысли обо мнѣ,
И страсть мечтой почтемъ во глубочайшемъ снѣ!
Простите, прелести, что душу уловляли;
Простите, сладости, что сердце заблуждали;
Простите навсегда: и ты прости, мой другъ,
Дражайшій Абелярь, любезнѣйшій супругъ!

Но, ахъ, что слышу я... гласъ горестно стенящій!
Уже ль?... Но такъ, вотъ онъ, вотъ часъ мой приходящій!
Въ едину нощь молюсь въ пещерѣ мрачной той,
Гдѣ грозна смерть стрежетъ надъ мертвыми покой;

Тутъ томная свѣща близъ гроба догарала,
И ужасъ храмины трепеща освѣщала:
Но только лишь сей лучь во мрачности погасъ,
Какъ вдругъ услышала стенанія и гласъ:
Изъ гроба глубины щѣ вопли исходили,
И своды каменны стонъ жалостно твирили.
»Постой, вѣщалъ мнѣ гласъ, не плачь, отринь свой страхъ!
»Мой гробъ тебѣ отверстъ, здѣсь ждетъ тебя мой прахъ.
»Спокойства ищешь ты: спокойства нѣтъ межъ смертныхъ;
»Оно имъ здѣсь дано, оно въ жилищѣ мертвыхъ.
»Я страстью мучилась подобною тебѣ,
»Но злымъ бѣдамъ конецъ въ гробу нашла себѣ.
»Неслышны болѣ здѣсь любовниковъ стенанья;
»Здѣсь кончится любовь, всѣ вздохи и страданья.
»Здѣсь набожность сама теряетъ злой свой страхъ.
»Сей Богъ, что намъ гласитъ имѣяй мечь въ рукахъ,
»И страсти временны навѣки отомщаетъ,
»Сей Богъ кончаетъ скорбь и слабости прощаетъ.»
Коль истинно сіе: о Боже, Отче мой,
Часъ смертный поспѣши, мой ускори покой!

О свѣтла благодать, о мудрость сокровенна,
О добродѣтель, дщерь небесъ неоцѣненна!
Вы всѣ, являющи веселья безъ конца,
Введите въ домъ меня небеснаго отца.
Вотъ часъ... Мой Абелярь, приди: я умираю;
Закрой мнѣ очи ты: страсть съ жизнью лишь теряю;
Приди ко мнѣ, прими въ сей мной желанный часъ
Послѣдній поцѣлуй, послѣдній вздоха гласъ!

А ты, коль смерть сотретъ твои красы жестоки,
Красы, что горькихъ слезъ моихъ влекли потоки,
Коль скорби дней твоихъ нить тяжку прекратятъ,
Пускай въ единый гробъ навѣкъ насъ съединятъ!
Чтобъ въ надписи любовь злу повѣсть описала;
Чтобъ нѣжныя сердца та надпись ужасала;
Чтобъ проходящій рекъ: »могущая любовь,
»Се ты виной ихъ бѣдъ, смутивъ въ нихъ жарку кровь:
»Теките токи слезъ на гробъ четы несчастной,
»И да страшится всѣ любови столько страстной!»

КОНЕЦЪ ГЕРОИДЫ.

ОДЫ.

ОДЫ.

I.

НА СМЕРТЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

Почто у алтарей священныхъ,
Россіяне, я вижу васъ
Унылыхъ, блѣдныхъ и смущенныхъ?
Мольбы смиренной прерванъ гласъ:
Отъ вздоховъ тяжкихъ, кои внемлю,
Вы повергаетесь на землю
И горькихъ слезъ ліете токъ...
Но тщетны клики всѣ плачевны;
И небеса, къ Россіи гнѣвны,
Свершили намъ ударъ жестокъ.

Средь свѣтлаго царей чертога
Возникла вѣсть, растетъ, летитъ;
За нею въ слѣдъ бѣжитъ тревога
И скорбью лица всѣ мрачитъ.
Спустилась ночь на градъ престольный,
И страхъ сугубитея невольный,
И въ часъ полночи всѣ безъ сна.
Народъ, волнуемый какъ море,
Стремясь къ чертогамъ, вопитъ: горе!
Гдѣ, гдѣ Великая жена?

Пришла... О, страшный гласъ! Какъ громы,
Звучащи въ дебряхъ между горъ,
Несется онъ со стогновъ въ домы,
Разитъ и градъ, какъ царскій дворъ.
И се несущимъ скорбь полетомъ
Ужасна вѣсть паритъ надъ свѣтомъ,
Велитъ вселенной повторять:
»Уже ль навѣкъ сомкнула очи
»Царица сильна полуночи,
»Россіянъ храбрыхъ нѣжна мать!»

И тамъ, у вратъ златыхъ востока,
Отколь природы всей краса,
Оставя дно морей глубоко,
Въ лазурны всходитъ небеса,
Всѣ отвращаютъ слезны взоры:
Начто, гласятъ, намъ блескъ авроры!
Пусть насъ покроетъ вѣчна тѣнь!
О солнце, возвратись въ пучину!
Повергла смерть Екатерину;
Землѣ не нуженъ болѣ день.

Ахъ, должно ль освѣщать вселенну
Во времена грозы небесъ!
Европу зрѣть окровавленну,
И въ токахъ отражаться слезъ!
Всѣ Галліи смятеньемъ полны,

Съ Британіей воюютъ волны,
Германію скрываетъ дымъ;
Мечи убійства всюду блещутъ,
И въ страхѣ гибели трепещутъ
Италія и древній Римъ.

Народъ возсталъ на всѣ народы,
И, бѣдъ своихъ источникъ самъ,
На разрушеніе природы
Воздвигнуть хочетъ славы храмъ.
Но храмъ, на трупахъ сооруженный,
Рѣкой кровавой окруженный,
Разсыплется какъ тлѣнъ и прахъ.
Нещастны тѣ, хотя и громки,
Которыхъ имена въ потомки
Пренесть должны позоръ и страхъ.

Не такъ о дняхъ Екатерины
Народы вспоминать должны.
Вотще вставали исполины,
Грозя намъ ужасомъ войны,
Сарматы, Готѳы, Музульмане,
Вотще... и Россіе граждане
Не устрашались дальнихъ тучь;
И въ мирѣ пахари счастливы
Сбирали жизнь съ златистой нивы:
Сіялъ надъ всѣми кроткій лучь.

Одной рукой колебля троны
Зломъ дышущихъ на насъ враговъ,
Другою создала законы
Для счастія своихъ сыновъ.
Зря мудрые ея уставы,
Подъ сладку сѣнь ея державы
Народы дальнихъ странъ текли;
И чисты дѣвы Геликона
Къ подножію Фелицы трона
Вѣнцы лавровые несли.

Но лавры, генія награды,
Способны громы отражать;
А смерть разитъ сквозь всѣ преграды,
И ею пала Россовъ мать,
И пали изъ ея десницы
Бразды имперской колесницы,
И возстеналъ ея народъ...
Но раздалися въ горнихъ трески,
Явились молній часты блески,
Лазоревой раскрылся сводъ.

Тамъ, въ ясной высотѣ эфира,
Сліянъ изъ звѣздъ, сіяетъ тронъ;
На немъ Творецъ, покоясь, міра
Вселенныя хранитъ законъ;
Предъ Нимъ стоятъ глубоки чаши,

Куда втекають слезы наши
Въ мольбахъ усердныхъ къ небесамъ.
Господь Россіи зря печали,
Изрекъ: и смертные внимали
Его отраднымъ словесамъ.

»Умѣрь печаль, народъ избранный,
»Съ тобою Я, съ тобою Богъ;
»И царь, Моей щедротой данный,
»Возвыситъ твой могучій рогъ.
»Другой вѣнецъ Екатеринѣ,
»Другой престолъ готовлю нынѣ;
»Царей лишь небу награждать.
»Монархи кротки, правосудны,
»Свершивъ державства подвигъ трудный,
»Должны въ созвѣздіяхъ блистать.

»Враги твои да устрашатся,
»Твою надежду въ скорби зря;
»И силы Рускихъ утвердятся
»Подъ скиптромъ мудраго Царя.»
Богъ рекъ; перуны засверкали;
Имъ дальни горы отвѣчали;
Печали скрылась мрачна тѣнь;
Взыграли волны въ спящемъ понтѣ,
Заря блеснула въ горизонтѣ,
Возсталъ для Россовъ новый день.

II.

НА ВОЖДЕЛЕННѢЙШЕЕ ВОЗШЕСТВІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I НА ПРЕСТОЛЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Россія томна и уныла,
Возстань съ трепещущихъ колѣнъ
(Речетъ небесный гласъ и сила),
Будь крѣпче адамантныхъ стѣнъ!
Да узритъ духъ твой оживленной,
Что въ радость излилась вселенной
Изъ лона Божія весна!
Сложи ты врѣтища печальны,
Въ одежды облекись вѣнчальны,
Какъ благолѣпная жена!

Теките быстро рѣчны воды,
Несите въ глубину морей
Тѣ слезы, лили что народы
У освященныхъ алтарей!
Стремися въ вѣчность ты подобно,
О время, для Европы злобно!
И надъ тобой, чтобъ скорбь скончать,
Простерлась мрачна ночь, безлунна,
Дверь заключилася чугунна,
Забвенья вѣчнаго печать.

Когда злодѣйствами народы
Правдивы раздражатъ судьбы;
Чтобъ устрашить земные роды,
Горящи въ небесахъ столбы
Явятся въ ночь надъ мрачнымъ боромъ,
Грозятъ имъ гладомъ, бранью, моромъ;
Смятенный встрепещетъ міръ.
Но небо, внявъ мольбы, рыданья,
Прерветъ зловѣщія сіянья,
И радугой блеснетъ въ эѳиръ.

Такъ свѣтлой радугой завѣтной
Предстала нынѣ намъ весна,
Когда десницею безсмертной
Въ Европѣ кончилась война,
И вмѣстѣ съ миромъ вожделеннымъ
Мы Александра возведеннымъ
Увидѣли на Россій тронъ.
Такъ послѣ бурной непогоды
Съ полуночи въ морскія воды
Блестящій свѣтитъ Оріонъ.

Зря Александра на престолѣ,
Не дрогни Гангесъ и Эвфратъ;
Спокойно утучняйте поле,
Плоды умножа во сто кратъ!
Нашъ Александръ геройствомъ равенъ

Тому царю, который славенъ
Побѣдою Индѣйскихъ водъ.
Но бранный духъ, какъ огнь пожара,
Судьбы намъ шлютъ въ часъ гнѣва яра:
Нашъ царь намъ данъ во дни щедротъ.

О Россъ, стремися съ восхищеньемъ
Мольбы свои принесть во храмъ,
И воскури съ благодареньемъ
Безцѣнный сердца ѳиміамъ!
Тобою Александръ желанный,
Къ блаженству Россовъ Богомъ данный,
Душей и именемъ герой,
Превратность прекратитъ судьбины,
По сердцу внукъ Екатерины,
По образу онъ геній твой.

III.

ГАВРІИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ,

НА СЛУЧАЙ ПОЛУЧЕНІЯ ИМЪ ОРДЕНА СВ. АННЫ.

Сей духъ, которымъ ты, Державинъ,
Паришь превыше облаковъ,
И Пиндару въ восторгѣ равенъ,
Спокойно внемля трескъ громовъ,
Рукой отважною и смѣлой

Небесный сводъ колебля цѣлой,
Срываешь солнца съ древнихъ мѣстъ,
Безвѣстные міры разстроя,
Чтобы для Росскаго героя
Вѣнецъ сліять изъ свѣтлыхъ звѣздъ,

Сей духъ, которымъ ты геройство
Пожарскаго цѣнить возмогъ,
Даетъ тебѣ и славно свойство
Стирать неправды гордый рогъ.
Сѣдяй между судей высокихъ,
Гдѣ въ думахъ тайныхъ и глубокихъ
Свершаются судьбы людей,
На лица не взирая сильныхъ,
Въ рѣчахъ твоихъ, отъ чувствъ обильныхъ,
Гремишь ты истиной своей.

Тебя ль вельможей горделивыхъ
Власть временная устрашитъ?
Для ихъ страстей несправедливыхъ
Опустишь ли ты правды щитъ?
Нѣтъ, нѣтъ: ты вѣдаешь, что Этны,
Далеко ужасомъ примѣтны
И устрашающи моря,
Падутъ съ вершиною отважной
Во глубину стихіи влажной:
Ихъ огнь погаснетъ, какъ заря.

И какъ древа многовѣтвисты
Земныя царства упадутъ:
Атланта рамена кремнисты
Не вѣчно небо подопрутъ;
И солнца съ ихъ осей сорвутся,
Блуждая въ бездну понесутся,
Вселенную покроетъ мгла:
Но только въ высотѣ эѳира,
Еще среди развалинъ міра,
Пребудетъ истина свѣтла.

Монархомъ щедрымъ, справедливымъ,
Вознагражденъ духъ нынѣ твой.
Восторгомъ обновленъ счастливымъ,
Неправду попирай пятой,
Чтобы, облекшись въ разны виды,
Не смѣла въ храмъ вступать Ѳемиды
И мудрыхъ тяготить совѣтъ!
Но въ дни свободны и спокойны
Брящай на лирѣ гимны стройны,
Которыми плѣняешь свѣтъ!

IV.

ПОДРАЖАНІЕ ЛЕБРЮНУ.

Орелъ, восхитившій Пиндара
Къ престолу пламенну боговъ,
Восторгъ, отъ сильнаго удара
Парю я выше облаковъ.
Пятою сферу попирая
И очи въ небеса вперяя,
Оставлю персть владыкъ земныхъ.
Уже предъ взоромъ безконечнымъ
Вратятся звѣзды стройствомъ вѣчнымъ;
Дрожи, Олимпъ, отъ словъ моихъ!

О муза, сына ты видала
Живымъ грядущаго во адъ:
Но я, на крыліяхъ Дедала,
Разсѣчь путь бурныхъ вѣтровъ радъ.
»Опасна пылкость вожделенья
»Достичь небеснаго селенья.«
Молчи, умъ, съ преніемъ своимъ!
Лечу, Икара пребѣгаю:
Морямъ безвѣстнымъ оставляю
Я крылья съ именемъ моимъ.

Пусть голубь непогодъ боится,
Какъ робкая на свѣтѣ тварь;
Орелъ мой съ молніей сразится,
Какъ истинный воздушный царь.
Такимъ огнемъ и я пылаю,
Безсмертныхъ лавровъ ожидаю;
Не рвутъ ихъ слабые цари.
Родитъ отвага намъ трофеи:
Страшатся ль умереть Орфеи,
Когда ихъ гробы алтари?

Молчите, горды пирамиды!
Молчи, безсильный смертныхъ трудъ!
Твоихъ дѣяній томны виды
Не кажутъ намъ случайность тутъ,
Натуры сильной гдѣ руками
Сліялись горы съ облаками
И кинули верхи въ эѳиръ:
Искуство въ трепетѣ рисуетъ,
Что намъ натура образуетъ,
Дивя и ужасая міръ.

Оттуда Энцеладъ рыгаетъ
И чревомъ гордой Этны ржетъ,
И камни съ пепломъ извергаетъ,
И громы въ облакахъ сѣчетъ.
Пожаръ гортанью преужасной

Наноситъ онъ землѣ несчастной,
Куря пыль съ дымомъ въ небесахъ;
Тамъ искры огненны, летая,
Поля и воды покрывая,
Наводятъ твари смертный страхъ.

Омеръ, твой духъ и мысль обширна,
Какъ громъ въ сгущенныхъ облакахъ
И какъ гармонія всемірна,
Катятся въ пламенныхъ стихахъ:
Огнемъ кипящія отваги
Красы природы сильны, наги
Живишь въ твореніяхъ твоихъ.
Такое встрѣчныхъ волнъ біенье
И самой Красоты рожденье
Нептунъ узрѣлъ въ моряхъ своихъ.

Но, гласу моему внимая,
Орелъ умалилъ свой полетъ;
Огни трояки потупляя,
Красѣ похвальну пѣснь поетъ.
Небесна стихотворства сила
Нектаръ съ амврозіей вкусила,
Вносимыя въ уста богамъ:
Твоей всемощной лиры звономъ
Потрясся мрачный адъ съ Плутономъ,
И Церберъ палъ къ твоимъ ногамъ.

Впади, ввались во мглу подземну
Къ Тифейскимъ каменнымъ горамъ,
Кто золъ и мысль имѣетъ темну
И духъ безчувственный къ стихамъ;
Кто музъ питомца презираетъ,
Который намъ напоминаетъ
Примѣръ и славы и стыда:
Онъ, лаврами главу вѣнчая,
Грядущи вѣки побѣждая,
Безсмертенъ будетъ навсегда.

Талантъ, владѣющій вѣками,
Поправый славой смерть свою!
Ты часто въ тайнѣ облаками
Скрываешь колыбель твою:
Въ густой тѣни уединенья
Безмолвной славы испаренья
Готовятъ лучезарность дѣлъ;
Не мнилъ, кто зрѣлъ твое рожденье,
Чтобъ славы быстрое теченье
Прошло съ тобой временъ предѣлъ.

И тако, изъ песковъ безвѣстныхъ,
Глава знатнѣйшихъ въ свѣтѣ рѣкъ,
Нилъ во своихъ вершинахъ тѣсныхъ
Безъ имени и славы текъ;
Но, съ горъ кремнистыхъ низвергаясь

Но, земли чуждыя оружіемъ покрывъ,
Какой предлогъ дадимъ? И кто изъ нашихъ воевъ
Захочетъ вдаль итти, искать кровавыхъ боевъ,
Опасностей другихъ, другихъ тяжелыхъ ранъ
И смерти, можетъ быть, котору черный вранъ
Уже предчувствуетъ и, ждущій въ полѣ дикомъ,
Зоветъ несчастнаго своимъ печальнымъ крикомъ?
Ужасна мысль, цари, отъ коей я и самъ
Здѣсь содрогаюся изображая вамъ...
Но Грекамъ мысль сія навѣрное явится;
Воображенье ихъ и гнѣвъ воспламенится;
И, можетъ быть, они, воспомня въ оный часъ
Молчаніе боговъ, ночный Ахилловъ гласъ,
Безвѣтріе стихій и жертвоприношенье,
Дадутъ всему свое ужасно обьясненье
И, въ нетерпѣніи къ отечеству отплыть,
Не устрашатся въ честь Ахиллову пролить
Не только кровь одной Пріама скорбной дщери,
Но кровь Троянокъ всѣхъ, которыхъ здѣсь, какъ звѣри,
По стану рыская, иль встрѣтятъ иль найдутъ.
Предупредимъ, вожди, народа буйный судъ!
И какъ ни горестно убійство Поликсены;
Но бѣдства только симъ быть могутъ отвращенны.

НЕСТОРЪ.

Увы, почто до сихъ я дожилъ скорбныхъ дней,
Въ которы должно мнѣ на старости моей,
Признавъ надъ міромъ симъ судьбу неумолиму,
Невинность осудить на смерть необходиму!
Но знаю я народъ. Кто мыслитъ обуздать

Его средь яростпи; тотпъ хочетпъ удержатпь
Иль море шумное, иль горный вѣтпръ бурливый.

АГАМЕМНОНЪ.

И такъ, васъ убѣдилъ Улиссъ краснорѣчивый!
Злодѣйство новое Троянскій узритпъ край:
Но знайте, что ни я, ни братпъ мой Менелай,
Согласіемъ никакъ не утвердимъ совѣта,
Который возбудитъ негодованье свѣта.
Какую бъ нужду вы тому ни привели;
По справедливости на всемъ лицѣ земли,
Среди ль цвѣтущихъ селъ, среди ль лѣсовъ пустынныхъ,
Ввѣкъ имя проклято губителя невинныхъ.
Возставьте на себя вселенны грозный гласъ
И правый судъ боговъ! Я оставляю васъ.

(Агамемнонъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПИРРЪ, НЕСТОРЪ, УЛИССЪ и прочие греческіе вожди.

ПИРРЪ.

Довольно, о цари, вы знаете Атридовъ:
Всегда лишь дѣйствуютъ они изъ личныхъ видовъ.
Но въ ихъ согласіи теперь намъ нужды нѣтъ,
Коль Поликсены смерть назначилъ вашъ совѣтъ.
Въ твоихъ шатрахъ, Улиссъ, при матери плачевной
Осталася она отрадою душевной.
Ахилла именемъ, котораго ты чтилъ,
Кого предъ Греками во славѣ ты явилъ,
Исхитивъ нѣкогда его младые годы

Изъ нѣги, въ коей честь скрывалъ своей породы,
Симъ именемъ тебя я заклинаю здѣсь
Привесть Гекубы дочь, которой смертью днесь
Мы тѣнь Ахиллову навѣки успокоимъ.

НЕСТОРЪ.

Но сколь сей смертію Гекубы плачь удвоимъ!
Несчастная жена, несчастливая мать,
Семейство по частямъ она должна терять
И скорбей всѣхъ земныхъ испить тяжелу чашу.

(Къ Улиссу.)

О мудрый изъ царей, ты, вспомнивъ бренность нашу,
Щади и мать и дочь въ тотъ злополучный часъ,
Какъ долженъ возвѣстить разлуку ихъ твой гласъ!
Кто милосердіемъ долгъ строгій умѣряетъ,
Тому и слухъ боговъ въ день горести внимаетъ.

УЛИССЪ.

О Несторъ, скорбныхъ другъ, я чувствую съ тобой,
Какъ жизнь царицы сей утомлена судьбой!
И если облегчить могу Гекубы долю,
Окончивъ для нея печальную неволю;
То пусть свободная въ союзныя страны
Прейдетъ и сыщетъ тамъ забвенье сей войны!
Но щедрости вождей я несомнѣнно вѣрю,
Что замѣнитъ она мнѣ плѣнницы потерю.

ПИРРЪ.

Замѣнъ тебѣ отдать мнѣ должно одному.
Скажи, что можетъ льстить желанью твоему:
Треножникъ ли златый, иль хитрошвейны ткани,
Или что цѣнное, добытое въ сей брани:

Въ сокровищахъ моихъ пусть взоръ твой изберетъ!
Но помни, что Ахиллъ твоей услуги ждетъ!
Чрезъ два часа веди назначенную жертву:
Чрезъ два часа сей холмъ ее увидитъ мертву,
Сраженну не жрецомъ, но Пирровой рукой.
Я вѣчный возвращу родителю покой,
Соединя его въ могилѣ съ Поликсеной.
Иду готовиться къ сей должности священной;
А васъ, цари, зову присутствіемъ своимъ
Почтить свершаемый обрядъ надъ холмомъ симъ.
Услышитъ васъ Ахиллъ; герой не умираетъ:
Нѣтъ, гласамъ похвалы и прахъ его внимаетъ.
Съ нимъ боги раздѣлятъ и честь и ѳиміамъ,
И разрѣшатъ моря и вѣтръ попутный намъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ станъ Улиссовъ, и дѣйствіе происходитъ передъ его шатрами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ГЕКУБА, ПОЛИКСЕНА и другія троянки плѣнницы.

ГЕКУБА И ПОЛИКСЕНА *выходятъ изъ шатра при пѣніи послѣдней строфы хора.*

Хоръ женъ и дѣвъ Троянскихъ.

О горе намъ! Брега родины
Покинуть скоро мы должны
И чрезъ моря неизмѣримы
Отплыть въ безвѣстныя страны.

*

Оставимъ здѣсь мы прахъ священный
Почившихъ смертію отцовъ;
Сей прахъ, въ молчанье погруженный,
Не воззовется изъ гробовъ.

*

Птицъ хищныхъ стая водворится
Надъ градомъ, обращеннымъ въ плѣнъ,
И звѣрь пустынный поселится
Въ развалинахъ Троянскихъ стѣнъ.

ГЕКУБА.

Прервите томный стонъ, о дщери Иліона!
До сердца каждый звукъ сего доходитъ стона,
И каждый звукъ, увы, напоминаетъ мнѣ,
Что я источникъ бѣдъ плачевной сей странѣ,
Парида породивъ, для Трои язву люту.
Почто небесный громъ въ ту пагубну минуту,
Когда раждался онъ, не поразилъ меня?
Иль пламя для чего подземнаго огня
Съ несчастной матерью не поглотило сына?
Благословенная была бъ моя кончина:
Еще бы Иліонъ блисталъ на сихъ брегахъ;
Еще бы мой супругъ въ почтенныхъ сѣдинахъ
Сидѣлъ между сыновъ за трапезой пріемной,
Къ которой смѣло шелъ всякъ путникъ иноземной,
Дивясь могуществу и щедрости царя.
Но слава та, мнѣ въ казнь, погасла, какъ заря.
Я въ домъ пріяла мой съ Еленою злодѣйство:
И Грековъ острый мечь пожалъ мое семейство,
Какъ рѣзкій серпъ жнеца на нивѣ жнетъ класы.
Щадите грусть мою въ жестокіе часы,
Когда, подъ заревомъ пылающей столицы,
Вы зрите тяжкій плѣнъ и нищету царицы!

ПОЛИКСЕНА *подаетъ знакъ Троянкамъ, чтобъ удалились.*

О матерь горестна, ты можешь ли себѣ
Приписывать бѣды, угодныя судьбѣ?
Какъ смертные бы ихъ избѣгнуть ни хотѣли,
Судьба приводитъ насъ къ назначенной намъ цѣли.

Не ты ль единожды, оракулу внимавъ,
Къ спасенью сей страны скрѣпила нѣжный нравъ
И, въ сердцѣ заглушивъ умильный гласъ природы,
Парида нѣкогда младенческіе годы
На смерть пустынную извергла въ нѣдра горъ?
И тамъ рука боговъ, готовя намъ позоръ
И день плѣненія, Парида сохранила
На пагубу Троянъ, на пагубу Ахилла...
Но имя чье, увы, произнесла теперь
Твоя несчастная, забывшаяся дщерь!
Когда Гекуба днесь стенаетъ сокрушенна,
О горестяхъ своихъ вѣщаетъ Поликсена...
Мнѣ ль грустію моей печали умножать,
Отъ коихъ предо мной моя страдаетъ мать?
Нѣтъ, скорбь душевная пусть скрытна остается;
Пускай твоя тоска въ слезахъ ко мнѣ прольется!
На пламенную грудь тѣ слезы я приму,
Тѣ слезы горькія, коль сердцу своему
Ты можешь въ нихъ найти печали утоленье.

ГЕКУБА.

Ахъ, ты ли подаешь прискорбной утѣшенье,
О Поликсена, ты, которую страдать
На свѣтъ произвела твоя плачевна мать!
Когда судили мнѣ непостижимы боги
Нести ихъ гнѣвъ въ концѣ сей жизненной дороги,
Они надеждою мой укрѣпили духъ,
Что смерть, несчастливыхъ послѣдній, скромный другъ
И сокрушающій гоненіе и злобу,
Отверзетъ скоро мнѣ сырой земли утробу,

Куда уже давно склоняюся отъ лѣтъ:
Но ты, дочь милая, какъ ранній, нѣжный цвѣтъ,
По безвременницѣ подверженный ненастью,
Ты привыкать должна съ весны своей къ несчастью!
Сей мыслью болѣе еще терзаюсь я:
Быть можетъ, въ горестяхъ возропщешь на меня;
Скитаясь въ нищетѣ и съ ней влача презрѣнье,
Ты будешь клясть и жизнь и самое рожденье.

ПОЛИКСЕНА.

Нѣтъ, матерь нѣжную всегда благословлю,
И жизнь и строгій рокъ въ смиреньи претерплю.

ГЕКУБА.

Отрады въ жизни сей не зрѣвъ себѣ ни малой,
День каждый болѣе въ душѣ своей усталой
Ты будешь унывать. Тотъ можетъ лишь одинъ
Сносить съ терпѣніемъ неправый гнѣвъ судьбинъ
И жизнью не скучать, кто былъ счастливымъ прежде,
Или счастливымъ быть остался кто въ надеждѣ.
Но ты, о дочь моя, отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Считая дней число числомъ постигшихъ бѣдъ,
Надъ чѣмъ ты мыслію спокоишься тоскливо?

ПОЛИКСЕНА.

И я была равно въ свою чреду счастлива,
Въ тѣ радостные дни, въ которые Ахиллъ
Троянамъ свой союзъ, мнѣ сердце предложилъ;
Въ тѣ дни, когда любя и страстно бывъ любима,
Я видѣла у ногъ вождя непобѣдима,
Столь грознаго для всѣхъ, столь нѣжнаго ко мнѣ;
Когда родителю, отеческой странѣ,

Въ немъ видѣть твердый щитъ мечтала Поликсена,
И счастьемъ, славою, любовью упоенна,
Когда казалась я въ сіяніи лучей,
Ахилломъ приданныхъ любовницѣ своей.
Надеждой возносясь супругой быть герою,
Которымъ я спасу отца, семейство, Трою,
Который для меня преобразитъ весь міръ,
Я въ полубогѣ семъ мой видѣла кумиръ.
Но, ахъ, въ единый день, иль лучше, въ часъ единой,
Все счастіе мое разрушено судьбиной!
Мой бракъ завистенъ сталъ враждующимъ богамъ:
Въ кроваво поприще преобразился храмъ,
И мертвый палъ Ахиллъ, и алчная могила
Всѣ радости мои съ любезнымъ поглотила.
Когда могла прежить того, кто былъ столь милъ;
То я найду въ себѣ еще довольно силъ,
Чтобъ жизнью не скучать, какъ жизнь ни будетъ слезна;
И мыслью отдохну, что я тебѣ полезна.

ГЕКУВА.

Ужель ты думаешь послѣдовать за мной
Въ страну, куда меня Улиссъ влечетъ рабой,
Гдѣ руки слабыя царицы престарѣлой
Обременитъ сей вождь работою тяжелой
И плѣномъ изнуритъ мой нищій духъ въ конецъ?

ПОЛИКСЕНА.

Есть развѣ смертные жестокихъ толь сердецъ,
Чтобъ мнѣ препятствовать быть спутницей твоею,
Твою покоить грусть любовію моею?
Ахъ, нѣтъ, на край земли и въ самый дикій край

Меня сопушницей пы видѣшь уповай!
Такъ, слѣдую съ шобой въ иноплеменну землю;
Твой плѣнъ, шруды, печаль, на рамена пріемлю,
И съ ношей буду сей въ пуши моемъ шверда.
Но шолько, нѣжна машь, къ ошрадѣ иногда
Въ свободные часы мы будемъ плакашь вмѣсшѣ:
Вдова Пріамова къ Ахилловой невѣсшѣ
На грудь сшѣсненную преклонишся главой,
Слезу горячую съ ея сольешъ слезой,
И, мысль свою занявъ воспоминаньемъ милымъ,
Исполнишся нашъ духъ веселіемъ унылымъ.

ГЕКУВА.

О боги милосшей, хвалы внемлише гласъ!
Еще послали вы мнѣ сладкій въ жизни часъ.
Благословенное и доброе рожденье!
Приди въ обьяшія, и радосшно біенье
Ты сердца моего почувсшвуешь сама,
Коль въ благодарносши я осшаюсь нѣма!
О боги, за нее молишь я васъ не смѣю!
Уже давно мольбой скучаеше моею:
Но если правый судъ взираешъ на дѣла,
Коль добродѣшель вамъ межъ смершными мила;
То вашъ благій совѣшъ пусшь призришъ Поликсену!
Кассандру вижу я идущую смущенну.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ГИМНЪ БОГУ ЛЮБВИ.

О богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленной
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

Вотще, какъ брегу яры воды,
Такъ разрушенье намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благій законъ твой міръ хранитъ.

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобратить всѣ царства въ гробы
И поглотить всѣ племена:

По бороздамъ опустошенья,
Гдѣ духъ вражды лилъ страхъ и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь землю вновь.

Вотще воитель ставить твердый
И пышный столбъ своихъ побѣдъ;
Рукою Кронъ немилосердый
Сотретъ столба послѣдній слѣдъ.

Вотще и ты свои злодѣйства
Мечтаешь втайнѣ скрыть, тиранъ!
Кронъ мракъ сорветъ и съ тайнъ семейства,
Какъ вѣтры рвутъ съ морей туманъ.

Безъ дѣлъ премудрыхъ, благородныхъ
Честь наша насъ не переживетъ,
И лишь въ проклятіяхъ народныхъ
Тирановъ имя перейдетъ.

Не скроетъ имя и гробница;
Нероновъ прахъ клянетъ весь свѣтъ:
Ты матери своей убійца,
Тебѣ и днесь покоя нѣтъ!

Блаженъ владыка, кто не страхомъ,
Любовью правитъ свой народъ;
Благословеніе надъ прахомъ
Ему возплетъ позднѣйшій родъ.

О богъ любви, душа вселенной!
Ты огнь во льдахъ, ты въ мракѣ свѣтъ;
Тобою смертный оживленной
Течетъ въ свой путь чрезъ волны бѣдъ.

II.

РАСЧЕТЛИВАЯ ПАСТУШКА.

Не знавшая любви ни власти, ни закона,
Не знавшая овецъ исправно перечесть,
Филлида нѣкогда отъ страстнаго Дамона
За поцѣлуй одинъ взяла овечекъ шесть.

Назавтра, ставъ милѣй Филлидину сердечку,
Счастливѣе Дамонъ въ своемъ промѣнѣ былъ:
Пастушкѣ далъ одну сиротинку овечку,
И поцѣлуевъ шесть съ Филлиды получилъ.

Назавтра къ пастуху пастушка понѣжнѣе,
Совсѣмъ другой расчетъ съ Дамономъ повела:
Чтобъ привязать его къ себѣ еще сильнѣе,
За каждый поцѣлуй ему овцу дала.

Назавтра же, увы, Филлида бы охотно
Свой посохъ отдала, собаку и овецъ
За поцѣлуй одинъ, которыми безчестно
Лизету сталъ дарить невѣрный ей бѣглецъ!

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЭСѲИРИ РАСИНА.

Я нечестивца зрѣлъ землей боготвореннымъ.
Какъ крѣпкій, горный кедръ, челомъ онъ дерзновеннымъ
Надменность возносилъ до высоты небесъ;
Онъ громы похищалъ безбожною рукою,
И подавлялъ враговъ широкою пятою.
Прошелъ я мимо: онъ исчезъ.

IV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ГОѲОЛІИ РАСИНА.

Гора Синайская, позднѣйшимъ временамъ
Предай Израилемъ день празднуемый нынѣ,
Когда Господь явился Самъ
На огненной твоей вершинѣ;
Когда Его небесной славы лучь
Предъ взоромъ смертнаго блеснулъ изъ мрачныхъ тучь.
Повѣдай намъ, почто сей огнь и молній блески,
Столбъ дымный, звуки трубъ, ужасный гласъ громовъ,
И воздухъ разсѣкавши трески?
Въ сей день низшелъ ли Саваоѳъ
Стихіи стройныя въ хаосъ опять низринуть?
Или вселенную со древней оси сдвинуть?
Ахъ, нѣтъ: Онъ низходилъ, чтобъ смертныхъ озарить
Закона мудраго святымъ и вѣчнымъ свѣтомъ,
Постановить единственнымъ завѣтомъ,
Чтобъ искренной душой намъ ввѣкъ Его любить.

V.

ГРАФУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАМЕНСКОМУ *).

Счастливый Руских вождь, достойный сынъ героя,
Который указалъ тебѣ къ безсмертью путь!
Прими сей даръ въ часы, когда ты послѣ боя
На свѣжи лавры вновь возсядешь отдохнуть.
Я пѣлъ Ахилловъ гробъ и почести отъ Грековъ,
Какъ браней божеству, возданныя ему;
Но пѣснь внимать въ хвалу безстрашныхъ человѣковъ
Кому пріятнѣе, какъ духу твоему?
Не ты ль принесъ орловъ Россійскія державы
Въ непроходиму дебрь, покрыту вѣчнымъ льдомъ,
Гдѣ надъ пространствомъ тундръ лишь гулъ звучалъ ихъ славы,
Куда не тирили полета и съ Петромъ,
Гдѣ нынѣ ожилъ Финъ въ тѣни ихъ крылъ могучихъ?
Не ты ль еще предъ симъ, когда Европы врагъ
На Пруссовъ громъ навелъ, не ты ль въ пескахъ сыпучихъ
Останавлялъ его почти чрезъ каждый шагъ:
И тамъ, и здѣсь, вездѣ съ мечемъ ему встрѣчался,
И Галловъ изумлялъ твой быстрый всюду ходъ?
Въ наукѣ ратовать ты имъ волхвомъ казался;
Заставилъ гордость ихъ чтить Руских воеводъ.
Мужайся, простирай свой бѣгъ къ побѣдамъ новымъ,
И будь страшилищемъ отечества враговъ!
Россія наградитъ тебя вѣнцемъ лавровымъ,
И честь твою вѣкамъ предастъ языкъ боговъ.

*) Сіи стихи писаны въ концѣ 1809 года. Авторъ Поликсены намѣренъ былъ сію трагедію посвятить герою *Сафвара* и *Батина*, но не успѣлъ за его преждевременной кончиной.

VI.

А. В. ХРАПОВИЦКОМУ

о разности словъ *честь* и *честность* *).

Ты, Храповицкій, самъ разсѣялъ неизвѣстность
И доказалъ давно въ дѣлахъ,
Что нынѣ написалъ въ стихахъ,
Какъ съ честью ложною ты различаешь честность!
Въ отвѣтъ къ тебѣ въ стихахъ неравныхъ мѣръ
Еще тебя возму въ примѣръ:
Когда на четвернѣ, не такъ какъ Фебъ нарядомъ,
Коней не запрягая рядомъ,
Но парно, городски, и въ Рускихъ хомутахъ,
Въ Ѳемидинъ храмъ летишь, вздымая улицъ прахъ,
И во подъѣздъ рѣзво взъѣзжаешь,
Курьеровъ у крыльца Сенатскаго встрѣчаешь;
Они, тебя принявъ, подъ мышцы подопрутъ,
И запыхавшися на лѣстницу взведутъ:

*) *Отвѣтъ на слѣдующіе стихи Храповицкаго:*

Рѣши мнѣ, Озеровъ, досадну неизвѣстность,
И точно докажи, что честь и что есть честность?
Твоя ль честь связана на шпагѣ темлякомъ,
Мундиромъ, шпорами и шляпою съ перомъ?
Иль честь и честность есть одно и то же слово,
И такъ на мой вопросъ рѣшеніе готово?
Но ѣдешь иль идешь въ мундирѣ ты своемъ,
Очнется часовой и честь отдастъ ружьемъ;

Тогда, при видѣ звѣздъ и ленты твоей алой,
Въ ботфортахъ прокуроръ, и секретарь въ очкахъ,
Писецъ нечесаный въ замаранныхъ чулкахъ,
Отвѣшиваетъ всякъ тебѣ поклонъ немалой.
Такимъ порядкомъ чести долгъ
Весь отдаетъ приказныхъ полкъ.
Но блескъ сей временный, непрочный
Льстить можетъ слабому уму:
Когда сіять имъ можетъ и порочный,
Такъ сердцу будетъ ли пріятенъ твоему?
Такая честь подобна метеору,
Возникшему, какъ новый солнца кругъ,
Котораго простолюдимыхъ взору
Не различить отъ солнца вдругъ:
Но любомудрый мужъ, Ураніей взращенный,
Тѣмъ блескомъ не прельщенный,
Свѣтъ ложный познаетъ отъ истинныхъ лучей,
Съ досадой говоритъ: что въ красотѣ твоей,
Обманчивой, прелестной,
Когда ты, хладный метеоръ,

Честь ту же отдаетъ онъ лентѣ со звѣздою,
И машутъ въ тотъ же часъ поспѣшною рукою
Чтобъ всѣ прохожіе снимали шляпы съ лбовъ,
И честь бы отдали киваніемъ головъ.
Скажи теперь, скажи, что низкіе поклоны
Родятъ честныхъ людей несчетны милліоны:
И будетъ честенъ плутъ, и карлъ, и великанъ,
Когда имъ честь даетъ ружье и барабанъ!
Иль мнѣ рѣшитъ вопросъ, любя свою безпечность:
У насъ снаружи честь, но въ сердцѣ нашемъ честность?

Не можешь льдовъ съ вершины горъ
Въ источникъ претворишь полезный
И нивы жаждущи водою напаять?
Не съ сею ли мечтой наружну честь сравнять?
Но ты, слѣдами шедъ фортуны колесницы,
Ты, взысканецъ булавнаго паши,
Наперсникъ визиревъ и драгоманъ Фелицы,
На честь не промѣнялъ ты честности души!
Хранилъ ее и тамъ, гдѣ разною монетой
Ее старается проситель закупить,
И тамъ, вельможа гдѣ, интригою одѣтой,
Ее въ сѣть хитрую желаетъ уловить;
Хранилъ, и нынѣ сохраняешь
Въ палатѣ, бариномъ гдѣ думнымъ засѣдаешь,
И гдѣ невинному являешь свой покровъ.
Но полно говорить о разности сихъ словъ!
Трепещетъ смерти честь; но, Храповицкій, честность
Съ Платономъ на бюро спокойно видитъ вѣчность.

VII.

В. В. КАПНИСТУ *).

Благодарю тебя, любимецъ дѣвъ Парнасскихъ,
За тѣ стихи, меня которыми почтилъ.
Задолго предо мной уже тебя поилъ

*) *Отвѣтъ на слѣдующіе стихи Капниста:*

Эдипа видѣлъ я... и чувство состраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ.
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца лучь скрывала мрачна ночь,
А я все живо зрю, какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ,
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.
Благодарю тебя, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей сыскавъ волшебный ключь сердецъ,
И жалость возбудя къ четѣ, гонимой рокомъ,
Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ.
О, какъ искусно ты умѣлъ страстей движенья
Въ изгибахъ душъ открыть и взору показать:
Тутъ скорбнаго отца въ невольномъ преступленьи,
Тамъ сына злобнаго раскаяньемъ терзать,
Велику душу здѣсь, тамъ мщенья духъ кичливый,
Отъ гнѣва къ жалости стремительны порывы,

Источникъ свѣтлый водъ живительныхъ Кастальскихъ;
И златовласый Фебъ давно
Благопріятный взоръ склонялъ къ тебѣ равно,

Нѣжнѣйшей дочери унылые явишь,
И въ души наши всѣ ихъ страсти перелишь.
Теки жъ, любимецъ музъ! Во храмѣ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплетенный,
Лавровый ждетъ тебя вѣнокъ на алтарѣ.
Теки, и, презря ядъ Зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
Внемли плесканью рукъ, и вѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ,
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ
Уродливу на долъ и мрачну тѣнь кладетъ!

Озеровъ Эдипомъ своимъ возбудилъ всеобщее удивленіе. Державинъ на посвященіе его отвѣчалъ слѣдующею одою:

Витія, кому Мельпомена,
Надѣвъ котурнъ, дала кинжалъ,
А сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
Вѣнцемъ зеленымъ увѣнчалъ
Блестяще чело,

О ты, что собою представилъ
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
Въ Эдипѣ намъ, въ бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильёновъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло,

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
И жжешь ты хладныя сердца,
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь,
Напрасно чтишь во мнѣ пѣвца:
Но действенникъ ты.

Коль примешь лиру ты, или возмешь свирѣлку,
Надежду ли поешь, или поешь бездѣлку.
Но въ присланныхъ стихахъ я узнаю тотъ духъ,

Ты музъ алтарей тѣхъ служитель,
Которыхъ чудотворный гласъ,
Народной толпы просвѣтитель
Скорѣй театромъ, чѣмъ Парнасъ:
Ты огнь съ высоты,

Огонь, что, изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжетъ сквозь эѳиръ;
Но Лель, съ струнъ Тіискихъ порхая,
Мой, чуть звеня, какъ въ зной зефиръ,
На вѣжды сонъ льетъ.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Гораціемъ я сладость лить;
То можетъ во гробѣ потомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлить:
Тамъ лавръ мой взрастетъ.

Подобнымъ образомъ Батюшковъ, только еще выступившій на поприще поэзіи, спѣшилъ изъявить уваженіе свое Озерову, посвятивъ ему басню Пастухъ и Соловей.

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу!
Не лавры къ твоему вѣнцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я въ даръ тебѣ принесъ: къ чему мой ѳиміамъ
Творцу Димитрія, кому безсмертны музы,
Сложивъ признательности узы,
Открыли славы храмъ?
А храмъ сей затворенъ для всѣхъ Зоиловъ строгихъ,

Съ которымъ нѣкогда въ унылыхъ звукахъ лиры,
Предъ алтаремъ простымъ, печальный, вѣрный другъ,
Ты призывалъ съ небесъ тѣнь нѣжныя Плѣниры.

Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ музами разстаться,
И болѣ не писать,
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать!
Пастухъ, задумавшись въ ночи безмолвной мая,
Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣлъ,
Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шелъ,
Лучемъ серебренымъ долины освѣщая;
Какъ въ рощахъ липовыхъ чуть легкимъ вѣтеркомъ
Листы колеблемы шептали,
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природой сномъ,
Едва межъ береговъ струей своей мелькали.
Изъ рощи соловей
Долины оглашалъ гармоніей своей,
И эхо пѣснь его холмамъ передавало.
Все душу пастуха задумчива плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ;
Печальный соловей вздохнувъ ему сказалъ:
Недолго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
Я радость воспѣвалъ;
Пройдетъ и пѣть охота,
Когда съ сосѣдняго болота
Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ:
Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ!
Пой, нѣжный соловей, пастухъ сказалъ Орфею:
Для нихъ ушей я не имѣю.

Изъ василечковъ голубыхъ,
Изъ незабудокъ полевыхъ
Ты ей сплелъ вѣнокъ, хоть скромный, но безсмертный;

Ты имъ молчаньемъ нѣть оскорбленья придаешь:
Кто будетъ слушать ихъ, когда ты запоешь?

Жуковскій, въ посланіи своемъ къ Вяземскому и Пушкину, говоритъ объ Озеровѣ съ трогательнымъ участіемъ:

Поэзія есть добродѣтель:
Нашъ геній лучшій намъ свидѣтель.
Здѣсь славы чистой не найдемъ:
Почто жъ искать? Перенесемъ
Свои надежды въ міръ потомства!
Увы, Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила;
Въ нихъ зависть тернія вплела...
И торжествуетъ. Растерзали
Ихъ иглы славное чело.
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ, если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила:
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была...

И слезы искренни, на ихъ листахъ примѣтны,
Свѣтлѣе бисера украсили вѣнокъ,
Который дружба въ даръ Пленирѣ приносила.
Очаровательна чувствительности сила!
И счастливъ я стократъ, что возбудить возмогъ
Твою чувствительность, поэтъ пріятный, нѣжный!
Теперь, хотя бъ Эдипъ за скорбной слѣпотой
Не могъ меня вести къ безсмертью въ путь надежный,
Стиховъ твоихъ согласьемъ, красотой,
Стиховъ, перу Капнистову приличныхъ,
Къ безсмертью я дойду въ досаду злоязычныхъ.

КОНЕЦЪ РАЗНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ ОЗЕРОВА.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ ОЗЕРОВА. *)

Воспоминая Владислава Александровича Озерова, мы должны сѣтовать какъ о преждевременной смерти, такъ и о самой жизни его, игралищѣ враждующей судьбы и людей, коихъ злоба бываетъ еще изобрѣтательнѣе и постояннѣе. Смерть положила предѣлъ днямъ Озерова на 47 году отъ рожденія; но бѣдствія и зависть, пробужденная рукоплесканіями, ужс за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ поставили преграду успѣхамъ его, похитивъ у отечества надежды, за исполненіе которыхъ достаточными поруками были прежніе труды Озерова, начавшаго новую эпоху въ исторіи трагическаго нашего театра. Странная и горестная истина! Участь великихъ мужей, коихъ слава бываетъ собственностію народа, зависитъ часто отъ малаго числа людей, а иногда отъ одного только лица: не отъ того ли, что благодарность скудна въ способахъ изъясняться, особенно же медленна, а зависть напротивъ богата въ средствахъ, догадлива и никогда не дремлетъ? И часто первая прерываетъ свое преступное молчаніе тогда только, когда поздній голосъ ея тщетно уже раздаться можетъ надъ прахомъ сердца нѣжнаго, потух-

*) Преждевременная смерть Озерова, внезапно похитившая пріятнѣйшія надежды Руской Мельпомены, сильно поразила всѣхъ любителей словесности. Князь П. А. Вяземскій, будучи тогда двадцати четырехъ лѣтъ, написалъ помѣщаемую здѣсь біографію нашего трагика. Каковы бы ни были теперь мнѣнія автора о драматической поэзіи, его замѣчанія драгоцѣнны, какъ первыя движенія чувствительности, свѣжіе цвѣты, принесенные имъ на гробницу поэта.

шаго въ уныніи и ожидавшаго благотворнаго ея взыванія, какъ новой жизнеподательницы новыхъ силъ и надеждъ! Напротивъ же первая побѣда есть для послѣдней рѣшительный знакъ къ дѣйствію: неутомимо преслѣдуетъ она отъ успѣха къ успѣху довѣрчиваго любимца славы, какъ жадный заимодавецъ, заставляя его расплачиваться при каждомъ новомъ правѣ, пріобрѣтенномъ на уваженіе отечества, и такимъ образомъ гоняясь до конца за жертвою своею, падаетъ безсильная при надгробномъ камнѣ, сей священной преградѣ, безсмертіемъ поставленной ея ненасытной враждѣ. Счастливъ обреченный славою на гоненіе, воинъ ли онъ, гражданинъ ли, или питомецъ музъ, когда душа его, облеченная спасительною твердостію и крѣпкая собственными своими силами, служитъ только тщетно цѣлію стрѣлъ для непріязни, скользящихъ по ней и слѣдовъ не оставляющихъ! Но горе тому, кто съ дарованіемъ получилъ отъ природы и душу чувствительную, ввѣрившую свои наслажденія и горести самовластію чуждаго произвола! Слезами кровавыми заплатитъ онъ за рукоплесканія, мгновенно похищенныя у вѣтренной толпы, сегодня ослѣпленной, а завтра смотрящей съ убійственнымъ равнодушіемъ на бореніе любимца своего съ злобою враговъ. Должно еще замѣтить, что успѣхи драматическіе болѣе и продолжительнѣе прочихъ подстрекаютъ зависть. Эпическое или лирическое твореніе, славимое при началѣ и дѣйствующее только на часть публики, теряетъ со временемъ свою гласность и наконецъ становится собственностію малаго числа читателей. Хорошая трагедія или комедія, налагая дань на все общество, не старѣетъ никогда. Каждое представленіе, возобновляя удовольствіе публики, растравляетъ раны зависти, которая не столько врагъ достоинствамъ, сколько успѣхамъ. Вольтеръ, вооружившій противу себя толпу враговъ, но умѣвшій всегда съ равнымъ искусствомъ вести какъ оборонительную, такъ и наступательную войну, жалуясь однажды на непріятности, имъ претерпѣваемыя, го-

воришь въ письмѣ: если я еще напишу трагедію, то куда мнѣ дѣваться?

Озеровъ умалчивалъ о своихъ неудовольствіяхъ, и, одаренный сердцемъ чувствительнымъ къ обидамъ, не умѣлъ ни презирать вражды, ни бороться съ нею, и наконецъ оставилъ столицу и поприще славы своей.

Заслуги Озерова, преобразователя Руской трагедіи, которыя можно, не опредѣляя достоинства обоихъ писателей, сравнить съ заслугами Карамзина, образователя прозаическаго языка, обращаютъ на себя благодарное и любопытное вниманіе просвѣщенныхъ друзей словесности. Оба оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, которыя застали они, нельзя не признать, что ими вдругъ подвигнулось искуство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразованіе, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями, отъ насъ утраченными. Но для нѣкоторыхъ людей сей Геркулесовскій подвигъ не существуетъ. Они постоянно коснѣютъ при мнѣніяхъ прошедшаго вѣка. Просвѣщеніе, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человѣческихъ понятій, преобразовавшее самыя государства, до нихъ не коснулось. Просвѣщеніе прошло мимо нихъ, и они его не замѣтили. Обремененные съ излишествомъ старыми понятіями и не умѣя даже ими владѣть, какъ безпечный наслѣдникъ, который не только что не думаетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, но съ трудомъ вычисляетъ и то, что ему досталось, они негодуютъ на новую жатву, собранную тайкомъ отъ нихъ трудолюбивыми и щедрыми благотворителями. Успѣхи разума и искуства не подвигаются для сихъ людей неподвижныхъ. Оставшись на тезѣ просвѣщенія, современнаго ихъ младенчеству, они напоминаютъ Эдипа, который, будучи утомленъ дорогою, садится на камень и говоритъ; *мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.* Ихъ разумъ, достигшій

высихоспи при поспоянномъ ребячествѣ, и представляющій картину развалинъ недостроеннаго зданія, не измѣняя первымъ урокамъ, удивляется, что смѣюпъ писать трагедіи послѣ Сумарокова, и; довольствуясь повѣствованіями Элагина, ужасается святотатства смѣльчака, дерзающаго топтать Рускую исторію. Пускай доканчиваютъ они тяжелый сонъ жизни своей на вѣковомъ камнѣ подъ усыпительнымъ надзоромъ невѣжества и предразсудковъ: мы обратимся къ Озерову, который писалъ не для ихъ вѣка.

Къ сожалѣнію я не могу, говоря о заслугахъ Озерова, какъ автора, остановить на немъ вниманія читателей, какъ на человѣкѣ: я не зналъ его лично. Но впрочемъ, если бы свидѣтельство друзей его и не утвердило меня въ увѣреніи о прекрасномъ образованіи его сердца; то я убѣдился бы въ немъ истинною и словами Карамзина, который говоритъ, что автору надобно имѣть доброе и нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей. Не знаю также и подробностей жизни поэта, столь всегда любопытныхъ и занимательныхъ, когда онѣ относятся къ лицу, достойному нашего вниманія. Мы любимъ заставать въ тишинѣ домашней жизни человѣка, привлекающаго взоръ нашъ на поприще большаго свѣта, и, такъ сказать, повѣрять, сличать его съ самимъ собою. У насъ писателей знаютъ только по однѣмъ ихъ книгамъ, и извѣстія о нихъ не что иное, какъ послужные списки. Хорошо другу умершаго писателя обращать вниманіе потомства на знаки благоволенія, полученные покойникомъ отъ начальниковъ тогда, какъ творенія его не свидѣтельствуютъ о благоволеніи къ нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествахъ души, о домашнихъ добродѣтеляхъ человѣка, извѣстнаго намъ по одной его славѣ: то, умалчивая о чинахъ его, припомня съ Княжнинымъ, что *Рафаэль не бывалъ коллежскимъ ассессоромъ*, лучше опредѣлимъ его права не на адресъ-календарь, но на любовь гражданъ, уже

плашащихъ дань уваженія умственнымъ его способностямъ.

Соберу однако же всѣ извѣстія о немъ, которыя дошли до меня, и если не могу начертать полнаго образа, то означу хотя легкія черты характера или души Озерова по словамъ одного родственника его, которому не нужно было родства, чтобы быть ему другомъ.

Озеровъ получилъ воспитаніе въ Кадетскомъ корпусѣ, хорошее по тогдашнимъ понятіямъ, но недостаточное для человѣка, готовящагося быть писателемъ. Французскій языкъ и Французская словесность были единственными сокровищами, открытыми его взору. Первыми его учителями и образцами въ языкѣ были Княжнинъ и Болтинъ: уже гораздо послѣ того познакомился онъ съ истинными образователями Руской прозы и Рускихъ стиховъ. Въ уединеніи тихой жизни узналъ онъ Державина, Дмитріева и Карамзина, почувствовалъ имъ цѣну и по нихъ учился. Рожденный съ пылкими страстями, съ воображеніемъ романическимъ, онъ не могъ противиться волшебной прелести любви, и привязанность къ одной женщинѣ, достойной владычествовать въ его сердцѣ, рѣшила судьбу почти всей его жизни. Для нея онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, почти всѣ лѣта своей молодости; съ нею питался восторгами платонической страсти; часто предчувствовалъ счастіе, но не былъ счастливъ; ибо любезная ему женщина была замужняя и добродѣтельная. Для нея онъ игралъ во Французскихъ трагедіяхъ, читалъ романы и писалъ Французскіе стихи. По счастію онъ измѣнилъ современемъ Французскому языку, но сохранилъ вкусъ къ чтенію романовъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и послѣ потери любимой женщины, какъ бы для того, чтобы участіемъ въ вымышленныхъ несчастіяхъ любви напоминать себѣ тѣ страданія нѣжности, къ коимъ сердце его привыкло. Нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе романовъ дало его поэзіи цвѣтъ романизма, замѣтный почти во всѣхъ его произведеніяхъ, и удивительно, какъ съ такимъ рас-

положеніемъ не искалъ онъ для содержанія трагедій своихъ повѣстей изъ рыцарскихъ вѣковъ. Долговременная сердечная связь имѣла также вліяніе и на характеръ нашего трагика. Давно говорятъ, что любовники похожи на дѣтей, а Озеровъ сохранилъ что-то дѣтское и во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Онъ, какъ младенецъ, былъ добродушенъ, своенравенъ и забывчивъ, то подозрителенъ, то легковѣренъ и къ людямъ и къ надеждамъ. Иногда самолюбіе доводило его до малодушія; иногда онъ излишняго смиренія онъ впадалъ въ отчаяніе. Главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ; онъ часто дѣлался ихъ невольникомъ, видѣлъ, чувствовалъ ими; но готовъ былъ разсердиться за малѣйшую неосторожность, и также не могъ устоять противъ малѣйшаго знака любви. Смерть милой ему женщины удалила его навремя отъ свѣта, который въ глазахъ его украшался ею, и отъ словесности, которая сначала была для него не болѣе, какъ забава. При образованіи природномъ долго не могъ онъ искать наслажденій и счастія въ трудахъ ума, искавъ ихъ единственно въ мечтахъ сердца. Пробужденіе отъ сладостныхъ сновидѣній было развитіемъ давно таившихся его способностей. Слѣдующая черта дастъ ясное понятіе о нѣжности и щекотливости благородной души его. Онъ служилъ по гражданской части и имѣлъ успѣхи по службѣ, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: не нужно ли сдѣлать перемѣны въ его департаментѣ? Озеровъ счелъ этотъ вопросъ за совѣтъ итти въ отставку, и тотчасъ вышелъ.

Приступая къ разсмотрѣнію произведеній Озерова, скажемъ нѣчто о Рускомъ театрѣ.

Драматическое искуство у насъ еще въ колыбели. Не смотря на нѣсколько трагическихъ и комическихъ сценъ, мелькающихъ въ маломъ числѣ драматическихъ твореній, изъ коихъ всякое болѣе или менѣе ознаменовано общею печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мельпомены, ка-

жется, можетъ сказать рѣшительно, что до сего времени мы не имѣли еще ни одной оригинальной комедіи въ стихахъ *), и до Озерова не видали трагедіи.

Сумарокову, сему писателю, хотѣвшему съ жадностію обнять всѣ отрасли ученой славы, и у котораго нельзя отнять ни ума, ни дарованія, предназначено было судьбою проложить у насъ пути къ разнымъ родамъ сочиненій, но самому не достигнуть ни одной цѣли. Какъ Моисей, онъ навелъ другихъ на Обѣтованную землю, но самъ не вступилъ въ ея границы. Ослѣпленные современники вѣнчали неутомимаго писателя похвалами: добродушное потомство довольствуется быть отголоскомъ старины, не налагая на себя тяжелаго труда быть дѣйствующимъ судіею славы Сумарокова, и такимъ образомъ творецъ Рускаго театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имѣетъ мѣста на ономъ. Можетъ быть, и совсѣмъ поглотила бы его бездна забвенія, если бы не приходило на мысль благочестивымъ и суевѣрнымъ поклонникамъ старины, предпочитающимъ всегда славу усопшихъ славѣ живыхъ, ставить намъ безъ зазрѣнія совѣсти въ образецъ басенъ на Рускомъ языкѣ басни Сумарокова и въ образецъ трагическаго слога напыщенные и холодные порывы притворнаго изступленія Димитрія-самозванца. Должно замѣтить однако же, что въ трагедіяхъ Сумароковъ также выше комедій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собственныхъ.

Княжнинъ первый положилъ твердое основаніе какъ трагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ сти-

*) Фонвизинъ умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, донынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственныя, какъ по истинѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блистаетъ непринужденнымъ остроуміемъ.

захъ на нашемъ театрѣ, есть неоспоримо *Хвастунъ*, хотя и въ ней критика найдетъ много недостатковъ, и вкусъ не всѣ стихи освятитъ своею печатью. Но за то сколько сценъ истинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія автора! Сколько счастливыхъ стиховъ, вошедшихъ непримѣтно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ, такъ сказать, о зрѣлости слога Княжнина! Въ доказательство тому замѣтимъ, что дурный стихъ, площадное и непристойное выраженіе, оскорбляя вашъ слухъ, поражаетъ васъ въ Хвастунѣ также, какъ хорошій и удачный стихъ пробуждаетъ васъ въ другой комедіи. *Утѣшенная вдова* до сего времени можетъ служить у насъ образцовою по достоинству прозаическаго и комическаго слога, тонкой насмѣшки и веселости. Въ *Чудакахъ* блистаетъ тоже дарованіе и еще болѣе комической веселости. Въ другихъ его комедіяхъ вездѣ разсыпаны искры дарованія и соль остроумныхъ шутокъ, замѣняющихъ погрѣшности плановъ его и несходство въ списываніи лицъ.

Княжнинъ, какъ трагикъ, заслуживаетъ болѣе укоризнъ, не имѣя блестящихъ достоинствъ, вознаграждающихъ за ошибки его въ комедіяхъ. Языкъ въ послѣднихъ всегда кажется естественнымъ: языкъ въ его трагедіяхъ всегда принужденъ и холоденъ. Въ *Дидонѣ* видимъ не любовницу, въ *Рославѣ* не пламеннаго друга отечества. О *Рославѣ* можно замѣтить, что имя хвастуна ему приличнѣе, нежели дѣйствительному Хвастуну. *Верхолетъ* болѣе лжецъ и обманщикъ: *Рославъ* есть трагической хвастунъ. Княжнинъ, сказываютъ, признавался, что *Рославъ* написанъ имъ по желанію собрать въ одно всѣ черты высокаго, разсыпанныя во Французскихъ трагедіяхъ. Одно это желаніе, признанное или умолченное, все равно, но главное въ трагедіи его, можетъ служить ему обвиненіемъ. Въ отвѣтахъ Рослава слышенъ всегда авторъ; въ словахъ: *я здѣсь не въ первый разъ*, внятенъ сердечный голосъ негодующаго Фингала. Я часто слыхалъ рукоплеска-

ція, заслуживаемыя стихами трагедій Княжнина; но признаюсь, не видалъ никогда въ глазахъ зрителей красноречиваго свидетельства участія, принимаемаго сердцемъ ихъ въ бедствіяхъ его героевъ или героинь; не видалъ сихъ слезъ, невольной и лучшей дани, приносимой трагическому дарованію отъ раштревоженныхъ чувствъ сострадонія, или страха обманутаго воображенія. Должно сказать, что пороки въ составленіи трагедій Сумарокова и Княжнина не могутъ быть оправданы временемъ. Въ то время, какъ они писали, сокровища иностранныхъ театровъ совершенно были имъ открыты; не говорю о древнихъ источникахъ, которые тогда, какъ и самый языкъ древнихъ, были забыты. Въ трагедіяхъ того и другаго встречаемъ мы нередко частныя подражанія Корнелю, Расину и Вольтеру. Можно похитить блестящую мысль, счастливое выраженіе; но жаръ души, но тайна господствовать надъ чувствами другихъ сердецъ не похищается, и нельзя ей научиться отъ правилъ піитики. Главный недостатокъ Княжнина происходитъ отъ свойствъ души его. Онъ не рожденъ трагикомъ.

О трагедіяхъ последователей его, покоящихся после однодневной жизни въ *Россійскомъ театре*, нечего и упоминать. Не стану говорить и о трагедіяхъ, въ новейшее время перенесенныхъ съ иностранныхъ театровъ на нашъ усердными переводчиками, о сихъ несчастныхъ эмигрантахъ (разумеется, не безъ исключенія), жалкихъ и разительныхъ свидетельствахъ измененія судьбы человеческой, сохранившихъ у насъ одно прежнее имя, но оставившихъ на отечественной земле и богатство свое и славу отцовъ!

Кажется, решительно можно сказать, что у насъ не было трагедій, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сцене. Актёры съ пышными именами выходили передъ зрителей, говорили стихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зевали; но и рукоплесканія ихъ были

данію звучности стиховъ, блестящимъ выраженіямъ истины, сильнымъ изрѣченіямъ, сохраненію нѣкоторыхъ условій искусства, и тайна трагедіи не была еще постигнута. Явился Озеровъ, и Мельпомена приняла владычество свое надъ душами. Мы услышали голосъ ея, повелѣвающій сердцу, играющій чувствами, сей голосъ, столь краснорѣчивый въ Расинѣ и Вольтерѣ. Въ первый разъ увидѣли мы на сценѣ не актёровъ, пожалованныхъ по произволу автора въ Греческихъ, Римскихъ или Руских героевъ, и представляющихъ намъ галлерею портретовъ не на одно лице, которое узнавать надобно было по надписи.

Но прежде, нежели представимъ Озерова на Руской сценѣ, на степени его достойномъ, взглянемъ на первые труды, предшествовавшіе *Эдипу*, коимъ началась новая эпоха въ исторіи театра и словесности нашей.

Первый шагъ Озерова въ области поэзіи былъ переводъ изъ Колярдо героиды: *Элоиза къ Абеляру*. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при переводѣ, увѣдомляетъ онъ читателей, что предлагаетъ имъ первый опытъ свой въ стихахъ и извиняется въ смѣлости состязаться съ счастливымъ соперникомъ, утвердившимъ во Франціи свою славу переводомъ изъ Попа письма, извѣстнаго любителямъ словесности и сдѣлавшагося, такъ сказать, молитвенникомъ любви; онъ признается, что чтеніе стиховъ Колярдо, родило въ немъ вдохновеніе Аполлона и воспламенило воображеніе, не тронутое до того волшебнымъ жезломъ поэзіи. »Читая Колярдо, говоритъ Озеровъ, я былъ восхищенъ. »Мнѣ открылся путь Парнасскій, и я почувствовалъ вдохновеніе »Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ.« Такъ добродушный Лафонтенъ, до конца жизни не провѣдавшій тайны славы своей, тайны темной для однихъ его глазъ, обязанъ былъ чтенію оды Малерба открытіемъ своего дарованія. Поставить переводъ наряду съ подлинникомъ, не возможно; но не признать въ переводчикѣ Колярдо грядущаго поэта, было бы несправедливо.

Многіе стихи, не смотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзіи, могли бы украсить и въ теперешнее время лучшее изъ нашихъ стихотвореній. Вообще разсказъ и порывы страсти удачнѣе прочаго сохранены переводчикомъ, еще не посвященнымъ, но втайнѣ обреченнымъ любимцемъ Мельпомены. Его прочія мѣлкія стихотворенія не свидѣтельствуютъ о поэтическомъ дарованіи, развернувшемся въ трагедіяхъ, а лирическія пѣсни доказываютъ, что Озеровъ не былъ лирикомъ.

Трагедія: *Ярополкъ и Олегъ*, представленная въ 1798 году на Санктпетербургскомъ театрѣ, была первою трагедіею Озерова, и первою и послѣднею данію, заплаченною имъ вѣку Сумарокова и Княжнина. Вспомня, что предшественниками *Федры* были *Александръ* и *Враждующіе братья*, дань принесенная Расиномъ вѣку Ротру и Корнеля, удивимся ли тому, что трагедія *Ярополкъ и Олегъ* не предвѣщала *Эдипа* и *Поликсены*? Рѣдко случается, чтобы дарованіе съ перваго шага стало на ту дорогу, которую оно прокладываетъ себѣ возмужавшими силами: обыкновенно, оно тащится нѣсколько времени по слѣдамъ предшественниковъ, а тамъ уже вдругъ освобождается отъ ига суевѣрнаго подражанія и, уклонясь на неиспытанный путь, открываетъ новое поприще для новыхъ послѣдователей. Въ планѣ сей трагедіи, въ самомъ составѣ стиха, видны погрѣшности Княжнина, не искупленныя красотами, ему принадлежащими. Красотамъ подражать не можно; ихъ нельзя ни похитить, ни присвоить. Напротивъ того, недостатки писателей переходятъ изъ рукъ въ руки во владѣніе рабскихъ его подражателей. Расинъ, побѣдившій Корнеля, когда переставалъ брать его себѣ въ примѣръ, былъ ниже его, когда хотѣлъ сравниться съ нимъ. Озеровъ, усовершенствовавшій искуство Княжнина, былъ дурнымъ его ученикомъ, когда искалъ славы его соперничества. Къ счастію Озерова, публика, которой сужденія не всегда безошибочны, по какому-то предчувствію не попалась въ обманъ и, справедливо

отвергнувъ трагедію Озерова, не ослѣпила его соблазномъ успѣха. Счастливый пріемъ *Ярополка и Олега*, усыпивъ геній трагика, можетъ быть, убилъ бы *Эдипа*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ сочинитель, скрывавшійся отъ глазъ свѣта, явился снова на трагической сценѣ, но вооруженный новыми силами, обѣщавшими ему побѣду. Бѣдствія *Эдипа* и семейства его, это неисчерпаемое сокровище трагедіи, наслѣдство, переданное вѣкамъ героическими трагиками, не были еще присвоены Рускою сценою. Сія добыча, достойная Озерова, ожидала его. Софоклъ въ *Эдипѣ царѣ* имѣлъ многихъ послѣдователей; у однихъ Французовъ есть около десяти подражателей. *Эдипъ въ Колонскомъ предмѣстіи* рѣже переносимъ былъ на новѣйшій театръ. Озеровъ, избравши его, основался на Софоклѣ, пользуясь и другими Французскими подражаніями: *Эдипомъ у Адмета*, трагедіею Дюсиса, который, не знаю почему, сливъ въ одно двѣ отдѣльныя трагедіи, раздѣлилъ участіе, и оперою *Эдипъ въ Колонскомъ предмѣстіи*, однимъ изъ счастливѣйшихъ подражаній древнему театру. Содержаніе *Эдипа* извѣстно. Сія прекрасная трагедія, зрѣлое и жизни исполненное произведеніе маститаго старца, почитается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ древности. Софоклъ, обвиняемый сыномъ въ несостояніи править имѣніемъ по старости лѣтъ и упадку разсудка, прочелъ для оправданія своего передъ судьями *Эдипа въ Колонскомъ предмѣстіи*, оконченнаго имъ въ самое то время. Восхищенные судьи отослали со стыдомъ обвинителей и съ торжествомъ проводили Софокла до дома. Сія трагедія, освѣтившая вечеръ славы Греческаго пѣвца, озарила утро славы нашего трагика и была зарею новаго дня на Рускомъ театрѣ. Но вѣроятно, современники наши хладнокровнѣе древнихъ въ своихъ сужденіяхъ, и едва ли голосъ клеветы для слуха ихъ не доходнѣе голоса дарованія. Сравнивать подлинникъ съ подражаніемъ не должно. Древніе въ трагедіяхъ своихъ имѣютъ великое преимущество надъ нами. Трагедія Греческая заимствовала свою силу

ствъ всего, что было священно для Греческаго сердца. Слава предковъ и современныхъ граждань, народныя преданія и обычаи, таинства религіи, торжественные обряды Богослуженія, были, такъ сказать, сокровищемъ Греческихъ трагиковъ. Мы можемъ постигать красоту ихъ искусства, но, и постигнувъ ее, будемъ единственно холодными зрителями дѣйствія, а не участниками онаго. Смерть Эдипа, залогъ благоденствія Аѳинъ, можетъ ли производить надъ зрителями чуждыми то дѣйствіе, которое имѣла она на Аѳинскомъ театрѣ? До какаго же совершенства должны были достигнуть древніе трагики, чтобы внушить и намъ, отдаленнымъ отъ нихъ вѣками, а еще болѣе совершенною противоположностію понятій и чувствъ, то уваженіе, которое имѣемъ къ ихъ твореніямъ! И если позволено здѣсь уподобленіе, то нельзя ли сравнить Греческую трагедію, въ отношеніи къ намъ, съ прекраснымъ портретомъ Раѳаэлевой кисти, который мы цѣнимъ по одному искуству живописи, но которымъ прежній его обладатель дорожилъ еще болѣе по вѣрному и живому изображенію человѣка, близкаго его сердцу?

Вѣрнѣйшее подражаніе древнимъ трагикамъ, согласно съ правилами, которыя они завѣщали намъ своимъ примѣромъ, было бы не подражать имъ. Можно рѣшительно сказать, что они никогда не избрали бы для своихъ твореній содержанія, совершенно чуждаго народу своему и образу его мыслей. Эпопея, принадлежащая къ повѣствовательному роду, можетъ переносить насъ подъ чуждое небо и живописать воображенію картины, которыя тѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему, чѣмъ новѣе и неизвѣстнѣе онѣ для насъ. Но трагедія, которая творитъ изъ насъ не холодныхъ слушателей отдаленнаго повѣствованія, а, обманывая насъ, дѣлаетъ созерцателями и участниками дѣйствія, не должна ли, чтобы совершенно овладѣть вниманіемъ души нашей, предоставлять намъ лица знакомыя и пробуждающія въ насъ великія и священныя воспоминанія? И, при-

держиваясь перваго сравненія съ живописью, для лучшаго объясненія мысли моей, я уподобилъ бы эпопею картинѣ, изображающей глазамъ нашимъ природу, хотя и чуждую, но всегда величественную и всегда сродную намъ по общимъ отношеніямъ къ человѣку, а трагедію картинѣ семейственной, которой живѣйшія права на сердце наше основаны на отношеніяхъ частныхъ. Обратимся къ Озерову.

Онъ, какъ благоразумный художникъ, воспитывалъ дарованіе свое въ Греческой школѣ и зналъ, что для театра нашего еще въ младенчествѣ полезны могутъ быть и правила и самые примѣры наставниковъ, коихъ искусство возрасло до зрѣлости трудами ихъ генія и не состарѣлось съ вѣками. Къ тому же, отнимая отъ Эдипа и все то, что, такъ сказать, теряется для глазъ нашихъ, его несчастіе, благородная твердость, нѣжная любовь дочери его, имѣютъ еще довольно правъ на сострадание души, и повѣсть Эдипа останется всегда богатымъ и счастливымъ наслѣдствомъ древнихъ, которымъ успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе трагики. Озеровъ въ составленіи своей трагедіи отступалъ и отъ Софокла и отъ подражателей его иногда съ успѣхомъ, иногда и нѣтъ. Первое дѣйствіе Софокла перенесено имъ во второе, вѣроятно для того, чтобы познакомить зрителей съ судьбою и отношеніями сыновей его къ нему и, такъ сказать, изложить историческое содержаніе трагедіи: сія предосторожность, излишняя на театрѣ Аѳинскомъ, могла показаться законною на нашемъ. Характеръ Тезея обнаруживается ясно: пріемъ Креона и отвѣты на просьбу о союзѣ Тезея, представляютъ благородство и справедливость царя, друга и благотворителя своихъ подданныхъ. Красота и звучное великолѣпіе стиховъ замѣняетъ сухость и холодность перваго дѣйствія, не открывающаго глазамъ главныхъ лицъ и рѣшительнаго содержанія трагедіи. Софоклъ при самомъ началѣ возбуждаетъ въ зрителяхъ сострадание къ несчастному царю изгнаннику и ува-

женіе къ дочери, раздѣляющей нищету и бѣдствія отца. Трагедію Озерова можно начать со вторагo дѣйствія и ущербъ будетъ на сторонѣ одного поэта, а не трагика. Но за то второе дѣйствіе вполнѣ награждаетъ за излишнее, можетъ быть, ожиданіе его. Оно выдержано до конца и ознаменовано высокою простотою, столь плѣнительною въ Греческихъ трагедіяхъ. Вѣрные и строгіе почитатели сохраненія древней истины могутъ съ нѣкоторою справедливостію замѣтить, что Эдипъ, привлеченный таинственною судьбою ко храму Эвменидъ, и въ пророческомъ духѣ чающій найти подъ сѣнію убѣжище и конецъ стратническимъ бѣдствіямъ, не долженъ былъ впадать въ ужасное изступленіе, которымъ онъ объятъ, узнавъ отъ дочери, что они находятся близъ храма богинь мести. Замѣтятъ также и то, что, во все продолженіе трагедіи, Эдипъ не облеченъ покровомъ священной таинственности, которымъ онъ закрывается у Софокла отъ взоровъ толпы, до самой смерти, такъ сказать, разгадывающей въ глазахъ земли великую загадку его жизни, обреченной небомъ на невольныя преступленія и постоянныя бѣдствія. Характеръ Креоновъ также не почерпнутъ изъ Греческаго источника, или по крайней мѣрѣ не имѣетъ печати, ему сродной. Злодѣи, гордящіеся своими преступленіями и съ отвратительнымъ чистосердечіемъ судящіе себя безпристрастно, какъ судіи посторонніе, не находятся ни въ природѣ, ни въ произведеніяхъ геніевъ, ей подражавшихъ, но раждаются отъ безпечности или безсилія трагиковъ, которые, не умѣя или не желая дать себѣ труда живописать разительною и твердою кистію характеръ предполагаемый, заставляютъ его называться именемъ, когда искусство требуетъ, чтобы онъ отгаданъ былъ зрителями. Сей родъ изображенія есть одинъ изъ главнѣйшихъ пороковъ Руской трагедіи и торжествуетъ въ *Димитріи Самозванцѣ*. До сей поры онъ еще сохраняется на нашемъ театрѣ. Въ первомъ явленіи третьяго дѣйствія Эдипа,

Креонъ съ излишнею некрѣпкостію сообщаетъ Нарцесу исповѣдь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую болѣе чести стихотворцу, нежели трагику.

Характеръ *Полиника* начертанъ мастерскою рукою. Въ самомъ раскаяніи его прорываются движенія злобы и ненависти къ брату, и зритель въ Полиникѣ, оплакивающемъ преступленія свои у ногъ отца и готовящемся жертвовать жизнію за него и сестру, угадываетъ еще мятежнаго, необузданнаго и непримиримаго брата Этеоклова. Антигона Озерова совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и въ природѣ. Ни на одно мгновеніе, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ словѣ не измѣняетъ себѣ. Плѣнительный образецъ дочерней любви, трогательное сочетаніе нѣжности и твердости, чувствительности и благороднаго презрѣнія къ бѣдствіямъ, однимъ словомъ, счастливое соединеніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей. Въ первый разъ услышали мы на сценѣ голосъ женскій. Антигонѣ не авторъ подсказываетъ, но сердце ея. Замѣтимъ здѣсь, что Озеровъ съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ ловилъ сходство женскихъ лицъ. Кисть его при изображеніи ихъ была разборчивѣе въ краскахъ, точнѣе въ оттѣнкахъ и тщательнѣе въ отдѣлкѣ. Взгляните на Антигону, Моину, Ксенію, Гекубу и Поликсену! Каждый изъ списковъ ихъ носитъ на себѣ печать истины и нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствуетъ о пристрастіи къ себѣ автора, такъ сказать, любовавшагося трудомъ своимъ. Можетъ быть, почерпнулъ онъ сію вѣрность изображенія въ нѣжномъ образованіи души своей, отражавшей съ большею живостію и ясностію женскія добродѣтели; можетъ быть, заимствовалъ онъ ее отъ частаго обращенія съ женщинами, очищающими какъ вкусъ нашъ, такъ и самыя чувства. Но обратимся къ Эдипу, который къ сожалѣнію перестаетъ быть Эдипомъ въ пятомъ актѣ. Озеровъ въ окончаніи своей трагедіи совершенно отсталъ отъ Софокла, и, такъ сказать, срываетъ съ Эдипа священную печать таин-

ственнаго попеченія о немъ боговъ, чудныхъ къ нему въ гоненіи и милости. Нашъ трагикъ измѣнилъ прекрасному концу Греческаго Эдипа, освященнаго передъ смертію, и уже не хилаго слѣпца, имѣющаго нужду въ подпорѣ смертныхъ, но слѣпца, руководимаго промысломъ боговъ и твердою стопою идущаго къ могилѣ, назначенной ему отъ нихъ наградою за долгія страданія и пристанищемъ послѣ житейскихъ треволненій. Сей прекрасной кончинѣ предпочелъ онъ холодную смерть Креона въ угожденіе ложному правилу, проповѣданному намъ новѣйшими трагиками, что нравственная цѣль трагедіи должна быть казнь порока и торжество добродѣтели. Но трагикъ не есть уголовный судья. Обязанность его и всякаго писателя есть согрѣвать любовію къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку, а не заботиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Великіе трагики и изъ новѣйшихъ чувствовали сію истину, и Вольтеръ, поражая Зопира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льстецомъ порока. Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актёръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, столь противный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать свою трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ его совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными межами путь генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостію презрѣть ихъ въ полетѣ своемъ. Если иногда въ Эдипѣ Озеровъ былъ ослушнымъ ученикомъ древнихъ наставниковъ; то по крайней мѣрѣ съ блистательнымъ успѣхомъ оказался онъ достойнымъ воспитанникомъ, а часто и сча-

стливымъ соперникомъ новѣйшихъ образцевъ. Эдипъ въ Аѳинахъ будетъ занимать всегда одно изъ почетныхъ мѣстъ на новѣйшемъ театрѣ въ отношеніи къ твореніямъ современной словесности чуждыхъ народовъ, а въ отношеніи къ нашей поставилъ онъ Озерова наряду съ величайшими нашими поэтами, и на степень первѣйшаго нашего трагика. Въ первый разъ сія трагедія была играна на Петербургскомъ театрѣ въ 1804 году и вскорѣ послѣ того напечатана при посвященіи, писанномъ прозою къ Державину, который отвѣчалъ ему стихами, уже отзывающимися старостію поэта и не стоющими прозы Озеровой. Публика, руководимая на этотъ разъ вкусомъ, приняла новую трагедію съ живымъ удовольствіемъ. Журналы тогдашняго времени подтвердили ея одобреніе, и между поэтами, привѣтствовавшими успѣхъ новаго трагика, былъ и другой пѣвецъ вѣка Екатерины, Капнистъ. Эдипъ въ Аѳинахъ представленъ также на театрѣ Эрмитажа, и авторъ имѣлъ удовольствіе слышать отъ Государя похвалу и одобреніе своимъ трудамъ. Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій сказано было, что нѣкоторыми любителями отечественной словесности было положено собрать подписку для выбитія золотой медали въ честь автора Эдипа. Мудрено ли, что сердце чувствительное, питающееся одобреніями и довѣрчивое къ надеждамъ, поддалось усладительнымъ приманкамъ улыбающагося успѣха и въ безпечномъ очарованіи своемъ внимательное къ одному голосу похвалы не замѣчало скрытнаго ропота зависти? Осторожность не плѣняется успѣхами и проницательнымъ взглядомъ различаетъ свойства похвалъ и искренность хвалителей; но пламенная и простая душа предается обману и поздно узнаетъ, что слава вплетаетъ терніе въ вѣнцы, которыми надѣляетъ она своихъ любимцевъ.

Изъ благословенной Эллады, цвѣтущаго отечества изящнаго и искуствъ, муза Озерова перенесла его подъ дикое и шу-

манное небо, прославленное однообразными, но сильными и сладостными для души пѣснями сѣвернаго Омера. Пѣвецъ Греческій открываетъ богатый рудникъ трагикамъ: Оссіанъ не столь щедрою рукою разсыпаетъ свои сокровища. Воображеніе Омера богато, роскошно и разноцвѣтно, какъ вѣчная весна, царствующая на отеческихъ его поляхъ. Воображеніе Оссіана сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные снѣга его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ отечеству, и сія любовь согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и становится обильнымъ источникомъ его вдохновенія. Его герои — ратники; поприще ихъ славы — бранное поле; алтари — могилы храбрыхъ. Сѣверной поэзіи прилично искать источниковъ въ баснословныхъ преданіяхъ народа, имѣющаго нѣчто общее съ ея народомъ, когда разборчивая строгость не дозволяетъ ей дополнить своими вымыслами скудныя средства, открытыя отечественною исторіею. Сѣверный поэтъ переносится подъ небо, сходное съ его небомъ, созерцаетъ природу, сродную его природѣ, встрѣчаетъ въ нравахъ сыновъ ея простоту, въ подвигахъ ихъ мужество, которыя раждаютъ въ немъ темное, но живое чувство убѣжденія, что предки его горѣли тѣмъ же мужествомъ, имѣли ту же простоту въ нравахъ, и что свойства сихъ однородныхъ дикихъ сыновъ сѣвера отлиты были природою въ общемъ льдистомъ сосудѣ. Самый языкъ нашъ представляетъ болѣе красотъ для живописанія сѣверной природы. Цвѣтъ поэзіи Оссіана, можетъ быть, удачнѣе обильнаго въ оттѣнкахъ цвѣта поэзіи Омеровой перенесенъ на нашъ языкъ. Нѣкоторые Руские переводы пѣсней сѣвернаго Барда подтверждаютъ сіе мнѣніе. Но ровное и, такъ сказать, одноцвѣтное поле его поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву для трагедіи, требующей дѣйствія сильныхъ страстей, безпрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю. И по сему-то *Фингалъ* Озерова можетъ скорѣе почесться великолѣпнымъ трагическимъ представленіемъ, нежели соверши-

ною трагедією. Не основываю мнѣнія моего на томъ, что содержаніе Фингала раздѣлено на три акта, а не на пять. Правило, основанное на предразсудкѣ, можетъ и должно всегда встрѣчать ослушниковъ въ тѣхъ, которыхъ голосъ дарованія ихъ вызываетъ изъ толпы. Большая часть трагедій выиграли бы потерею двухъ актовъ и почти всѣ исключительно потерею одного. Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ, и забывая, что въ Греческихъ трагедіяхъ хоры всегда занимаютъ большое мѣсто и раздѣляютъ съ дѣйствіемъ вниманіе зрителей. Съ другой стороны Греки не столь жадны были, какъ мы, и содержаніе ихъ пяти актовъ едва ли станови́тся у насъ на два. Въ трагедіи *Фингалъ* одно только трагическое лице: Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія, нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ, соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ побѣдитель и убійца Тоскара влюбленъ въ его сестру Моину, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, не раздѣляющей ненависти его къ побѣдителю сына, и вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей на холмѣ надгробномъ Тоскара. Вотъ одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Онъ съ искуствомъ умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубинѣ печальной души преступныя надежды, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, благородство и довѣрчивость Фингала, и сочетать въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости. Какъ трагикъ, онъ воспользовался всѣми выгодами предметовъ избранныхъ, и чѣмъ бѣднѣе въ средствахъ, тѣмъ рѣшительнѣе

и искуснѣе былъ онъ въ расположеніи. Въ тѣсномъ кругу дѣйствія характеры Старна, Фингала и Моины являются во всѣхъ оттѣнкахъ. Какъ поэтъ схватилъ онъ смѣлою рукою богатства сѣверной поэзіи, и разбросанныя сокровища соединилъ въ одно цѣлое. Трагедія *Фингалъ* — торжество сѣверной поэзіи и торжество Рускаго языка, богатаго живописью, смѣлостію и звучностію. Рѣчи Моины — утренній голосъ весны, пробуждающій сладостнымъ очарованіемъ тишину безмолвныхъ рощей; сѣтованіе мрачнаго Старна — унылый голосъ осени, бесѣдующей съ ночною бурею; съ нимъ говорятъ

И вѣтровъ страшный ревъ,

И моря грозный шумъ, и томный скрыпъ деревъ.

Въ Фингалѣ ничто не забыто ни трагикомъ, ни поэтомъ. Тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань. Счастливый преемникъ Озерова можетъ приняться послѣ него за Эдипа, частію сравняться съ нимъ, а частію и превзойти его; но едва ли дерзнетъ кто нибудь по слѣдамъ его искать добычи въ поэмахъ Оссіана. Онъ найдетъ поле, уже пожатое и обнаженное рукою счастливою и искусною въ выборѣ. Представленіе Фингала говоритъ воображенію, сердцу и глазамъ зрителей. Тутъ все у мѣста: пѣніе бардовъ, хоры жрецовъ, сраженія. Всѣ сіи принадлежности, во многихъ трагедіяхъ часто излишнія, въ Фингалѣ нужныя, тѣсно связаны съ главнымъ содержаніемъ и, такъ сказать, идутъ не за сочинителемъ, а за дѣйствующими лицами. Несправедливо будетъ сказать по нѣкоторымъ отношеніямъ, что Озерову скорѣе надлежало бы составить оперу изъ Фингала. Старнъ, господствующее и почти дѣйствующее лице въ трагедіи, начертанъ сильными красками и кистію рѣшительно трагическою. Въ трагедіи Старнъ уединяется; въ оперѣ онъ совершенно отдѣлился бы отъ общей картины и разрушилъ согласіе единства. Фингалъ представленъ былъ въ первый разъ на Петербургскомъ театрѣ въ началѣ декабря 1805 года и напе-

чатанъ съ посвященіемъ Алексѣю Николаевичу Оленину, по словамъ сочинителя, присовѣтовавшему ему

Народовъ сѣверныхъ Аттилла описать.

Въ обыкновенныхъ посвященіяхъ находится притворное уваженіе отъ лица посвящающаго и притворная лесть къ лицу покровителя. Въ двѣнадцати стихахъ Озерова есть поэзія и чувство. Заслуженныя похвалы сочинителя трагедіи, по представленіи ея, не умалились отъ напечатанія. Новые лавры вплетены были признательностію въ вѣнецъ сочинителя Эдипа: новыя терніи готовились ему рукою зависти. Въ 1807 году, когда взоры Россіи устремлены были на борьбу храбрыхъ сыновъ ея съ силою грознаго врага, готовившаго цѣпи рабства Европѣ, Озеровъ въ трагедіи *Димитрій Донской* напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи, когда на Задонскихъ поляхъ нанесенъ былъ сильный ударъ власти Мамая, кичливаго противника Руской свободы. Озеровъ возвратилъ трагедіи истинное ея достоинство: питать гордость народную священными воспоминаніями и вызывать изъ древности подвиги великихъ героевъ, благотворителей современникамъ, служащихъ образцемъ для потомства. Историческія трагедіи, или по крайней мѣрѣ трагедіи, основанныя на вымышленной повѣсти, вставленной въ историческую раму, должны всегда имѣть преимущество предъ другими. Но имѣетъ ли право трагикъ одѣвать посвосму лица, заимствованныя имъ изъ исторіи, и можетъ ли удовольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ ему исторія? Древніе позволяли себѣ воскрешать изъ мертвыхъ лица, которыя уже схоронены были ими, и измѣнять хронологической истинѣ исторіи, смѣшанной у нихъ всегда почти съ баснословными преданіями, не менѣе уважаемыми. Мнѣ кажется, что и новѣйшіе трагики могутъ отступать отъ частной исторической истины, съ тѣмъ только, чтобы быть ей вѣрнымъ въ общемъ смыслѣ. Трагику, напримѣръ, позволено измѣнять исторіи въ подробностяхъ и по

желанію своему переносить героя за двадцать лѣтъ впередъ или назадъ въ его жизни, забывать о семейственныхъ связяхъ его; но характеръ историческій героя должень быть для него святынею, до которой не можетъ онъ дотрогиваться своенравною рукою. Трагикъ, представившій намъ тирана благотворителемъ своихъ подданныхъ, или благороднаго друга свободы рабомъ, пресмыкающимся у трона, равно виновенъ передъ исторіею и передъ трагедіею. Но Озеровъ, представившій Димитрія любовникомъ Ксеніи въ день битвы Донской, когда онъ въ исторіи является уже супругомъ великой княгини Евдокіи, пользовался свободою, законною принадлежностію искуства. Счастливъ былъ бы Озеровъ, если бы довольствовался сею трагическою вольностію; но, увлеченный романическимъ воображеніемъ, онъ нанесъ преступную руку на самый историческій характеръ Димитрія и унизилъ героя, чтобы возвысить любовника. Не только въ Димитріи, но едва ли во всей отечественной исторіи, найдется образецъ списка, представленнаго намъ Озеровымъ. Его Димитрій и въ самыхъ благородныхъ движеніяхъ души своей и въ самомъ подвигѣ славы, напоминаетъ намъ не великаго князя Московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истины въ изображеніи историческаго Димитрія, не избѣгаетъ онъ справедливой укоризны и за Димитрія, созданнаго его воображеніемъ. Предупреждая обвиненія судей, трагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксеніи рѣшительный приговоръ осужденія поступкамъ Димитрія, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбія, ожидаетъ отъ него своего освобожденія. Не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ

ли она его въ постыдномъ малодушіи? Кончина Бренскаго, на смерть посланнаго Димитріемъ, не есть ли ужаснѣйшая и постояннѣйшая укоризна ему? Самый соперникъ Димитрія не исторгаетъ ли невольную дань уваженія, отказываясь отъ руки Ксеніи, и не долженъ ли признаться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитріемъ, что онъ превзошелъ его? Между тѣмъ въ этомъ самомъ обвиненіи не найдемъ ли мы убѣдительнѣйшаго доказательства искуства трагика, который будучи какъ бы въ распрѣ съ самимъ собою, попеременно водитъ Димитрія отъ стыда къ торжеству, невольно привязываетъ насъ къ его участи и, побѣждая сердце на зло разсудка, заставляетъ осуждать его слабости и принимать въ нихъ живѣйшее и господствующее участіе? Можетъ быть, въ семъ случаѣ трагикъ многимъ обязанъ поэту. Роли Димитрія и Ксеніи писаны съ начала до конца рукою истиннаго поэта. Говоритъ ли онъ о храбрости, о благородной любви къ отечеству: въ рѣчахъ его отзываются звуки мужественнаго голоса Корнеля. Сѣтуетъ ли нѣжная любовь: трогательные звуки чувствительной души Расина доходятъ до глубины сердца. Великолѣпное начало трагедіи напоминаетъ красоту первыхъ явленій *Танкреда* и *Брута*. Оно украшено историческими воспоминаніями, частными и мѣстными подробностями, придающими картинѣ особенную прелесть на Руской сценѣ. Отвѣтъ Димитрія послу есть одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ отрывковъ нашей поэзіи. Второе дѣйствіе, открывающееся прекраснымъ явленіемъ Ксеніи, полно движенія, жара, и съ начала до конца не задерживается и не остываетъ ни на одно мгновеніе. Расказъ въ пятомъ дѣйствіи отличается необыкновенною описательною красотою и можетъ служить образцемъ въ этомъ родѣ. По большой части подобные расказы охлаждаютъ дѣйствіе и могутъ назваться узаконенными ошибками новѣйшихъ трагедій; но здѣсь онъ замѣняетъ дѣйствіе и имѣетъ особенную красоту, основанную на положеніи несчастной Ксеніи,

(которая желаетъ узнать о жребіи битвы, сопряженномъ съ жребіемъ Димитрія, но не смѣетъ явно открывать участія, принимаемаго ею) и на таинственности незнакомаго воина, рѣшившаго побѣду. Явленіе раненнаго Димитрія прекрасно. Священныя раны его, искупившія свободу отечества, грозящая утрата жизни, совершившаяся утрата всѣхъ надеждъ души его, красноречивая сила несчастія: все говоритъ въ его пользу. Онъ рѣшитель побѣды; но слава не льститъ сердцу, убитому въ живѣйшихъ чувствахъ. Димитрій побѣдитель и несчастливецъ миритъ съ собою и противниковъ своихъ, оскорбленныхъ его упорствомъ, и зрителей, строгихъ судей его поступковъ необдуманныхъ. Вообще трагедія, кромѣ ея драматическаго достоинства, согрѣта какою-то поэтическою любовію къ отечеству, которая отражается съ живостію и силою въ Рускихъ сердцахъ, и которой напрасно будемъ искать въ твореніяхъ Сумарокова, Княжнина и самаго Хераскова, пѣснопѣвца Россіи. Она и при началѣ своемъ имѣла разительное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ; но послѣ произшествій 1812 года, которыя нѣкоторымъ образомъ предсказаны во многихъ стихахъ *Димитрія*, еще болѣе становится на нашемъ театрѣ народною трагедіею. Здѣсь невольно сливается съ воспоминаніемъ о ней воспоминаніе и другой трагедіи, которой творецъ и дарованіемъ и преждевременною смертію, пресѣкшею при самомъ развитіи исполняющуюся надежду прекрасной жизни, раздѣляетъ съ Озеровымъ дань нашихъ слезъ и уваженія. Трагедія *Пожарской* если не изобилуетъ трагическими красотами *Димитрія*, то можетъ по крайней мѣрѣ по достоинству своему поэтическому занять, хотя и въ нѣкоторомъ разстояніи, первое по ней мѣсто.

Новое твореніе Озерова, принятое съ восторгомъ, было послѣднею эпохою его счастія и успѣховъ. Съ горестію подходимъ къ послѣднему памятнику его дарованія, свидѣтельствующему о зрѣлости таланта трагика и о печальной истинѣ, что

чувствительное сердце рѣдко уживается со славою. Частыя неудовольствія, легкія, можетъ быть, для другаго, но нестерпимыя для нѣжной и благородной души, удалили Озерова въ деревню. Геній остается вѣренъ любимцу своему, забытому людьми, и покровительствуетъ гонимаго счастіемъ; но слабое сердце человѣческое живетъ и согрѣвается постороннимъ одобреніемъ: собственное для него не всегда удовлетворительно, и душа остываетъ при молчаніи равнодушія. И что въ обольщеніяхъ отдаленной славы, если она не подательница настоящаго счастія? Въ тишинѣ деревни Озеровъ кончилъ въ 1809 году трагедію *Поликсену*, которая съ удовольствіемъ принята была публикою, но сдѣлалась, какъ сказываютъ, для автора источникомъ многихъ непріятностей, и чувствительное сердце поэта сохранило до гроба живую память о нанесенномъ оскорбленіи. Расинъ, обогатившій Федрою своихъ современниковъ, нашелъ въ нихъ пристрастныхъ и несправедливыхъ судей; Озеровъ испыталъ почти ту же участь, написавъ *Поликсену*, совершеннѣйшее произведеніе своего дарованія, и слѣдственно лучшую трагедію нашу. Не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ планѣ, *Поликсена* полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ трагедій Озерова. Характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены выдержаны до конца. Мастерство кисти Озерова, замѣченное прежде въ изображеніи женскихъ характеровъ, торжествуетъ здѣсь съ новымъ блескомъ. *Я*, согласно съ справедливымъ мнѣніемъ критика, по многимъ отношеніямъ столь богатаго средствами цѣнить достоинство Руской трагедіи и сличать ее съ ея образцами *), почитаю лишнимъ лице Нестора, играющаго въ *Поликсенѣ* такую же безполезную ролю, какую играетъ князь Бѣлозерскій въ *Димитріи*, съ тою только разницею, что Озеровъ щедрѣе надѣлилъ хорошими стихами Греческаго словоохотнаго старца.

*) См. Критику Поликсены, напечатанную въ *Вѣстникѣ Европы* 1817 года.

Однако же позволю себѣ сомнѣваться въ справедливости нѣкоторыхъ другихъ укоризнъ, сдѣланныхъ трагику, и осмѣлюсь оправдать его. Пирру прилично было требовать въ жертву именно Поликсену, а не Гекубу и не Кассандру, потому, что цѣна жертвы возвышалась въ глазахъ сына правомъ ея свободы. Прахъ Ахилловъ не довольствовался бы почестію, если бъ жертвою была плѣнница; а Гекуба и Кассандра, не смотря на высокое рожденіе, подпали общему жребію. Одна Поликсена оставалась въ свободѣ: она одна могла быть достойною и исключительною наградою героя. Иную жертву Ахиллъ долженъ бы былъ дѣлить съ другимъ вождемъ и получить отъ его соизволенія. Надменному ли Пирру ходатайствовать за прахъ родителя и молить о снисходительности равнаго себѣ? Пойдемъ далѣе. Улиссъ требуетъ не награды за похищеніе Поликсены, но замѣны плѣнницы своей, освобождаемой Гекубы, которая только послѣ объявленія ей свободы идетъ въ ставку Агамемнонову, пользуясь правомъ, ей дарованнымъ. Кассандра не произвольно отлучается изъ стана Агамемнонова, но по приказанію его и съ тѣмъ, чтобы утѣшить скорбную мать: она сказываетъ о томъ, и слова ея объясняютъ и оправдываютъ въ глазахъ зрителя нечаянный ея приходъ. Первыя три дѣйствія исполнены движенія и жизни. Споръ Пирра и Агамемнона предложенъ съ большимъ искусствомъ; явленіе Гекубы съ Улиссомъ сильно и краснорѣчиво; бесѣды матери съ дочерью до высшей степени трогательны. Четвертый актъ есть дань принужденная самовластію обычая, опредѣлившаго трагедіи пять дѣйствій. Послѣдній силенъ трагическою занимательностію. Добровольная смерть Поликсены есть счастливая, хотя и романическая развязка, и слѣдующее за тѣмъ послѣднее явленіе, ни мало не охлаждаетъ дѣйствія, произведеннаго смертію Поликсены. Кассандра, сестра несчастной жертвы неистовыхъ Грековъ, въ пророческомъ изступленіи предсказываетъ имъ бѣдствія, ожидающія ихъ, и нѣкоторымъ обра-

зомъ миришъ зришелей съ жесшокими богами, осудившими на плачевное сшраданіе все ея семейсшво. Въ послѣднихъ словахъ Несшора, заключающихъ шрагедію, мы слышимъ ошголосокъ души поэша. Обманувшійся во многихъ надеждахъ, разсшерзанный въ живѣйшихъ чувсшвахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣлъ на жизнь и съ удовольсшвіемъ думалъ о смерши, спокойномъ убѣжищѣ ушомленныхъ сшранниковъ земли. Сіи сшихи, послѣдніе изъ извѣсшныхъ, осшавшихся по немъ, и какъ пѣснь лебедя, предсказывающая его кончину, скрываюшъ шайное предчувсшвіе ужасной судьбы, омрачившей западъ жизни чувсшвишельнаго поэша. Въ деревнѣ началъ онъ *Медею* и написалъ уже шри дѣйсшвія; но, что съ ними сдѣлалось, не извѣсшно. Сказываюшъ, что въ припадкѣ уныніи кинулъ онъ ихъ въ огонь. Еще были у него загошовлены два плана новыхъ шрагедій: *Вельгарда Варяга мученика при Владимірѣ*, и *Осады Дамаса*. Въ послѣдней намѣревался онъ подражашь одной Англійской шрагедіи. Судьба и люди не дозволили ему обогашишь нашъ шеашръ и усовершенсшвовашь шрагическое искусшво, нѣкошорымъ образомъ родившееся и умершее съ нимъ. Излишнимъ кажешся доказывашь, что ни Княжнинъ, ни Сумароковъ не были его образцами, и смѣшно напоминашь, что произведенія, послѣдовавшія за его шрагедіями, не имѣюшъ никакаго съ ними сходсшва. Лучшія изъ первыхъ и послѣднихъ слѣплены съ одного образца и могушъ почесшься мершвыми подражаніями Французской классической шрагедіи, въ кошорыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенныя условія, пропoвѣданныя драмашическими шіишиками. Трагедіи Озерова занимаюшъ между ними средину, и въ самыхъ погрѣшносшяхъ своихъ предсшавляюшъ намъ ошсшупленія ошъ правилъ, исполненныя жизни и носящія свой образъ. Онѣ уже нѣсколько принадлежашъ къ новѣйшему драмашическому роду, шакъ называемому *романшическому*, кошорый принявъ Нѣмцами ошъ Испанцевъ и Англичанъ. Оцѣняя досшоинсшво Озерова, какъ шра-

гика, справедливость принуждаетъ насъ замѣтить, что трагику на ровной степени совершенства съ другими писателями должно всегда бороться съ большими препятствіями для достиженія своей цѣли, а тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ и самый языкъ, еще не смягченный употребленіемъ, столь часто упорствуетъ противъ усилій писателя. Занимающійся инымъ родомъ словесности одерживаетъ свои побѣды въ единоборствѣ. Трагикъ дѣйствуетъ противъ многочисленной силы, и если иногда можетъ слабѣть въ частныхъ пораженіяхъ, то по крайней мѣрѣ долженъ необходимо въ цѣломъ одержать рѣшительную побѣду. Удовлетворивъ строгому и взыскательному вкусу публики, всегда недоброжелательной, онъ есть полководецъ, выигравшій генеральное сраженіе противъ непріятелей, оспоривавшихъ ему каждый шагъ побѣды. Успѣхъ его, съ одной стороны пробуждающій страданіе зависти, съ другой имѣетъ еще нужду утвердиться полнѣйшимъ одобреніемъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ судей, истинныхъ цѣнителей трудностей его подвига. И такъ, какъ трагикъ, Озеровъ, неоспоримо стоитъ въ лѣтописи отечественной словесности побѣдителемъ своихъ предшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей. Какъ поэтъ, имѣетъ онъ преимущества, такъ сказать, ему особенно принадлежащія. Озеровъ-трагикъ можетъ и долженъ служить образцемъ на театрѣ нашемъ. Какъ поэтъ, хотя и неоспоримо утвердившійся на чредѣ первѣйшихъ нашихъ поэтовъ, не можетъ и не долженъ онъ быть образцовымъ. Въ самыхъ красотахъ слога онъ болѣе счастливъ, нежели правиленъ. Одаривъ Руской языкъ богатствомъ, до него еще безызвѣстнымъ, не щадитъ онъ его во многихъ случаяхъ. Часто намекаетъ тамъ, гдѣ нужно выразить, и останавливается тамъ, гдѣ надобно быть быстрымъ. Часто употребляетъ онъ во зло присвоенную Рускимъ языкомъ переноску словъ и, сбиваяся въ истинномъ ихъ значеніи, довольствуется словомъ близкимъ къ настоящему. Нѣтъ въ стихахъ

его той свободы, той мягкости, которая заставляетъ читателя забывать о трудѣ стихотворца, и вѣроятно въ составѣ его стиха сохранились слѣды первыхъ его учителей. Почеркъ дѣтства измѣняется съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразоваться, и суровость языка временъ Княжнина глухо отзывается еще въ поэмахъ Озерова. Но за то, гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчивая! Какая истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе, измѣняющее сердцу, непріученному къ жизни счастіемъ! Гдѣ болѣе найдемъ мы живыхъ красотъ въ описательномъ родѣ, какъ не въ его трагедіяхъ? Гдѣ болѣе примѣровъ искуства пользоваться подробностями и вставлять ихъ въ общую картину съ сохраненіемъ единства и при томъ съ разнообразіемъ? *Димитрій Донской* усѣянъ историческими воспоминаніями, мѣстными подробностями. *Фингалъ* есть нѣкоторымъ образомъ пантеонъ сѣверной поэзіи; въ *Поликсенѣ* взята обильная дань съ Иліады, и въ этомъ смыслѣ можно, по выраженію Эсхила, назвать ее *остатками пиршествъ Омера*. Съ этой стороны Озеровъ у насъ заслуживаетъ особенное одобреніе, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ одномъ изъ нашихъ поэтовъ не нашелъ тому примѣра. Не всегда въ устройствѣ цѣлой картины должно искать свидѣтельства о геніи живописца: часто одна черта, непримѣтная для глазъ непросвѣщенныхъ, открываетъ тайну прозорливому взгляду опытнаго наблюдателя. Не смотря на прозаическіе и жесткіе стихи, разбросанные въ его трагедіяхъ, вообще стихи его звучны и полны. Едва ли не у него должно искать лучшихъ нашихъ Александрійскихъ стиховъ.

Исчисля заслуги Озерова, принесенныя Рускому театру, благодарность заставляетъ упомянуть и о томъ, что онъ произведеніями своими образовалъ актрису, которая, на нашей сценѣ, первая постигла тайну трагическаго искуства. Если Фран-

цузы обязаны были Расину за Шаммеле, безъ сомнѣнія и мы должны благодарить Озерова за Семенову. Великій трагикъ творитъ великихъ актёровъ. Озеровъ создалъ Ксенію и Моину: Семенова поняла поэта и оживотворила черты его воображенія.

КОНЕЦЪ БІОГРАФІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Примѣчаніе.

На 22 стран. въ 1 стихѣ, вмѣсто слова: *лести,* должно быть: *мести.*

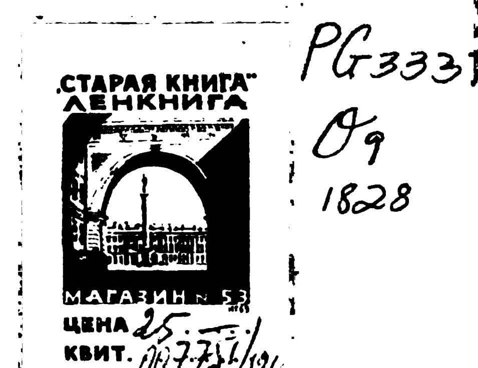
На 51 стран. въ 19 стихѣ, вмѣсто слова: *Совѣта,* должно быть: *Совѣты.*

На 57 стран. въ 8 стихѣ, вмѣсто слова: *улышишь,* должно быть: *услышишь.*

На 148 стран. въ 5 стр., вмѣсто слова: *выиграли,* должно быть: *выиграла.*

На 150 стран. въ 31 стр., вмѣсто слова: *вѣрнымъ,* должно быть: *вѣрными.*

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

„СТАРАЯ КНИГА"
ЛЕНКНИГА
МАГАЗИН № 53
ЦЕНА 25.
КВИТ. 007751/126